

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2019, №3

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г., выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (гл. редактор)

Редакция: Белилина Е.В.; Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.; Суркова Т.И. (зав. редакцией); Шпорт Ю.А.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical *Japanese Studies in Russia* has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science (in Russian Federation): 07.00.00 History and Archaeology 08.00.00 Economics 23.00.00 Political Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Corresponding member of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Belilina Elena V.; Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History); Shport Yulia A.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2019, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Герасимова М.П. Сиба Рётаро: очерки о России и национальное самосознание автора.....	6
Борькина А.Ю. Миры произведений «Токайдотю хидзакуригэ» и «Укиёбуро»: «антимир» и «идеальный мир» /На англ./.....	23
Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы	33
Садокова А.Р. Локальные предания о Минамото-но Ёритомо в системе японской фольклорной прозы.....	49
Лексютина Я.В. Вызов «возвышающегося» Китая для Японии в контексте нормализации китайско-японских отношений в 2014–2018 гг.	62
Сафронова Е.И. К вопросу о соперничестве Японии и Китая в Африке и Латинской Америке	84
Маслова А.В. Взгляды Мисима Юкио на послевоенное устройство Японии в ранней эссеистике на примере эссе «Рассуждение о новом фашизме»	112
<i>Книжная полка</i>	
Марьясис Д.А. Как трудятся люди в Стране восходящего солнца.....	128

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2019, No. 3

CONTENTS

Gerasimova M.G. Shiba Ryotaro: essays on Russia and the author's national identity	6
Borkina A.Yu. The Fictional Worlds of <i>Tōkaidōchū hizakurige</i> and <i>Ukiyoburo</i> : the “Anti-World” and the “Idealistic World” /In English/	23
Kistanov V.O. Relations between Japan and South Korea: problems, trends, perspectives.....	33
Sadokova A.R. Local legends about Minamoto-no Yoritomo in the system of Japanese folk tales	49
Leksyutina Ya.V. Japan's China challenge within the context of normalization of Sino-Japanese relations in 2014–2018	62
Safronova E.I. On the Japan-China rivalry in Africa and Latin America	84
Maslova A.V. Mishima Yukio's perception of the post-war state structure of Japan on the example of the essay “The Reasoning on the New Fascism”	112

Book Review

Maryasis D.A. How people work in the Land of the Rising Sun.....	128

Японские исследования. 2019. №3. С. 6–22.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 6–22.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10017

Сиба Рётаро: очерки о России и национальное самосознание автора

М.П. Герасимова

Аннотация. Сиба Рётаро (1923–1996) – автор многочисленных исторических романов и повестей, пользующихся неизменным вниманием читающей публики не только в Японии, но и за её пределами. В его творчестве немало внимания уделяется России. Взгляд Сиба Рётаро на Россию интересен тем, что в отличие от европейцев, которые видят Россию с Запада и судят о ней по её Европейской части, японцы, как говорит Сиба, «ощущают Россию через Сибирь». В 1999 г. в России был издан в переводе на русский язык его сборник эссе «О России. Изначальный облик Севера» (*Россия ни цуитэ. Хоппо-но гэнкэй ロシアについて。北方の原形*). По признанию самого писателя, он рассматривал Россию в первую очередь как на страну-соседа. Поэтому не Россия сама по себе и её история, а факты и факторы, влиявшие на то, как складывались отношения между Японией и Россией, были предметом его размышлений, на основе которых были написаны вошедшие в сборник эссе. Основным фактором, повлиявшим на восприятие России в Японии, как это следует из собранных в сборнике эссе, было освоение Россией Сибири, иными словами, приближение к Японии и то, как это происходило. Сборник эссе «О России» не первая работа, в которой затрагиваются японско-российские отношения. Раздумья писателя на эту тему начались в процессе работы над двумя наиболее значительными его произведениями «Облака на склоне холма» (*Сака-но узэ-но кумо 坂の上の雲*, 1968–1972) и «Море цветущего рапса» (*На-но хана-но оки 菜の花の沖*, 1982). События первого происходят в период Мэйдзи и поступки героев обусловлены русско-японской войной. Действие второго происходит в конце периода Эдо (1603–1868) и связано с так называемым инцидентом Головнина (1811 г.), поставившим на грань войны ещё не установившиеся российско-японские отношения. Разворачивая во времени и в пространстве историческое полотно России в сборнике эссе «О России. Изначальный облик Севера», он сопоставляет знаменательные, с его точки зрения, события в России с тем, что происходило в это же время в Японии с тенденциозностью, которая может способствовать популяризации иерархической конструкции отношений Японии и России.

Ключевые слова: страх, оружие, Сибирь, продовольствие, прибыль.

Автор: Герасимова Майя Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. E-mail: maiyasalve@gmail.com

Shiba Ryotaro: essays on Russia and the author's national identity

M.G. Gerasimova

Abstract. Shiba Ryotaro (1923–1996) is the author of numerous historical novels and short stories that attract constant attention of the reading public, not only in Japan, but also abroad. Much attention in his prose is paid to Russia, which becomes a point of special interest, because it deepens common knowledge about it, usually formed by seeing this country from the West, while the Japanese, as Shiba says, “feel Russia through Siberia”.

In 1999, a collection of his essays “On Russia. The Original Form of the North” was published in Russia. According to the writer himself, he saw Russia, first and foremost, as a neighboring country. Therefore, it was not Russia itself and its history, but the facts and factors that influenced relations between Japan and Russia that were the subject of his reflections which became the basis of the essays included in the book. This collection of essays is not the author's first work dealing with Japanese-Russian relations. The writer began to ponder over this topic while working on his two most significant works – “Clouds Above the Hill” (*Saka-no ue-no kumo* 坂の上の雲, 1968–1972) and “The Sea of Blooming Rape” (*Nana-no hana-no oki* 菜の花の沖, 1982). The events in the former take place in the second half of the Meiji period and the Russo-Japanese War becomes the central stage for the characters' actions. In the latter, the events are connected with the so-called Golovnin Incident, which brought the two countries to the brink of war after the capture of a Russian explorer and naval captain, Vasily Golovnin, in 1811, by the soldiers of the Japanese shogunate. As follows from the essays in “About Russia. The original face of the North”, Shiba Ryotaro believes that the main factor that influenced the perception of Russia in Japan was Russia's advance deep into Siberia and the way it was approaching Japan. Expanding the historical canvas of Russia in time and space, he compares the events in Russia that were significant from his point of view to what was happening at the same time in Japan, with a perspective that can promote the popularization of the hierarchical structure of relations between Japan and Russia.

Keywords: fear, weapons, Siberia, food, profit.

Author: *Gerasimova Maya G.*, PhD (Philology), Senior Researcher, Japanese Research Center, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: maiyasalve@gmail.com

Сиба Рётаро – литературный псевдоним Фукуда Тэйити (1923–1996), автора многочисленных исторических романов и повестей, отличающихся не только увлекательностью сюжета, но и глубоким проникновением в историю и культуру других народов, главным образом стран Юго-Восточной Азии – Китая, Кореи и Монголии. Этот псевдоним состоит из иероглифов, красноречиво свидетельствующих о сфере интересов его носителя. Фамилия Сиба записывается теми же иероглифами, что и фамилия великого китайского историка Сыма Цяня (145–86 гг. до н.э), иными словами, китайское *Сыма* в японском прочтении звучит как Сиба. Первый иероглиф «рё» в имени Рётаро тот же, что и в написании названия просуществовавшего с 907 по 1125 г. государства кочевых монгольских племен (киданей), которое традиционно известно в истории в его китайском произношении Ляо. Кидани населяли территорию современной Внутренней Монголии, Монголии и Маньчжурии. Компонент *таро* характерен для японских мужских имен. Судя по

тому, что Фукуда Тэйити после окончания школы в 1941 г. поступил на отделение монгольского языка Осацкого государственного института иностранных языков, там же занимался китайским, интерес к этому региону возник уже в юности и не ослабевал в течение всей жизни. Работа журналистом после окончания войны побудила его взяться за перо, и вскоре Фукуда Тэйити стал известен как Сиба Рётаро, – чрезвычайно популярный автор произведений на исторические темы, удостоенный почти всех литературных премий Японии. Однако, как замечает К. Саркисов, «вряд ли Сиба стал столь знаменитым в Японии, если бы просто от увлекательных, рассчитанных на массового читателя произведений не перешёл бы к своему неповторимому стилю аналитического исторического романа и повести» [Саркисов, с. 12].

Стремлению понять, почему так, а не иначе складывалась история народов и государств, национальные характеры и отношения с соседями – отличительная особенность произведений Сиба Рётаро. В ярком проявлении, хотя и не без тенденциозности, о которой отдельно будет сказано позже, она предстаёт и в эссе, вошедших в сборник «О России. Изначальный облик Севера».

Этот сборник был опубликован в Японии в 1986 г., а спустя год удостоен одной из самых престижных в Японии премий по литературе – премии Ёмиури. В 1999 г. он вышел в России в переводе на русский [Сиба]. В аннотации к сборнику говорилось: «Книги Сиба Рётаро – это широкое полотно истории Японии и соседних с ней стран, увиденное с высоты птичьего полета мысли глазами большого японского литератора. Не удивительно, что во многих своих художественных произведениях и эссе на темы истории и культуры он уделял большое внимание России».

В послесловии к сборнику, написанном Одзэки Кэйти, также говорится о том, что Сиба Рётаро является одним из самых известных писателей Японии и его произведения по-

прежнему с успехом продаются. Кроме того, автор послесловия подчёркивает, что «некоторые обозреватели считают, что только в 21-м веке в других странах начнут читать произведения Сиба Рётаро, и идею издать эту книгу в России нужно считать первой попыткой» [Сиба, с. 193], предпринятой в этом направлении. Тем интересней и важнее знать, какой видит Россию Сиба Рётаро, один из самых известных писателей Японии, чьи произведения пользуются неизменным спросом.

Взгляд Сиба Рётаро на Россию, «которая вытянула одно из своих крыльев, на удивление большое, далеко на Восток», особенно интересен тем, что в отличие от европейцев, которые видят Россию с Запада и судят о ней по её Европейской части, японцы, как говорит Сиба, «ощущают Россию через Сибирь». «Не следует думать, что Россия, взмахивая своим огромным крылом, увлекла за собой одну лишь Японию. В одну компанию с Японией попали Китай и Монголия. Разумеется, к этой же группе относится также коренное население Сибири – тунгусы, камчадалы с Камчатского полуострова. В порывах этого вихря метались и айны с Курил. И я попытался всмотреться в изначальный облик России через призму изменений, происходивших во всех этих странах и народах» [Сиба, с. 186]. Результатом исследований и размышлений о судьбах огромной страны и населяющих её народов, об изначальном облике России и его современных проявлениях, которым на протяжении долгого времени предавался Сиба Рётаро, стала книга «О России. Изначальный облик Севера». Зная о влиянии японского писателя на своих соотечественников, можно утверждать, что так видят Россию многие и многие японцы, – говорится в цитированной выше аннотации к изданию на русском языке.

Представив на суд историков правомерность утверждений Сиба Рётаро о различных фактах из истории России, следует подчеркнуть, что, по собственному признанию писателя, он смотрел на Россию в первую очередь как на страну-соседа. Поэтому не Россия сама по себе и её история, а факты и факторы, влиявшие на то, как складывались отношения между Японией и Россией, были предметом его размышлений. С его точки зрения, в отношениях между этими странами «в избытке накопились и переплелись результаты действия и противодействия. Если допустить, что принципы психологии приложимы к государству (а они в самом деле приложимы), то, наверное, нет других стран, отношения между которыми были бы столь же глубоко психологичны» [Сиба, с. 190].

Забегая вперед, следует сказать, что, по мнению автора эссе, основным фактором, повлиявшим на восприятие России в Японии, было освоение Россией Сибири, иными словами, приближение к Японии и то, как это происходило.

«О России. Изначальный облик Севера» – не первая работа, в которой затрагиваются японско-российские отношения. Раздумья писателя на эту тему начались в процессе работы над двумя наиболее значительными его произведениями «Облака на склоне холма» (*Сака-но уэ-но кумо* 坂の上の雲, 1968–1972)¹ и «Море цветущего рапса» (*На-но хана-но оки* 菜の花の沖, 1982).

---

¹ Роман издавался в период с 1968 по 1972 г. в восьми томах. Трёхлетний телесериал NHK, специально созданный по мотивам романа под названием «Сака но уэ но кумо», был показан в тринадцати эпизодах с 2009 по 2011 г.

Таката Кахэй на рисунке члена экспедиции Головнина

Действие написанного в более позднее время романа «Море цветущего рапса» происходит в конце эпохи Эдо (1603–1868), в 1811–1813 гг., и повествует о событиях, связанных с так называемым инцидентом Головнина (яп. ゴローニン事件), поставившим на грань войны ещё не установившиеся российско-японские отношения. Инцидент Головнина (ゴローニン事件 Горо:нин дзикэн) – российско-японский конфликт, возникший в 1811 г., когда российский императорский шлюп «Диана» под командованием Василия Михайловича Головнина был послан на Дальний Восток для подготовки составления гидрографического описания Курильских островов. Во время проведения работ на острове Кунашир японцами были захвачены в плен сам Головнин, два его офицера (Фёдор Мура и Андрей Хлебников) и четверо матросов. Два года они содержались в тюрьме недалеко от города Мацумаэ. В 1812 г. во время разногласий о территориальных водах Курильских островов командовавший русским военным шлюпом Пётр Рикорд в качестве контрмер остановил принадлежащее японцу по имени Таката Кахэй торговое судно «Кандзэ-Мару», а сам владелец судна был увезён на Камчатку. У японского торговца и русского морского офицера П.И. Рикорда сложились дружеские, доверительные отношения, они разработали план освобождения русских моряков из плена и успешно осуществили его. Конфликт был разрешён мирным путем в 1813 г. Это был беспрецедентный случай – до этого из японского плена не возвращался никто. Эти события легли в основу романа «Море цветущего рапса». Его главный герой – много повидавший на своем веку, в том числе и русский плен, японский коммерсант Таката Кахэй 高田屋 嘉兵衛 (1769–1827), способствующий налаживанию японо-русских отношений.

«Облако над склоном холма», обложка DVD

События, описанные в первом романе «Облако над склоном холма», разворачиваются спустя почти целый век на фоне русско-японской войны. Это историческое повествование о трёх молодых японцах, из числа тех, чьими стараниями в Японии нового времени, после реставрации Мэйдзи, происходили грандиозные перемены, направленные на модернизацию страны. Двое из них – братья Акияма из сельского захолустья сделали карьеру на военном поприще, добились высоких должностей и много способствовали модернизации армии и флота некогда сильно отстававшей от передовых держав мира Японии. Третий герой – поэт, на театре военных действий – он журналист, захвачен «модернизацией» традиционных поэтических жанров. У всех троих есть реальные прообразы – Акияма Ёсифуру 秋山 好古, (1859–1930) – японский генерал, признанный «отцом японской кавалерии», Акияма Санэюки 秋山 真之 (1868–1918) вице-адмирал, начальник штаба японского флота, сыгравший важную роль в оперативном командовании во время русско-японской войны 1904–1905 гг., и прославленный поэт и теоретик Масаока Сики (1867–1902), благодаря которому началось возрождение традиционных поэтических жанров.

Работа над этими произведениями заняла у писателя более десяти лет, которые, судя по его высказываниям, прошли в раздумьях о России. Описание событий, связанных с войной между Японией и Россией 1904–1905 гг., возможно, побудило писателя оглянуться назад и обратиться ко времени, когда отношения между странами только зарождались, когда добрая воля людей помогла разрешить конфликт, и результатом стало написание романа «Море цветущего рапса».

Однако даже после десяти лет раздумий о России, об отношениях между Россией и Японией, Сиба Рётаро, по его собственному признанию, не переставал размышлять об особенностях этих отношений, их причинах и следствиях. Полагая, что как бы ни менялась система правления любого государства, существует нечто неизменное в облике народа, что необходимо знать и учитывать, строя с ним взаимоотношения, Сиба пишет: «Разумеется, для моего пера было бы слишком большой дерзостью прикоснуться к изначальному облику России в её сущности, да это и не является главной целью моей работы. Моё заветное желание написать эту книгу так, чтобы читатель мог своими глазами увидеть Россию сквозь призму политического сознания в её отношениях с Японией», подчёркивая при этом, что писал её, «стараясь, насколько возможно, придерживаться такой позиции, в которой нет места ни любви, ни ненависти» [Сиба, с. 185].

Очередной раз забегаая вперёд, следует сказать, что из размышлений Сиба Рётаро о России можно сделать следующий вывод: Россия вызывает у смотрящих на неё с Востока через Сибирь противоречивые чувства: с одной стороны, «Россия видится как чёрная туча» и это вызывает страх, с другой стороны – восхищает культура, созданная в императорской России. Причину страха Сиба Рётаро видит в том, что для Японии, не имевшей оружия, действия России, обусловленные тенденциями её развития в XVIII–XIX веках и стремительным продвижением через Сибирь на Восток, были подобны «шагам с чёрного хода» [Сиба, с. 187]. Именно этими действиями было сформировано первое впечатление о России и её отношении к другим народам.

Результатом этих же действий, по мнению Сиба Рётаро, стало то, что «в конце XIX века Россия спустилось на юг в Маньчжурию, обустроила Квантунскую область и вышла в залив Бохай. В Корее Россия получила право на вырубку леса по течению реки Ялу и начала скупать участки по всей стране. Страх перед тем, что Россия приближается к Японии побудил её усилить вооружение своей армии. И этот страх, оказывая психологическое действие и вызывая противодействие, в конце концов обернулся взрывом в форме русско-японской войны» [Сиба, с. 187]. Однако Сиба подчеркивает, что все эти события «не более чем результат, и ни одной из этих проблем в своём труде он не касался, поскольку для него важен был изначальный облик» [Сиба, с. 187], иными словами, как уже говорилось, то неизменное в облике народа, что неподвластно никаким переменам.

Размышляя об облике русского народа, о «становлении русских как нации», о причинах и следствиях «фактов и факторов», обусловивших эту неизменность, Сиба настойчиво подчёркивает, что этот вопрос «нельзя рассматривать вне связи с постоянной угрозой извне», с которой русским пришлось сталкиваться в течение очень длительного времени. Свой рассказ он начинает с того, что «русскую равнину» издавна населяли мирные земледельцы, которых мы вправе рассматривать как праславян [Сиба, с. 24]. Они постоянно подвергались набегам со стороны кочевников и не успевали привести в порядок разорённые ими угодья. Это явилось причиной того что государство, то есть общество на большой территории, в России было создано гораздо позже, чем в других странах. Что же касается сформировавшейся в IX веке как государство Киевской Руси, то «её строили не русские самостоятельно, а пришедшие извне люди, которые уже имели опыт создания своего государства. Этими пришельцами были промышлявшие пиратством шведы. ...Внедряя византийскую культуру, они своей властью заставили крестьян обратиться в христианскую веру» [Сиба, с. 28]. При этом, проводя параллель со странами Западной Европы, Сиба отмечает, что на Западе, где

большую роль играла римско-католическая церковь, образование государств шло иными путями. Церковь способствовала поддержанию традиций, зародившихся в период расцвета древнеримской цивилизации, что способствовало не только прогрессивному развитию западноевропейского общества, но и распространению информации о прогрессивных формах его организации. Однако эта информация не доходила до православной церкви, центр которой находился в Византии. Таким образом, заключает автор, «Россия в течение долгого времени оставалась изолированной от волн западного влияния» [Сибя, с. 28].

В довершение к этому татаро-монгольское иго, которое Сибя называет «чрезвычайной ситуацией на русской равнине», создало духовную стену между Россией и остальной Европой, что не позволило идеям Ренессанса, «тем самым, которые сделали Европу передовой цивилизацией в Новое и Новейшее время» [Сибя, с. 17], распространиться в России, задержав её развитие как оседлой цивилизации.

По мнению Сибя, нашествие монголов во главе с Чингисханом в XIII веке и их долгое господство оказали влияние не только на развитие «отделённой» от Европы России как государства, но и на «национальный характер русских, бывших в те времена угнетаемым народом» [Сибя, с. 31]. Обобщая последствия испытаний, через которые пришлось пройти русским в течение долгого исторического периода, Сибя приходит к выводу о том, что кочевым племенам Кыпчакского ханства, равно как и татаро-монгольским кочевникам, удалось покорить русский народ потому, что они превосходили в военном искусстве и обладали более мощным оружием. «И, наверное, не было на земле другого народа, обладавшего столь же ужасным опытом противостояния новому оружию, как люди, которые жили на Русской равнине и исповедовали православие» [Сибя, с. 30].

Всё это стало причиной того, что первые государства, созданные самими русскими, появились на «русской равнине» (позволим себе сохранить для образности выражение автора) только в XVI веке. На основании изложенных фактов, Сибя позволяет себе предположить, что «такие качества, как удивляющий многих страх перед внешним врагом, болезненная подозрительность по отношению к зарубежным странам, потенциальная жажда завоеваний, невероятная сильная вера в огнестрельное оружие – всё это является наследием времён господства Кыпчакского ханства и порождением культуры угнетённых» [Сибя, с. 34].

Тем не менее, в начале XVI века Россия, освободившись от кочевников, встала на путь, который приблизил её к превращению в Великую Россию. Сопоставляя события этого периода с тем, что происходило в это время в Японии, Сибя отмечает, что в Японии получили распространение ружья, которые стали своего рода орудием поворота от эпохи военных распрей к объединению страны.

Следует отметить, что подобные сопоставления знаменательных, с точки зрения автора, событий в истории России и Японии, то и дело встречающиеся на протяжении всего повествования, могут быть рассмотрены с разных точек зрения. Подробнее об этом будет сказано позже, а пока кратко о том, с чего же начинается, по мнению Сибя Рётаро, Великая Россия.

Автор рассказывает японскому читателю, о том, как в 1533 г. венчался на царство Иван IV Грозный. Отмечает, что, опираясь на воинское сословие, он подавил крупную знать, угнетавшую крепостных крестьян во время татаро-монгольского ига, и завоевал новые земли. Что он оказывал покровительство купцам, в особенности тем, чьим основным товаром была пушнина, и устанавливал связи с Западом, откуда ввозил оружие. Оружие было нужно для

устрашения в случае неповиновения и знати, и простых людей, и порабощённых народов в новых землях. Укрепив армию, Иван нанёс удар по государствам кочевников и либо уничтожил их, либо подчинил Московскому государству. Оставалось Сибирское ханство, укрепившееся на восточных рубежах России, «высокомерие которого вскоре было поколеблено». «Не это ли смягчение позиции сильного противника привело Ивана IV к выводу о том, что только военная сила может сохранить Россию для русских людей?» – задаётся вопросом Сиба Рётаро и высказывает вслед за этим предположение о том, что, вероятно, это и было причиной того, почему Сталин восхвалял Ивана Грозного как «Ленина доленинской эпохи» [Сиба, с. 53]. Однако и здесь Сиба вновь подчёркивает, что все решения Ивана Грозного имели целью не захват территорий, а установление господства над жившими там племенами, чтобы обложить их пушной данью [Сиба, с. 53].

Повествуя японскому читателю о том, как «пройдя через различные исторические испытания», русским удалось создать в начале XVII века российское государство со столицей в Москве, и в стране установилась абсолютная монархия – царская династия Романовых, Сиба отмечает, что в Японии в это время начинается период Эдо и вновь сопоставляет порядки, существующие в России и в Японии, выявляя их сходство и акцентируя различие, которое считает решающим. «Русский царь как самый могущественный представитель аристократии в определённом смысле похож на японского сёгуна, а с юридической точки зрения – близок крупным японским феодалам *даймё*. И царь, и аристократия владеют землёй, сёгун и *даймё* – также землевладельцы. В этом и сходство, но есть и решающее различие» [Сиба, с. 34].

Различие, по мнению автора, обусловлено тем, что представители русской знати, включая царя, были не просто помещиками, им принадлежала не только земля, но и проживавшие на ней крестьяне. В узаконивании в 1649 г. обычая, разрешающего одному человеку владеть многими десятками людей, Сиба склонен усматривать сходство с Кыпчакским ханством, поскольку для русского крепостного после отмены ига фактически ничего не изменилось – один владелец, то есть монгольская знать, просто сменился другим – русской аристократией [Сиба, с. 36].

Следует отметить, что Сиба подчёркнуто говорит о том, что он осведомлён о результатах детального научного анализа, которому подверглись обе системы правления, и ему известна точка зрения, согласно которой вся система правления русских царей рассматривается как наследие системы, существующей в монгольском государстве, считается устаревшей. Словно извиняясь, он пишет, что у него «всё же возникает желание присоединиться к этой устаревшей теории, если не в отношении самих её основ, то хотя бы с точки зрения характеристики внешних признаков» [Сиба, с. 36–37].

Продолжая рассуждения о различиях между Россией XVII века и Японией эпохи Эдо, Сиба пишет: «Для русского аристократа осознание себя как личности, как «я» было неотделимо от чувства собственности: «я, моё». В противоположность этому японский *даймё* (大名) весьма слабо осознавал, что такое «я» или «моё». Так, например, в период Эдо феодалы – *даймё* не имели права покупать или продавать свои замки. Более того, если *даймё* получал приказ о смене службы (так называемая смена удела *окунигаэри* 御国歸り), он освобождал замок, производил в нём уборку и покидал его, передавая следующему владельцу» [Сиба, с. 34–35].

Основы управления царей из династии Романовых, правление которых началось с абсолютизации монарха, составляла частная собственность знати и помещиков на крепостных крестьян, – пишет Сиба, и, задаваясь вопросом «Что же создало Российскую империю?», отвечает: «Разумеется, неограниченная политическая диктатура. Российская империя потому и смогла существовать, что существовала неограниченная диктатура» и добавляет: «Думаю, что эти высказывания затрагивают те глубинные проблемы, которые имеют первостепенную важность для анализа характерных черт России как в далёком прошлом, так и в более поздние эпохи» [Сиба, с. 37].

В размышлениях Сиба Рётаро о «характерных чертах России», не раз возникает Кыпчакское ханство, племена которого «двести пятьдесят лет терзали русских крестьян, впивались в них, как орёл впивается когтями в свою жертву, и высасывали из крестьянства кровь подобно насекомому – кровопийце» [Сиба, с. 39]. Он видит определённый смысл в том, что Кыпчакское ханство было разгромлено (1502 г.) его боковой ветвью – Крымским ханством в союзе с русским князем Иваном III. А позднее, во времена «проводившей модернизацию России Екатерины II» в 1783 г. Потёмкин разбил Крымское ханство, «возвёл на земле кочевников знаменитую крепость Севастополь и создал мощный Черноморский флот, составлявший с этой крепостью единое целое. «Мне кажется, что опасную идею о том, что строить государство можно только с помощью военной силы, Российская империя унаследовала у Кыпчакского ханства, которое угнетало её в прошлом. Мне как-то неловко говорить об этом, да и в какой-то степени это, видимо, преувеличение, но мне кажется, что на примере Крымского ханства Россия увидела: если страна утратит военную мощь, то она может прийти к такому же печальному концу» [Сиба, с. 40–41].

Так и размышляя в этом же ключе, Сиба подходит к событиям, способствующим зарождению интереса в России к Японии, от которой её отделяла огромная Сибирь.

Настоятельно подчёркивая, что интерес России к Японии был основан не на стремление приобрести новые земли, а для того чтобы покупать там продовольствие для тех, кто продвигался на Восток, осваивая Сибирь, Сиба пишет: «Сибирь была сокровищницей России, но в этих краях постоянно не хватало рабочей силы, а те, кто работали, страдали от голода, вызванного недостатком продовольствия, и цинги – из-за отсутствия овощей. Вот здесь-то внимание России и привлекла Япония» [Сиба, с. 43–44].

Однако прежде чем перейти непосредственно к вопросу о взаимоотношениях России и Японии, Сиба знакомит соотечественников с историей освоения Сибири. Он пишет о том, что вначале эти земли нужны были России лишь для того, чтобы добывать пушнину, поскольку в императорской России главным источником поступления валюты (которая большей частью тратилась на придание столичного блеска Петербургу и на приобретение на Западе произведений искусства [Сиба, с. 44]) был соболь. Когда соболь почти весь был истреблён, вместо него появился спрос на камчатского бобра – калана, который водился на территории, занимавшей пространство от Камчатки до Курильских островов, однако перевоз пушнины в Европейскую часть России через Сибирь обходился недёшево. В России стали думать о продаже пушнины в «цивилизованные страны» Восточной Азии. Для этого подданные российской империи вышли с пограничных с Китаем районов Сибири в монгольские степи и установили связь с китайскими купцами. «Таким образом, и сближение царской России с Китаем шло ради Сибири» [Сиба, с. 44], отмечает Сиба. Со временем, продолжает он свой рассказ, был проложен путь от форпоста России в Сибири Иркутска, где находилась

резиденция сибирского генерал-губернатора, до Кулуна в Монголии. Однако это не решило проблемы с продовольствием, так как меха в Китае не пользовались спросом, а продовольствие всё равно приходилось пересылать по суше в находившиеся довольно далеко Охотск – административный центр Сибири, и на Камчатку.

Россия стремилась к установлению отношений и с Японией, но встречала с её стороны упорное нежелание. Комментируя эту ситуацию, Сиба пишет: «Позволю себе повторить ещё раз: Россия хотела получить продовольствие из Японии для того, чтобы осваивать Сибирь... Но, наверное, не будет преувеличением сказать, что именно стремление Российского государства осваивать Сибирь, а также примыкающие к ней Камчатку и часть курильских островов, стали для Японии периода Эдо одним из источников постоянного страха, чем-то вроде боязни злых духов, хотя речь шла в основном лишь о добыче пушнины [Сиба, с. 47].

Здесь Сиба снова прибегает к сопоставлению России с Японией. В этот же период, середина эпохи Эдо по японскому летоисчислению, отмечает он, в закрытой» Японии происходил бурный рост городов, усиление класса торговцев, ремесленников, «развитие рыночной экономики, которая объединила всю страну в единое экономическое пространство» [Сиба, с. 45], что способствовало возникновению новых судоходных путей, соединявших между собой торговые города Японии. Напрашивается вывод о том, что истинный смысл этого сопоставления-противопоставления заключается в подчёркивании того, что в Японии, благодаря оружию, страна объединилась, наступили мир и процветание, а в России – началось освоение новых земель, населённых другими народами.

Лейтмотив рассуждения о том, как шло освоение новых земель к востоку от Москвы до Уральских гор, будь то предприимчивые промышленники Строгановы или казаки во главе с Ермаком, а после гибели Ермака и падения Сибирского ханства, освоение лежащей к востоку от уральских гор Сибири, а затем и покорение Камчатки головой казачьей полусотни В.В. Атласовым, является подчёркивание двух фактов: 1) того, что целью был не захват территории как таковой, а получение доступа к её богатствам; 2) освоение шло с применением оружия, действенная сила которого не вызывала никаких сомнений.

Рассуждая в этом ключе, Сиба приходит к выводу о том, что «именно ружья стали символом русских» и что «Сибирь вообще была покорена пушками» [Сиба, с. 68], и заключает: «Если можно сказать, что русские исторически испытывают любовь к пушкам (а позднее – к ракетам), то, скорее всего, она закрепилась как неотъемлемый элемент культуры именно в ходе покорения Сибири» [Сиба, с. 69].

Наряду с этим Сиба подчёркивает, что «овладеть Сибирью», которая, по его определению, в XVII веке была ещё «погружённым во мрак материком» [Сиба, с. 54], было несложно, так как она представляла собой огромную территорию, на которой были разбросаны малочисленные местные племена. «Метафорически выражаясь, русские просто подобрали то, что лежало на дороге» [Сиба, с. 73], и Россия приступила к проведению такой внешней и внутренней политики, которая давала бы ей возможность «сохранить эти огромные пространства и получать от них прибыль. Интерес к Японии, которую русские никогда не видели, также был вызван только потребностью сохранить для страны огромные сибирские территории и продолжить их освоение» [Сиба, с. 73]. При этом, вновь подчёркивает Сиба, Россию не интересовали ни территории Японии, ни Цинского Китая, эти страны нужны были ей лишь как рынки сбыта сибирских товаров и приобретения

продовольствия для царских войск, чиновников и сборщиков пушнины, находящихся в Сибири, где не выращивались ни зерновые, ни овощи. Однако сельскохозяйственная, как согласно утверждению Сиба Рётаро полагали русские, Япония была в ту пору закрытой страной и не поддерживала отношений с окружающим миром.

По мнению Сиба Рётаро, власти России, начиная с Ивана Грозного, всегда понимали, что для решения экономических проблем необходимо установить отношения с Японией. Это же было основным стимулом для организации всех плаваний на Восток, включая экспедиции Беринга и Крузенштерна (достоинства которого Сиба отмечает с нескрываемым восхищением). Овладеть этими огромными территориями было проще, чем управлять ими. Однако в Японии, правители которой «высшим государственным благом считали политику «закрытия страны»», это не вызывало никакого интереса. Для японцев Сибирь была всего лишь местом, где рождаются зимние холода.

Продвигаясь вперёд во времени, Сиба пишет, что «в XVIII веке, когда Крузенштерн появился на свет (1770 г. – так метафорически он обозначает вторую половину XVIII века) в России все ещё ощущалось влияние образа жизни варваров-кочевников. Господствовали вспышки ярости и безнравственность. Литература ещё находилась в неоформленном состоянии. Но колесо столетия катилось вперёд, и тёмные тучи, висевшие над московским княжеством, наконец исчезли начала стремительно развиваться торговля, а по пятам за ней шли быстро набиравшие силу наука и литература. Правительство прилагало усилия к тому, чтобы облегчить торговый обмен между различными районами российской империи и развивать торговые отношения с народами других стран» [Сиба, с. 113]. Россия вышла к Балтийскому и Чёрному морям, и таким образом «открыла двери в мир». Здесь читатель вновь находит сопоставление-противопоставление России и Японии, которая в это время всё ещё была «закрытой страной», но в которой, тем не менее, «наступил расцвет торговых отношений на большой территории внутри страны. Это, «несмотря на ограничения, накладываемые феодальной системой, способствовало формированию у людей рационального образа мыслей, и породило учёных и мыслителей с новым подходом к гуманитарным и естественным наукам, отличным от традиционных китайских и корейских взглядов» [Сиба, с. 114].

Как бы то ни было, XVIII век Сиба склонен рассматривать «как столетие, знаменующее собой начало японо-русских отношений» [Сиба, с. 114], на которые в самом начале их установления повлияла деятельность Российско-Американской компании², которая вела добычу пушного зверя на принадлежавших России землях севера западной части Америки, а также на Алеутских и Курильских островах. Отмечая, что эта российская государственная торговая компания была одной из самых крупных компаний царской России по своему капиталу, Сиба подчёркивает, что «её нельзя сопоставить с компаниями “Мицуи” и “Мицубиси” эпохи Мэйдзи» (!) [Сиба, с. 115]. Рассказывая о деятельности Российско-Американской компании, он вновь подчёркнуто пишет о том, что эта компания «не имела никаких замыслов обращения в свою собственность территории Японии – единственного в то время независимого государства в морях Дальнего Востока. Однако компания всё же полагала необходимым распространить своё влияние на Японию для того чтобы увеличить

---

² Российско-американская компания – полугосударственная колониальная торговая компания, утверждённая императором Павлом I 8 (19) июля 1799 г. После продажи Аляски формально существовала до 1881 г. и выплачивала дивиденды до 1888 г.

свои прибыли» [Сибя, с. 116]. Здесь Сибя призывает своих японских читателей «обратить внимание на то, что именно в уставных документах этой компании впервые ставится задача освоения южных Курил. «Промышленники не утруждали себя размышлениями о том, какой стране принадлежат южные Курилы – России или Японии. Им просто надо было наладить снабжение продовольствием в Камчатке и восточной части Сибири, развивая на островах земледелие и животноводство, и тем не менее заявление о желании осваивать южные Курилы, принадлежность которых Японии не вызывала сомнений, иначе как бестактностью не назовёшь» [Сибя, с. 121]. Вслед за этой «бестактностью», автор отмечает, что действия, предпринимаемые Россией на Дальнем Востоке в XIX веке, начали настораживать японцев.

Кругосветные плаванья, совершаемые Россией во второй половине XIX века, как пишет Сибя Рётаро, уже не могли иметь «продовольственные» цели, поскольку между Российской империей и Японией, которая вышла из состояния «закрытой страны», было заключено первое дипломатическое соглашение³. Движимая иной целью, Россия совершала действия, поселившие страх в душах японцев. В связи с этим небезынтересно привести следующее из сборника эссе «О России. Изначальный облик Севера». «В окружении русского царя сформировался лагерь правых националистов, которые в стремлении ощутить всю экономическую сладость гигантской ноши – Сибири, не только сумели прибрать к рукам часть территории Цинского Китая, так называемую Маньчжурию, получая там прибыли и дислоцируя крупную военную группировку, но и простирали руки к Корее. Это вселяло страх в Японию. В конце концов дело закончилось войной: началась русско-японская война» [Сибя, с. 110]. И далее вновь обращение в японскому читателю: «Хочу сказать, что мы, люди, живущие в Японии, должны стремиться к тому, чтобы никогда более не повторилось нечто подобное тому продвижению на юг в Маньчжурию и Корею, в котором российское понимание проблемы Сибири нашло своё выражение в аномальной форме с точки зрения нашей концепции изначальной сущности России» [Сибя, с. 110]. Концепция же, иными словами, понимание изначальной сущности России, как следует из всего вышесказанного, сводиться к тому, что «мирные земледельцы на Русской равнине», пребывавшие в постоянном страхе от нападения извне, уверовали в силу оружия и в необходимость обладания им. Далее все события на историческом пути становления России самостоятельным государством складывались таким образом, что эта вера только крепла. Более того, осуждая участие армии Японской империи в Сибирской интервенции и называя это «неслыханно грязной войной», Сибя отмечает, что в то время, когда в России шла Гражданская война, то есть «в самом начале строительства нового государства Советскому Союзу была нанесена тяжёлая рана и для защиты завоеваний революции вновь пришлось прибегнуть к оружию, что ещё сильнее убедило в его действенности. Именно с этого времени, полагает Сибя, в Советском Союзе зародилось чувство чрезмерной настороженности по отношению к Японии.

---

³ 25 ноября (7 декабря) 1856 г. вступил в силу так называемый Симодский трактат – первый дипломатический и торговый договор между Японией и Россией, подписанный 26 января (7 февраля) 1855 г. в городе Симода вице-адмиралом Е.В. Путятиным и представителем правительства Токугава Кавадзи Тосиакира 川路聖謨. 1801–1868, *хатамото* (旗本, букв. под знаменем, – вассал высшего ранга при сёгунах из рода Токугава), после реставрации Мэйдзи, ознаменовавшейся передачей (возвращением) власти императору, в знак своей верности сёгунату покончил собой, совершив не традиционное *сэппуку* (切腹, иначе *харакири*), а застрелившись из револьвера.

Он с сожалением отмечает, что после русско-японской войны «Япония побаивалась возмездия со стороны России и этот страх погнал тысячи японских солдат в Сибирь», дабы «уменьшить или вовсе устранить ощущение военного превосходства России». Однако, считая это темой отдельного разговора, не предаётся дальнейшим рассуждениям. Что же касается рассуждений об изначальном облике России, Сиба подчёркивает, что он не дерзнул бы прикоснуться к сущности России, что это не было главной целью его работы, что он стремился написать книгу так, чтобы читатель мог увидеть Россию «через призму политического сознания» в плане формирования её отношений с Японией.

«Политическое сознание» не позволяет оставить без внимания вопрос, касающийся давнего спора о так называемых северных территориях, которые Сиба Рётаро считает «исконно японской территорией» [Сиба, с. 22], и в ходе повествования, разворачивая полотно истории, рассказывает о породивших его причинах и обстоятельствах. Первопричиной спора он считает разное понимание тех или иных правил и порядков, существующих в Европе и на Востоке. Для ясности понимания, что имеет при этом в виду Сиба Рётаро, уместно привести небольшой отрывок из его книги. Вспоминая, как была установлена государственная граница между Россией и Китаем (Нерчинский договор 1689 г.), Сиба пишет:

«Исторически китайская концепция императорской власти была основана на идее безграничного господства императора над землями Поднебесной. В соответствии с этой идеей все соседние народы, проникнувшись добродетелью, должны были в определённые сроки посылать послов с дарами к китайскому императору. Император милостиво принимает эти дары и отправляет посланцев назад с богатыми подарками. Земли таких народов являются владениями императора (но не территориями империи!).

В этих взглядах нет ничего от европейских концепций и представлений о государственной границе. Стройность этой восточной “концепции владения” была нарушена продвижением русских в Сибирь (аналогично обстояло дело и в Японии периода Эдо. Япония рассматривала свои северные районы как владения, но не считала их территориями в европейском понимании этого слова. Обладание территориями подразумевает необходимость размещения на них хотя бы самых элементарных органов, представляющих государственную власть. Например, направление на территории генерал-губернатора или командующего гарнизоном, а также, по возможности, получение международного признания. Но Япония эпохи Эдо придерживалась чисто восточных взглядов на свои “владения” ограничиваясь заявлениями о том, что эти острова за морем являются японскими)» [Сиба, с. 162].

Тем не менее, он считает, что эта проблема требует юридического решения на дипломатическом уровне и не следует манипулировать общественным мнением внутри Японии «как своего рода кочергой, которой помешивают угли в очаге» [Сиба, с. 22], поскольку это не только бесполезно, но может даже нанести вред Японии. Обращаясь к японцам конца 1980-х годов, Сиба писал: «Нам, как зрелой нации, необходимо понимать, что для руководства Советского Союза возврат островов означает согласие удовлетворить необоснованные требования. Думаю, что те, кто, осознавая это, тем не менее развивает движение за возврат островов, будируя общественное мнение и развивая антисоветские настроения, в конечном итоге нанесут вред самой Японии» [Сиба, с. 23].

Подобные высказывания дают основание Александру Буху⁴ – автору книги *Japan's National Identity and Foreign Policy: Russia as Japan's "Other"*, выпущенной в 2011 г. издательством «Райтледж»⁵, утверждать, что «для Сибы время остановилось, вечное господство «оригинальной формы» (в русском переводе «изначальный облик». – *Прим. М.Г.*) над историческими событиями он подтверждает, проводя параллели между СССР и царской Россией и подчёркивая таким образом неизменность экспансионистской природы русской нации» [Бух].

Кроме того, отмеченная в данной статье, но не анализируемая как выходящая за рамки «фактов и факторов, влиявших на то, как складывались отношения между Японией и Россией» тенденциозность, прослеживаемая в сопоставлениях России и Японии в определённые исторические моменты и выраженная в подчёркивании японского превосходства, даёт основание А. Буху, рассматривающему повествование с точки зрения национальной идентичности, отнести сборник Сиба Рётаро «О России. Изначальный облик Севера» к числу произведений, «причастных к созданию иерархической бинарной оппозиции между двумя нациями». Иными словами, не будет преувеличением сказать, что, по мнению А. Буха, особенности повествования Сиба Рётаро могли способствовать популяризации иерархической конструкции отношений Японии и России.

В переводе на русский язык с английского книга Александра Буха «Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как *другое* Японии», выпущена издательством «Новое Литературное Обозрение» в 2012 г.

⁴ Александр Бух – доцент Высшей школы гуманитарных и социальных наук при университете Цукуба (Япония). Выпускник Токийского университета (магистерская степень) и Лондонской школы экономики (докторская степень в области международных отношений).

⁵ Райтледж (Routledge) – британский издательский дом, крупное научное издательство, публикующее академическую литературу по гуманитарным и общественным наукам. Отрывок из вышеуказанной книги под названием «Россия Сибы Рётаро» доступен в Интернете. См. библиографический список.

Автор, пользуясь принятыми в феноменологии терминами «*другой*» (*other*), идентифицирующим другого человека, противостоящую сущность как вторую сторону взаимодействия, исходя из его (её) отличий от собственного Я, понимаемого как «*самость*» (*self* – предполагает психологическую целостность индивида, принцип объединения сознательной и бессознательной частей психики) в главе под название «“Россия” Сибы Рётаро»» вскрывает национальное самосознание японцев, каковым оно предстает в повествовании Сиба, использующем Россию в качестве *Другого*, впервые рассматривая отношения Японии с Россией с позиций понимания национальной идентичности [Бух].

Бух обращает особое внимание на многочисленные отступления (*ёдан* 余談) в ходе повествования Сиба, казалось бы, не имеющие отношения к «фактам и факторам, влиявшим на то, как складывались отношения между Японией и Россией», которые, как говорилось в начале, по признанию самого автора были предметом его пристального внимания. Рассказы о том, как шло освоение русскими Сибири, о тяжелом гнёте монгольского ига, которое пришлось пережить русским, о крепостном строе в России, причинившем немало страданий народу, и о многом другом зачастую прерываются сопоставлениями-противопоставлениями с событиями, происходившими в Японии, о которых говорилось выше. По мнению А. Буха, «эта техника позволяет Сибэ умело использовать статус любителя истории, а не историка-профессионала, чтобы дать читателю контрастные сравнения японского Я и русского Другого» [Бух].

При этом «картины Японии периода Эдо, данные в этих отступлениях, исключительно позитивны... они пересекаются с историей завоевания, жадности и угнетения, характеризующих русскую экспансию на Восток. ...Сиба обсуждает колониальную Русско-Американскую компанию (1799–1867) и в мельчайших подробностях описывает непрофессионализм моряков и суровые условия, в которых им приходилось работать на торговых кораблях Компании в Тихом океане... этому описанию предшествует отступление о японском торговом флоте того же времени, где тщательно описывается положительная роль, которую флот играл в экономике Японии периода Эдо» [Бух] и прочее в этом же духе, действительно, говорит о неслучайности отступлений подобного рода и характеризует равно структуру текста и позицию автора.

По поводу этих отступлений А. Бух говорит, что именно они являются примерами культурно-исторического анализа, характерного, как принято считать, для Сиба Рётаро, тогда как остальной текст представляет собой изложение объективной истории. Однако утверждения, содержащиеся в отступлениях, оказываются тесно связаны с этим текстом, поэтому, несмотря на наличие в повествовании двух линий, его следует рассматривать как единое целое, пронизанное национальным самосознанием автора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бух А. «Россия» Сибы Рётаро. URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1352313644618>
- Дубровских А.А. Проблема Другого в современной философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. С. 48–50. (Журнал переименован. С июня 2018 г. выходит под названием «Манускрипт»).

Саркисов К. Сиба Рётаро. «О России». Вместо предисловия // Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик Севера. М.: МИК, 1999.

Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик Севера / пер. с яп. С.А. Быковой, С. Кавамуры, М.: МИК. 1999. 199 с.

Alexander Bukh. Historical memory and Shiba Ryōtarō: Remembering Russia, creating Japan. URL: https://www.researchgate.net/publication/291282988_Historical_memory_and_Shiba_Ryotaro_o_Remembering_Russia_creating_Japan

Alexander Bukh. Japan's National Identity and Foreign Policy: Russia as Japan's 'Other' (Sheffield Centre for Japanese Studies / Routledge Series) 1st Edition: London and New York: Routledge: Routledge. 2011. 192 p.

REFERENCES

Bukh, Alexander (2008). Historical memory and Shiba Ryōtarō: Remembering Russia, creating Japan, URL: https://www.researchgate.net/publication/291282988_Historical_memory_and_Shiba_Ryotaro_Remembering_Russia_creating_Japan

Bukh, Alexander (2011). Japan's National Identity and Foreign Policy: Russia as Japan's "Other" (Sheffield Centre for Japanese Studies / Routledge Series), 1st Edition, London and New York: Routledge.

Dubrovskikh, A.A. (2015). Problema Drugogo v sovremennoy filosofii [The Problem of the Other in Modern Philosophy], *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]: 48–50. (In Russian).

Shiba, Ryotaro (1999). O Rossii. Iznachal'nyy oblik Severa. Per.s yaponskogo S.A. Bykovoy, S. Kavamura [On Russia. The Original Form of the North. Translation from Japanese by S.A. Bykova, S. Kawamura], Moscow: MIK. (In Russian).

Поступила в редакцию 13.02.2019

Received 13 February 2019

Для цитирования: Герасимова М.П. Сиба Рётаро: очерки о России и национальное самосознание автора // Японские исследования. 2019. № 3. С. 6–22. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10017

For citation: Gerasimova M.G. (2019). Siba Ryotaro: ocherki o Rossii i natsional'noye samosoznaniye avtora [Shiba Ryotaro: essays on Russia and the author's national identity], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 3: 6–22. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10017

Японские исследования. 2019. №3. С. 23–32.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 23–32.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10018

The Fictional Worlds of *Tōkaidōchū hizakurige* and *Ukiyoburo*: the “Anti-World” and the “Idealistic World”

A.Yu. Borkina

Abstract. The article deals with the problem of “inner space” in two prominent works of *kokkeibon* (“funny books”), a genre of *gesaku*, light popular fiction of Tokugawa period (1603–1867), *Tōkaidōchū hizakurige* by Jippensha Ikku and *Ukiyoburo* by Shikitei Sanba. The creation of the unique settings, namely, the Tōkaidō road and its post stations in *Tōkaidōchū hizakurige* and a public bath in *Ukiyoburo* is considered to be a special artistic method, which is not just a device to develop a light and funny atmosphere of the literary works mentioned, but also a mechanism uncovering deeper layers of psychologism and mindset of Tokugawa period’s townsfolk. There are two types of “inner worlds” found in the works of Ikku and Sanba: an “anti-world” (following M. Bakhtin’s term) of *Tōkaidōchū hizakurige*, where the spirit of grotesque, absurdity and situational comedy prevails, and an “idealistic world” of *Ukiyoburo*, in which humor and morality are found in the everyday situations and conversations of a public bath’s visitors. The main layers of this “anti-world” are distinguished, among them the opposition between provincials and *edokko*, the “situational comedy’s” space of Tokaido road, and the level of theatricality are analyzed closely. As for *Ukiyoburo*, the dimensions of the public bath, the city of Edo, and the floating world in whole are studied. It is also assumed that the tags of “anti-world” and “idealistic world” in terms of these literary works can correspond with the “men’s world” of masculinity, rude humor, situational comedy, and the “women’s world” of light humor, melancholy, and daily wisdom respectively.

Keywords: *gesaku*, humorous fiction, *kokkeibon*, Jippensha Ikku, Shikitei Sanba, *ukiyo*.

Author: Borkina Anastasia Yu., senior lecturer, Department of Asian and African studies, Higher School of Economics (Saint Petersburg), PhD student, Faculty of Asian and African studies, Saint Petersburg State University. ORCID: 0000-0002-9445-1958; E-mail: an_borkina@mail.ru

Миры произведений «Токайдотю хидзакуригэ» и «Укиёбуро»: «антимир» и «идеальный мир»

А.Ю. Боркина

Аннотация. Статья посвящена проблеме «внутреннего пространства» двух выдающихся произведений в жанре *коккэйбон*, «Токайдотю хидзакуригэ» Дзиппэнся Икку и «Укиёбуро» Сикитэй Самба. Вымышленные миры в данных литературных памятниках, а именно тракт Токайдо с его почтовыми станциями в «Токайдотю хидзакуригэ» и общественная баня в «Укиёбуро», рассматриваются в статье в качестве особого художественного приёма. Данная техника служит не только созданию лёгкой, непринуждённой, юмористической атмосферы, но и вскрывает глубинные уровни психологии и мировосприятия японского горожанина эпохи Токугава. «Внутренние пространства» анализируемых *коккэйбон* имеют разную природу: на страницах «Токайдотю

хидзакуригэ» создаётся «антимир» (термин М.М. Бахтина) с его духом гротеска, абсурда и «комедии положений», тогда как мир «Укиёбуро» во многом идеалистичен, в нём юмор соседствует с моралью и этикой в повседневных ситуациях, в самых банальных разговорах посетителей общественной бани. В рамках «антимира» Токайдо выделяются несколько основных измерений, среди которых подробнее рассматриваются следующие: оппозиция между миром провинции и столичных жителей, пространство тракта Токайдо как уровень «комедии положений», а также измерение театральности. Что касается «Укиёбуро», то в качестве основных уровней вымышленного пространства произведения здесь выделяются мир общественной бани, мир города Эдо и, наконец, эфемерный мир *укиё* в целом. Также выдвигается предположение о том, что эти вымышленные пространства могут быть соотнесены, соответственно, с «миром мужчин» – пространством маскулинности, грубого юмора и ситуативной комедии – и «миром женщин», измерением лёгкого смеха, меланхолии и житейской мудрости.

Ключевые слова: *гэсаку*, юмористическая проза, *коккэйбон*, Дзиппенся Икку, Сикитэй Самба, *укиё*.

Автор: Боркина Анастасия Юрьевна, старший преподаватель, Департамент востоковедения и африканистики, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), аспирант, Восточный факультет СПбГУ. ORCID: 0000-0002-9445-1958; E-mail: an_borkina@mail.ru.

The two literary works to observe in the article, namely, *Tōkaidōchū hizakurige* (jap. 東海道中膝栗毛, *Shank's Mare*, next – *Hizakurige*) by Jippensha Ikku 十辺舎一九 (1765–1831) and *Ukiyoburo* (jap. 浮世風呂, *A Floating World's Bathhouse*) by Shikitei Sanba 式亭三馬 (1775–1822), are classified as representatives of *kokkeibon* 滑稽本 (“funny books”), a genre of *gesaku* 戯作, entertaining popular fiction in Tokugawa Japan. The light and humorous character of these works, altogether with the commercial purposes of their creators and the low rank of *gesaku* literature in whole, often leads to underestimating and even neglecting the deeper levels of the works mentioned. Speaking of which, many *gesaku* writings are not just funny stories, but much more complicated structures – valuable historical, linguistic, and sociocultural sources of sophisticated and influential literary works of the new Meiji literature, needing further analysis and research.

The analysis in the article below will be focused mainly on the inner fictional dimensions of the two literary works, specific settings of which operate as independent literary devices, developing both the plot and the whole atmosphere of the books. The ultimate goal of the article is to determine whether the inner worlds of *Hizakurige* and *Ukiyoburo* have a deep, multi-layered and multi-functional construction, or these “inner worlds” are just elaborate decorations for the humorous dialogues, the two pieces being nothing more than a light entertaining text for the mass reader. In studying popular literature, to which, undoubtedly, the *kokkeibon* genre belongs, it is important not to forget about the pragmatic factors, like earning money, which have a great impact on the structure and specific features of these works. However, *Hizakurige* and *Ukiyoburo*, outstanding among the great amount of their counterparts due to their original ideas and high-leveled artistic techniques, are clearly more than just funny stories. In the times of restrictions, Ikku and Sanba, both prominent writers of the epoch, found a metaphorical way to express their personal views in the forms of humorous worlds of their books, each representing a unique approach to the problem. Therefore, it seems that the research of these approaches not only can reveal the characteristics of the writing style of the two authors, but also help to understand several traits of

the Tokugawa townsfolk's psychology, as they have been both the object of the worlds constructed in *Hizakurige* and *Ukiyoburo* and the main characters, living in these fictional dimensions.

The article is based mainly on psychological theories of humor mixed with literary approaches, namely, M. Bakhtin's concepts of the "carnival" and the "anti-world". It is also connected tightly with the release theories, as the representations of the "anti-world" in *Hizakurige* and the "idealistic world" in *Ukiyoburo* are viewed here as a tool to escape the tight reality of the rigidly structured society of Tokugawa Japan as well as a way to release the tensions connected to it. Taking into consideration the universal character of the two works' humor, approved by generations of readers of different epochs and countries, these modern theories might still be used in the analysis. Attention was also paid to Japanese scholars' research, where they concentrate primarily on the types of the verbal and referential humor and the classification of the characters presented in the *kokkeibon* studied altogether with their cultural, historical, and literary origins.

Apart from this theoretical background, the work is carried out essentially around the original texts themselves. Through close reading of the texts, the episodes are labeled and grouped to form different layers of the inner space of the literary work. The present article concentrates on several principal dimensions, leaving the rest for future analysis. There is also a brief mention of the question of overlaps between these "inner fictional" spaces and the worlds of male and female characters in *Hizakurige* and *Ukiyoburo*, again, needing further research to complete.

Starting with *Hizakurige*, published from 1802 to 1809 (in eight parts), the action there takes place in the space of the Tōkaidō road and its post stations, which mark the journey of the two main characters, Yajirōbei and Kitahachi, from Edo to Kyoto and Osaka. The inner space of *Hizakurige* is studied here in the light of M. Bakhtin's concept of an "anti-world" of humorous fiction, which is an upside-down, grotesque reflection of real life, creating a new view of the world, enabling a reader to escape and at some point have an impact on a harsh reality by laughing at literally everything. As Bakhtin calls it, it is a space of a "carnival", where the reflected reality prevails and justifies all the strange behavior of the participants, at the same time revealing the essential core of popular culture of the townsfolk [Bakhtin, 1990].

At first glance, the plot and settings of *Hizakurige* might seem very realistic. Following the tradition of travel literature (especially those established by Tomiyama Dōya's 富山道治 (1585–1634) *Chikusai* 竹斎 and Asai Ryōi's (?–1691) 浅井了意 *Tōkaidō meishoki* 東海道名所記, *Famous Sites on the Tōkaidō*), Ikku depicts a journey of two male characters through fifty-three stations of Tōkaidō, paying much attention to the practical aspects (like the distance between two points or prices at tea houses and local shops) alongside with the plot itself [Traganou, 2005]. Due to that fact, a number of researchers even describe *Hizakurige* as a fictional guidebook. However, even at that point the fictional part starts to prevail comparing to the practical one, when Ikku begins to create a unique self-sufficient space on the pages of his *kokkeibon*. In contrast to his literary ancestors, while depicting the setting, Ikku ignores the famous geographical and historical sights, putting much more emphasis on the teahouses, inns, and brothels on the way of Yajirōbei and Kitahachi. According to a prominent Japanese scholar Matsuda Osamu, this can be as well interpreted as a hidden contrariness of the author against the restrictions and traditionalism of the Tokugawa society [Kinsei bungaku kenkyū jiten, 1986, p. 134]. A setting like that also shows a distinguishable change of interests of the readers, who, by the latter half of the Tokugawa period, had switched their attention onto the everyday pleasures of the floating world.

Placing the main heroes and other characters in this specific setting, Ikku creates a basis for an “anti-world” to develop. It is interesting to mention that this tendency of the world’s tumbling is carried out in the different dimensions of the literary work. Let us now briefly look at some of its variations.

The first one is an opposition between life in the capital and in provinces, being one of the fundamental motives of *Hizakurige* in whole. During their journey, the two main characters are trying to represent an image of *edokko* 江戸っ子, sophisticated snobs, proud to be Edo-born and placing themselves above the vulgar life of provincials. Ironically, the characters themselves were originally born and raised in Suruga province, from where they moved to Edo searching for better life. Thus, pretending to be *edokko* they in fact reveal their own rusticity and, on the deeper level, tumble the world of *Hizakurige* down again. Their unawareness of the provincial traditions and rough manners cause conflicts with the provincials, who often turn out to be much more intelligent and refined than the protagonists. A good example of this is an episode from the fifth part, where Yajirōbei and Kitahachi visit a house of Gomajiru, a provincial amateur poet, and have a lunch there. A traditional dish of the region, konnyaku (a jelly from a plant of the same name), is served on hot stones in order to keep it warm. The main heroes, unaware of this way of serving and being too arrogant to ask a host, suppose the stones to be eaten as well with the konnyaku. In the end Gomajiru, dying of laughter, stops them and explains how to eat this dish [Ikku, 1958, p. 266]. *Hizakurige* is full of scenes like that, which reflect the average mindset of the epoch while at the same time create one of the “anti-world” levels.

The next one is formed by the special “games” of the fictional space in *Hizakurige*. This is the dimension where all the situational comedy episodes take place. The space of the Tōkaidō road and its post stations, where Ikku places his heroes, often seems to behave as an independent character of the literary work, deliberately putting the protagonists in all kinds of strange grotesque situations. Stupid conflicts, fights, fallings, misunderstandings – these are the challenges to which the inner space of *Hizakurige* brings Yajirōbei and Kitahachi during their journey. The comic spirit of the situational comedy creates an atmosphere of grotesque and absurdity (close enough to Bakhtin’s “carnival”), with not only light, harmless humor existing, but also the darker irony and sarcasm arising. In this turned upside-down universe it becomes possible even to criticize the social and political system, which was not allowed by any other means after the persecution of *gesaku* authors at the end of the 18th century. It can be seen, for instance, in the episode with the feudal procession, when Yajirōbei and Kitahachi, despite the norms of Tokugawa Japan, following which all the average townsfolk and peasants had to go on their knees and let the procession pass, not only refuse to give way to the feudal and his warriors, but make some rude jokes about them [Ikku, 1958, p. 54–55]. This shift of social statuses could become possible only in the reality of the “anti-world”, where, in the atmosphere of journey, the stigma is broken and the social critique comes out [Teruoka, Gunji, 1967].

The third dimension of “anti-world” in *Hizakurige* is the level of theatricality. Theatricality is a common characteristic of many *kokkeibon* (some of them, like Shikitei Sanba’s *Gejō suigen maku-no soto* 戲場粋言幕乃外, *A Fascination of Theatre on the Other Side of a Curtain*, have their plot and structure concentrated on the theatrical performance [Cross, 2004]), starting with the very form of these literary works – a long bunch of dialogues between the characters, sometimes interrupted by the author’s remarks, which, in whole, resembles a libretto a lot. Furthermore, there

are some traces of a theatrical line of character, typical of certain groups of Ikku's work's heroes. To begin with, there has been a great influence of *kyōgen* 狂言, medieval farces, on the structure and nature of humor in *Hizakurige*. In his work, Ikku not only uses a number of *kyōgen* techniques, like the comical communication of *shite* and *ado*, the main and the secondary plan actors in *kyōgen*, whose parts are often interpreted by Yajirōbei and Kitahachi, but sometimes even adopts whole arcs of famous farces [Early Modern Japanese Literature, 2002, p. 733]. For example, it happens in the fragment about the magical fox-*kitsune*, which is, basically, an interpretation of *Kitsunedzuka* (jap. 狐塚, *Foxes' Hill*) *kyōgen*, where, like in *Hizakurige*, a servant mistakes his master for an evil fox-*kitsune* and ties his hands, while the master tries to talk him round and set free. Apart from the plot adaptations, numerous citations and reminiscences of the popular theatrical pieces, all of the characters in Ikku's work have much or less obvious role specializations, like theatrical lines. For instance, the coachmen guarantee the plot's development by moving the main characters from one point to another, while the inn girls at the beginning of a fragment introduce each new post station on their way. These patterns are repeated throughout the book, adding an effect of artificiality to the very realistic storylines and dialogues of *Hizakurige*. Furthermore, theatricality finds its way in the speech of the characters, which is full of word-puns and other elements of popular oral performances of the Tokugawa period. A huge amount of humor in *Hizakurige* is connected to all the kinds of wordplays, homonyms, misinterpretations, and so on. By means of this theatricality, being close enough to carnival, with all its costumes, masks and conventionality, it, again, becomes possible to create an effect of the "anti-world" in *Hizakurige*, to tumble down the social restrictions and to dip them into the ocean of grotesque and humor.

The last thing to mention about the inner world of *Hizakurige* is its correlation with the world of men and masculinity. First of all, most of the acting characters there are men, filling the world of the Tōkaidō road with their interests and their discourse. Chasing the ideal imitation of real oral speech of the epoch, Ikku concentrates mainly on the community of townsfolk and provincial men, whose spirit of practicality, rude humor, sexuality, craving for the simple pleasures of life defines the atmosphere of the literary work in whole.

The three primary levels mentioned are not the only ones found in *Hizakurige*. This literary work offers at least two more dimensions, which can be viewed as an opposition between the world of reality and the fictional grotesque space. The first one is the world of the past in contrast with the present. The problem of time is, indeed, one of the most interesting and complicated questions of *Hizakurige*. Starting from the point that the main characters live in a specific "dimension of eternity" – throughout the journey they do not grow older, their temper and behavior do not change a bit, and the conflicts and comic situations resemble one another, following the patterns proven by time and popular with the readers [Konita, 2004, p. 9]. On the one hand, it is clear that this strategy enabled Ikku to publish more and more sequels of the story that made him famous and provide him with money for living. However, at the same time, apart from the practical reasons, this method breaks the ordinary flow of time and, again, serves the distorted laws of the "anti-world". Moreover, Ikku also tends to look at the past a lot – whether it is a nostalgic passage on the golden times of ancient emperors at the very beginning of *Hizakurige* or a reminiscence of Saigyō's poetry in the episode where Yajirōbei and Kitahachi see his monument in one of the provinces. Whether the past or the present (or both) can function as an "anti-world" dimension in Ikku's work, still remains a question to study.

Another intriguing point is a space of fantasy in *Hizakurige*. As a *kokkeibon* representative, it is very down-to-earth and practical, lacking any traits of the fantastic, superficial or mysterious. All the “fantastic” episodes of *Hizakurige* are, in fact, an imitation – a ghost on the tree outside Yajirōbei’s window turns out to be drying underwear, an evil spirit on the road is a smoke from the fire where litter is burned, the friar’s lanterns are the lights on the pariah’s cart, and the magic fox-*kitsune* is, in fact, Kitahachi, who got in a stupid situation due to some circumstances. The only true magical episode of the work is an episode with the medium, enabling Yajirōbei to communicate with his deceased wife. How do these quasi-fantastic fragments correlate with the distorted reality of the “anti-world” of Ikku’s Tōkaidō road? How does that reflect the mindset of the readers, being, in their mass, average citizens? These questions, clearly, require further research and analysis.

Ukiyoburo (1809–1813) represents another model of the inner world of *kokkeibon*. The work of Shikitei Sanba consists of a series of sketches, in which different visitors of a public bathhouse communicate in a variety of situations. The only constant of *Ukiyoburo* is the scene of action, a bathhouse, which is the center of conversations, gossips, rumors, jokes, complaints – a perfect inner space for a literary work aiming to represent a wide picture of the townsfolk’s manners and daily life.

The world of *Ukiyoburo*, as well as the inner space of *Hizakurige*, is not a homogenous construction. The first layer to be discovered here is the space of a bathhouse itself. It is not a particular place, but rather an abstract “decoration”, an image of an average public bathhouse of Edo of that time. The choice of this scene can be explained in different ways, but as Sanba writes at the very beginning of *Ukiyoburo*, “there is no shorter way to wisdom than that which lies through a public bathhouse” [Sanba, 1989, p. 5]. In Sanba’s point of view, in a bathhouse, when everyone gets naked and, therefore, equal, a specific “idealistic world” is being born, where all five virtues of Confucianism can be found and people wash off their sins and share daily wisdom in short conversations [Sanba, 1989]. Taking that into account, Sanba expects his work to be read not only as a piece of light popular literature, but as a book containing precious moral and ethical lessons given in an entertaining form [Sanba, 1989].

It is also important to mention that the narration in *Ukiyoburo* is divided equally between the men’s and the women’s bathhouses, which both have a unique atmosphere and set of characters. The men’s episodes resemble *Hizakurige* a lot. Most of these scenes are a situational comedy, in which an eccentric character with an emotional, expressive mode of speech full of wordplay is in the center [Leutner, 1986]. Like in Ikku’s works, they often speculate on the theme of regional differences between the customs and traditions in provinces and the capital city of Edo, and the comical situations occurring because of that. A man from Shikoku wiping his face with someone’s underwear soaking in the washbasin is a classic example of such scenes. There are also many puns as well as the rude, naturalistic humor usual for Ikku. However, throughout the narration, from the first parts of women’s bathhouse and onto the very end, the spirit of the inner world changes in *Ukiyoburo*. In women’s episodes, rude puns are replaced by more subtle, sophisticated irony, a light smile arising from the most ordinary situations and conversations, through which Sanba laughs at the common human weaknesses and sins [Jinbo, 1951, p. 30]. In these parts, the author himself shows a high-leveled ability to depict the psychological portraits of the characters [Tanaka, 1950, p. 86], developing a foundation for the next popular genre of *gesaku*, *ninjyōbon* 人情本 (“the books about feelings”), the major representative of which, Tamenaga Shunsui 為永春水 (1790–

1844), was one of Sanba's disciples. To sum up, it can be assumed that the "ideal world" of Sanba's *Ukiyoburo* is, in contrast to Ikku's men's world, by its nature a women's world, where humor takes its exquisite forms and the atmosphere of light melancholy prevails [Shinpan Nihon bungaku-shi, 1973].

Moving forward from the layer of the bathhouse itself, it should be noticed that the bathhouse is, in fact, a metaphor of a bigger scale system, namely, the city of Edo. A bathhouse of *Ukiyoburo* with all its visitors and the connections emerging between them is indeed an "Edo in miniature", representing the brightest episodes of the townsfolk's life. A city of Edo at the beginning of the 19th century was the core of Tokugawa Japan, and the complicated network of relations between its citizens defined its social structure and appearance. The oppositions between the *edokko* and the provincials, the townsfolk *chōnin* 町人, with their new mindset based on pragmatism, and the warriors all formed an eclectic world of the Japanese capital [Smith, 1993]. Sanba, being an Edo-born, had the specific nostalgic feeling about the city, which is reflected on the pages of *Ukiyoburo* [Leutner, 1986, p. 108]. The author tries to avoid the dark sides of the city life in his book, creating an "idealized" Edo image, where social outcasts are unlikely to be found among the characters, most of whom are from the middle-class Edo townsfolk, well known to Sanba.

Going further, we now approach the deepest dimension of *Ukiyoburo*, which can be defined as the floating world (*ukiyo* 浮世) in whole. Even the title of Sanba's work implies this connotation. Putting the word *ukiyo*, a term for a mindset concept basic for the Tokugawa period, in it, Sanba implicates that the space of a public bathhouse is a symbolic representation of the ephemeral world [Jinbo, 1951, p. 33]. The characters appear in this world with their small talk and petty problems and some moments later they fade away for good in the stream of life. At the same time, the functioning of a bathhouse does not stop when one visitor leaves and the other one comes – just like the course of life does not stop when someone passes away. Therefore, Sanba, laughing at the short-term concerns of his characters, touches on the most difficult questions of human existence. It is also important to mention that the author here sticks to the concept of the "idealistic world" of the floating world's bathhouse, showing a great sympathy towards its imperfect characters and finding a way out or at least a relief for them when they are in trouble.

In studying *Ukiyoburo*, further comparison with the sequel novel, *Ukiyodoko* (jap. 浮世床 *A Floating World's Barbershop*, 1813–1814), can be done. Being a secondary product by the side of *Ukiyoburo*, it still offers another variation of an inner fictional space with its own features and artistic methodology. By now, it is clear that the dimension of a barbershop in *Ukiyodoko* is more structuralized and artificial. There is a figure of a barber, who is in control of the action, and the plot is represented not by the chaotic set of daily-life sketches, but rather by more or less organized sequence of scenes. It is also clear that the humor of *Ukiyodoko* is much sharper than in the previous *kokkeibon Ukiyoburo* – there are, in fact, many truly satiric episodes containing the critique of culture and society. Therefore, the problem to explore in the further study is how these changes in author's approach affect the world of *Ukiyodoko* and the impact it has.

To sum up, analyzing the main types of fictional dimensions in *Hizakurige* and *Ukiyoburo*, we can confirm that these "inner worlds" are not mere stage sets, but independent literary devices with complex structure, having a great impact on the plot development, the characters' actions and the literary works' atmosphere, at the same time providing for their popularity among the readers. Therefore, while finding a balance between the universal theories of humor and the specific, local

features of the Japanese humor of the Edo period, altogether with the harmony between the deeper meaning and the commercial nature of the *kokkeibon*, it is important to broaden the scale of the *kokkeibon*'s study. In the tradition of literary research, *gesaku* genres, *kokkeibon* among them, have long been considered nothing but popular fiction, lacking any high artistic values. At the end, the craving for money and success and the specific character of the Japanese humor of those times do not seem to overlap the essential depth and idea of the literary works studied. Being placed in a position of a bystander towards their plots, considered to be *muda* 無駄 (“useless”), the most talented and prominent authors of the *kokkeibon*, trying at the same time to express their own mindset and to amuse and catch the readers' attention, chose the best way to fulfill these goals by constructing the special inner dimensions in their books. These inner spaces enabled them to entertain the reader, who found a lot of well-known places and situations in these worlds; to prepare an environment for their characters to act throughout a number of sequels; to express themselves safely by tumbling the fictional world upside-down and thus breaking the strict rules and censorship, or by building a safe ideal space, where the mankind's sins diminish and the life's hardship can be overpassed with the worldly wisdom. The humorous dissonance made the higher and the lower social groups even, and in a distorted, metaphorical way revealed the very essence of the human-being [Grygoryeva, 1979]. Bearing in mind the importance of these literary pieces as a valuable source on the history, culture, and daily life of the Edo epoch's townsfolk and, at the same time, of the deep psychological aspects represented in the literary techniques, the current study is of immediate interest and broad perspectives.

REFERENCES

- Bakhtin, M.M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya I Renessansa* [Francois Rabelais and the popular culture of Middle Ages and Renaissance], Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Cross, B. (2004). Representing Performance in Japanese Fiction: Shikitei Sanba (1776–1822), *SOAS Literary Review AHRB Centre Special Issue*: 1–20.
- Early Modern Japanese Literature: an Anthology, 1600 – 1900. (2002). Shirane Haruo (ed.), New York: Columbia University Press.
- Grygoryeva, T.P. (1979). *Yaponskaya hudozhestvennaya traditsiya* [Japanese artistic tradition], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Jinbo, Kazuya (1951). Makki Edo shimin-no warai [The humor of townsfolk at the end of Edo period], *Kokubungaku kenkyū*, 5: 26–36. (In Japanese).
- Jippensha, Ikku (1958). *Tokaidochu hizakurige* [Shank's Mare]. Tokyo: Iwanami shoten. Vol. 62. (In Japanese).
- Kinsei bungaku kenkyū jiten (1986). [The Dictionary of Kinsei literature], Okamoto Masaru, Kira Sueo (ed.), Tokyo: Ōfūsha. (In Japanese).
- Konita, Seiji (2004). Edo gesaku-no rensai kōsō [An idea of serialization in gesaku literature], *Japanese Literature*, 5: 2–10. (In Japanese).
- Leutner, R.W. (1986). *Shikitei Sanba and the Comic Tradition in Edo Fiction*, Harvard University Asia Center.
- Shikitei, Sanba (1989). *Ukiyoburo* [A Floating World's Bathhouse]. *Gejō suigen maku-no soto* [A Fascination of Theatre on the Other Side of a Curtain]. *Daisen sekai gakuya sagashi*

[In Search of a Thousand Worlds in a Theatre's Dressing Room]. Tokyo: Iwanami shoten. Vol. 86. (In Japanese).

Shinpan Nihon bungaku-shi (1973). [A new edition of the Japanese literature's history], Hisamatsu, Sen'ichi (ed.), Tokyo: Shibundō. Vol. 5. (In Japanese).

Smith, D. H. (1993). The Floating World in Its Edo Locale 1750–1850 in Jenkins, D. (ed.), *The Floating World Revisited*, Portland Art Museum, Hawaii University Press, 1993: 25–45.

Tanaka, Shin. (1950). Shikitei Sanba-no hōhō [Shikitei Sanba's method], *Kokubungaku kenkyū*, 3: 85 – 92. (In Japanese).

Teruoka, Yasutaka and Gunji, Masakatsu. (1967). Edo shimin bungaku-no kaika [The blossom of Edo city's literature], Tokyo: Shibundō. (In Japanese).

Traganou, J. (2005). The Tōkaidō Road: traveling and representation in Edo and Meiji Japan, Taylor & Francis e-Library.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 368 с.

Дзимбо Кадзуя. Макки Эдо симин-но вараи : [Юмор горожан в конце периода Эдо] // Кокубунгаку кэнкю:. 1951. №5. С. 26–36.

Дзиттэнся Икку. Токайдотю хидзакуригэ : [На своих двоих по тракту Токайдо]. Токио: Иванами сётэн, 1958. Т. 62. 503 с.

Кинсэй бунгаку кэнкю дзитэн : [Энциклопедический словарь по литературе периода Кинсэй] / под ред. Окамото Масару и Кира Сузо. Токио: Офуся, 1986. 498 с.

Конита Сэйдзи. Эдо гэсаку-но рэнсай косо : [Идея публикации произведения по частям в литературе гэсаку] // Japanese Literature. 2004. №5. С. 2–10.

Сикитэй Самба. Укиёбуро : [Современная баня]. Гэдзё суйгэн маку-но сото : [Очарование театра по ту сторону занавеса]. Дайсэн сэкай гакуя сагаси : [В поисках тысячи миров в театральной гримерке]. Токио: Иванами сётэн, 1989. 480 с. Т. 86.

Симпан Нихон бунгаку-си : [Новое издание истории японской литературы] / под ред. Хисамацу Сэнъити. Токио: Сибундо:, 1973. 1061 с. Т. 5.

Танака Син. Сикитэй Самба-но хохо : [Метод Сикитэй Самба] // Кокубунгаку кэнкю. 1950. №3. С. 85–92.

Тэруока Ясутака, Гундзи Масакацу. Эдо симин бунгаку-но кайка : [Расцвет городской литературы Эдо]. Токио: Сибундо, 1967. 458 с.

Cross B. Representing Performance in Japanese Fiction: Shikitei Sanba (1776–1822) // SOAS Literary Review AHRB Centre Special Issue, 2004. P. 1–20.

Early Modern Japanese Literature: an Anthology, 1600–1900 / Shirane Haruo, ed. New York: Columbia University Press, 2002.

Leutner R. W. Shikitei Sanba and the Comic Tradition in Edo Fiction. Harvard University Asia Center, 1986.

Smith D. H. The Floating World in Its Edo Locale 1750–1850 // The Floating World Revisited / Jenkins D. ed. Portland Art Museum, Hawaii University Press, 1993. P. 25–45.

Traganou J. The Tōkaidō Road: traveling and representation in Edo and Meiji Japan. Taylor & Francis e-Library, 2005.

Поступила в редакцию 25.03.2019

Received 25 March 2019

Для цитирования: Борькина А.Ю. Миры произведений «Токайдотю хидзакуригэ» и «Укиёбуро»: «антимир» и «идеальный мир» // Японские исследования. 2019. № 3. С. 23–32. (На англ.) DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10018

For citation: Borkina A.Yu. (2019). The Fictional Worlds of *Tōkaidōchū hizakurige* and *Ukiyoburo*: the “Anti-World” and the “Idealistic World”, *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 23–32. (In English). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10018

Японские исследования. 2019. №3. С. 33–48.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 33–48.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019

Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы

В.О. Кистанов

Аннотация. В статье рассматриваются текущие отношения между Японией и Южной Кореей в свете их общего исторического прошлого. Анализируются конкретные проблемы, уходящие корнями в колониальное господство Японии на Корейском полуострове в первой половине XX века. С начала 1990-х годов политики и официальные деятели обеих стран, пытаясь решить эти проблемы, постоянно подчёркивали необходимость построить между ними «отношения, ориентированные в будущее». На рубеже столетий японо-южнокорейские связи характеризовались определённым сближением Токио и Сеула. Его символами стали совместное проведение чемпионата мира по футболу 2002 г., а также южнокорейский бум в Японии. Однако этот период продлился сравнительно недолго, и в последнее время вектор двусторонних отношений всё чаще обращается в их драматическое прошлое. Серьёзными проблемами, осложняющими отношения между Японией и Южной Кореей, являются территориальный спор по поводу двух островков в Японском море, вопрос о компенсациях корейцам, которых во время войны угоняли в прифронтовые публичные дома японской армии, а также претензии Сеула на переименование Японского моря в Восточное море. В 2018 г. связи между Японией и Южной Кореей резко обострились из-за инцидента с военноморским флагом Японии, конфликта по поводу наведения боевого радара южнокорейским эсминцем на японский разведывательный самолёт. Особое неприятие в Японии вызвало решение судебных властей Южной Кореи о выплате материальной компенсации её жителям за принудительный труд во время войны. Происходящее в настоящее время обострение политических отношений между Японией и Южной Кореей вызывает тревогу деловых кругов обеих стран. В статье делается вывод о том, что растущая напряжённость в связях между Японией и Южной Кореей расшатывает трёхсторонний альянс Япония – США – Южная Корея и может привести к изменению баланса сил в Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Япония, Южная Корея, Корейский полуостров, Японское море, колониальное прошлое, «женщины для утешения», территориальный спор, Такэсима, Токто, треугольник Япония – США – Южная Корея.

Автор: Кистанов Валерий Олегович, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: v_kistanov@list.ru

Relations between Japan and South Korea: problems, trends, perspectives

V.O. Kistanov

Abstract: The article examines the current relations between Japan and South Korea in the light of their common historical past. Specific problems rooted in the colonial domination of Japan on the Korean Peninsula in the first half of the 20th century are analyzed. Since the beginning of the 1990s, politicians and officials of both countries trying to solve these problems constantly stressed the need to build “relations oriented to the future” between the two nations. At the turn of the century, Japanese-South Korean relations were characterized by a certain rapprochement between Tokyo and Seoul. Its symbols were the joint holding of the World Cup in 2002, as well as the South Korean boom in Japan. However, this period did not last long, and recently the vector of bilateral relations is increasingly turning into their dramatic past. One of the most dramatic pages in Japan's relations with South Korea dates back to the Pacific War. It is related to the problem of «comfort women» – tens of thousands of young Korean women who were forcibly abducted during the Pacific War to Japanese frontline brothels. Among the problems that complicate relations between Japan and South Korea, the most intractable one is the territorial dispute over two small islands in the Sea of Japan, called Takeshima in Japan and Dokdo in South Korea. Serious bilateral problems include Seoul's claims to name the Sea of Japan as the East Sea. In 2018, relations between Japan and South Korea sharply deteriorated due to the incident with the naval flag of Japan, the conflict over the guidance of a combat radar by a South Korean destroyer on a Japanese reconnaissance aircraft. Particular rejection in Japan was caused by the decision of the judicial authorities of South Korea to pay material compensation to its residents for forced labor during the war. The current deterioration of political relations between Japan and South Korea is alarming to the business circles of both countries. The article concludes that the growing tensions between Japan and South Korea are undermining the Japan-US-South Korea trilateral alliance and may lead to a change in the balance of power in Northeast Asia.

Keywords: Japan, South Korea, Korean Peninsula, Sea of Japan, colonial past, “comfort women”, territorial dispute, Takeshima, Dokdo, Japan-US-South Korea triangle.

Author: Kistanov Valeriy O., Doctor of Sciences (History), head of the Center for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: v_kistanov@list.ru

Отношения Японии с Южной Кореей представляют собой сложный комплекс центростремительных и центробежных сил, действующих в политической, экономической, культурной, эмоционально-психологической и других областях. К настоящему времени важным фактором, определяющим равнодействующую этих сил, стало историческое прошлое двух стран. Оно связано, прежде всего, с колониальным господством Японии на Корейском полуострове в первой половине XX века. Драматические, а порой, и трагические стороны этого прошлого отошли на второй план в период после Второй мировой войны в связи с тем, что Южная Корея и Япония в качестве младших союзников Соединённых Штатов были вовлечены ими в жёсткое военно-политическое и идеологическое противостояние с Советским Союзом. Однако с распадом СССР и исчезновением в его лице «коммунистической угрозы» в Азии в отношениях между Японией и Южной Кореей вышли на поверхность проблемы исторического прошлого, которые, как оказалось, были загнаны вглубь в период холодной войны.

С начала 90-х годов XX века политики и официальные деятели Японии и Южной Кореи, пытаясь решить эти проблемы, постоянно подчёркивали необходимость построить между двумя странами «отношения, ориентированные в будущее». В октябре 1998 г. тогдашними премьер-министром Японии Обути Кэйдзо и президентом Южной Кореи Ким Дэ Чжуном была подписана Совместная декларация Японии и Южной Кореи. По замыслам руководителей двух стран, декларация должна была стать эпохальным документом, призванным ознаменовать собой подведение черты под сложными проблемами исторического прошлого в их отношениях, которые препятствовали их развитию, и подчеркнуть начало в них новой эры. Как пишет японская газета «Иомиури симбун», тогда Япония извинилась за «ущерб и страдания», причиненные в результате её колониального правления на Корейском полуострове. А Южная Корея высоко оценила роль послевоенной Японии в содействии международному миру и процветанию [Иомиури симбун, 08.10.2018].

На рубеже столетий японо-южнокорейские связи переживали своего рода «медовый месяц». Его символами стали совместное проведение чемпионата мира по футболу 2002 г., а также южнокорейский бум в Японии, который был порождён главным образом огромной популярностью среди японского населения таких явлений южнокорейской поп-культуры, как многосерийные телевизионные мелодрамы и эстрадные песни. Росло и число южнокорейских туристов, посетивших соседнюю страну.

Однако период подъёма в двусторонних отношениях продлился сравнительно недолго, и в последнее время их вектор всё чаще обращается в драматическое прошлое. При этом обе стороны видят причины этого в растущем национализме в стране-партнёре. Так, по утверждению той же «Иомиури симбун», к настоящему моменту валовой внутренний продукт Южной Кореи на душу населения приблизился к японскому показателю, что привело к усилению антияпонского национализма среди южнокорейцев. В Японии также распространились антикорейские чувства, а количество японских путешественников на Юг Корейского полуострова значительно упало ниже пикового уровня [Иомиури, 08.10.2018].

Правда, в 2018 г. отношения между Японией и Южной Кореей продемонстрировали определённый позитив в своём развитии. Между двумя странами укреплялись экономические связи, а также ширились людские обмены. В первой половине 2018 г. улучшились и дипломатические отношения, в частности, обе страны сотрудничали по проблеме денуклеаризации Северной Кореи. Премьер-министр С. Абэ посетил Южную Корею для участия в церемонии открытия Зимних олимпийских игр в Пхёнчхане в феврале, а президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин побывал в Токио в мае для участия в трёхстороннем саммите, в котором также участвовал китайский премьер Ли Кэцян. Но в конце 2018 – начале 2019 г. ситуация в отношениях между Японией и Южной Кореей значительно обострилась по целому ряду проблем, что не может не сказаться как на перспективах двусторонних отношений, так и эффективности функционирования трёхстороннего военного альянса Япония – США – Южная Корея. Каждая из этих проблем в силу своей значимости для японо-южнокорейских связей требует отдельного рассмотрения.

Одна из наиболее драматических страниц в отношениях Японии с Южной Кореей уходит своими корнями в период войны на Тихом океане. Она связана с проблемой *ианфу*. Слово пишется тремя иероглифами 慰安婦 и означает в дословном переводе с японского языка «женщины для утешения и успокоения». Этот термин служит эвфемизмом для приблизительно двухсот тысяч корейских женщин, насильно мобилизованных в японские

прифронтовые бордели. Помимо корейнок, составивших большинство среди *ианфу*, для предоставления японским военным «сексуальных услуг» были мобилизованы китайки и жительницы других азиатских стран, оккупированных Японией, а также голландки, захваченные японцами в Индонезии – тогдашней колонии Нидерландов. В англоязычной литературе для таких женщин принят термин *comfort woman*.

Южная Корея требует от Японии официальных извинений за жестокое обращение с «женщинами для утешения и успокоения», а также материальной компенсации нескольким десяткам таких женщин, оставшихся в живых. Япония настаивает на том, что проблема *ианфу* была решена в 1965 г. при подписании договора о нормализации отношений между Японией и Южной Кореей. Более того, премьер-министр С. Абэ в одном из своих публичных выступлений отрицал наличие доказательств существования практики насильственного рекрутирования японскими военными корейских женщин в прифронтовые «станции утешения» [Стрельцов Д.В., 2015, с. 117].

В декабре 2015 г. Япония и Южная Корея подписали соглашение об урегулировании этой проблемы. Документ предусматривает выплату Японией «женщинам для утешения» около 8 млн долл. Однако препятствием к реализации соглашения стали разногласия по поводу бронзовой статуи корейской девушки, установленной перед посольством Японии в Сеуле. По замыслам установивших её южнокорейских общественных организаций, скульптура должна олицетворять «женщин для утешения и успокоения». Токио последовательно добивается перенесения статуи в другое место.

Установка в конце 2016 г. ещё одной статуи *ианфу* перед Генеральным консульством Японии во втором по значению южнокорейском городе Пусан настолько накалила отношения между Токио и Сеулом, что на родину был временно отозван посол Японии в Южной Корее. А одна из южнокорейских транспортных компаний заявила о своих планах разместить подобные статуи в принадлежащих ей автобусах. К настоящему моменту волна сооружения памятников «женщинам для утешения» уже перехлестнула границы Южной Кореи, и три таких памятника установлены в США. Один из них был сооружён в городе Сан-Франциско, в знак протеста против чего японский город Осака разорвал с ним побратимские связи.

Примечательно, что на официальный банкет в Сеуле в честь американского президента Дональда Трампа в ноябре 2017 г. была приглашена женщина по имени Ли Ён Су, которая в Южной Корее воспринимается как живое олицетворение *ианфу*. Ли Ён Су в 2007 г. выступила в Палате представителей американского конгресса с рассказом о пережитом во время Второй мировой войны. Под впечатлением от услышанного палата приняла резолюцию, требующую от японского правительства извинений перед бывшими «женщинами для утешения». Это вызвало трения между первым кабинетом премьер-министра С. Абэ, существовавшим в 2006–2007 гг., и американской администрацией. Представители Южной Кореи откровенно пояснили, что цель приглашения Ли Ён Су на банкет с Трампом заключалась в том, чтобы привлечь к проблеме *ианфу* внимание Соединённых Штатов. Указанный эпизод был крайне негативно встречен в Японии.

Однако пика напряжённости в связи с проблемой «женщин для утешения» отношения между двумя странами достигли в начале 2019 г. из-за интервью спикера Национального собрания Республики Корея Мун Хи Сана информационному агентству «Блумберг», данного 8 февраля 2019 г. В нём он заявил о необходимости того, чтобы император Японии Акихито

извинился перед корейскими «женщинами для утешения» перед тем, как уйдёт с престола в конце апреля [Nikkei Asian Review, 18.02.2019]. Высказывание южнокорейского парламентария вызвало бурю негодования и критики в Японии, в том числе в виде заявлений официальных лиц, включая премьер-министра С. Абэ и других высокопоставленных деятелей.

Судя по всему, Сеул намерен и далее проводить политику интернационализации проблем колониального прошлого Японии на Корейском полуострове. Как сказала на Всемирном экономическом форуме в Давосе в одном из своих интервью южнокорейский министр иностранных дел Кан Гён Хва, Южная Корея привержена развитию отношений с Японией, но будет наращивать усилия, чтобы поделиться с миром своим опытом японских зверств военного времени, включая сексуальное насилие в отношении корейских женщин. Кан сообщила также, что Южная Корея намерена принять у себя международную конференцию по сексуальному насилию в условиях конфликта в первой половине 2019 г. Кроме того, руководитель южнокорейского МИД заявила, что соглашение 2015 г. не смогло решить проблем «женщин для утешения», и правительство намерено закрыть Фонд, финансируемый Японией [Japan Times, 26.01.2019]. Одной из причин аннулирования Южной Кореей соглашения 2015 г. является то, что оно, по словам южнокорейских представителей, было заключено без учёта мнения ещё живущих *ианфу*.

Среди проблем, осложняющих отношения между Японией и Южной Кореей, территориальный спор по поводу двух мелких островов в Японском море является, пожалуй, наиболее трудноразрешимой. Скалистые островки, расположенные на одинаковом расстоянии от Корейского полуострова и японского острова Хонсю, называют в Южной Корее Токто, а в Японии – Такэсима. В настоящее время они контролируются Сеулом, но Токио считает их своей территорией и требует вернуть. Как утверждает Япония, указанные острова были включены в состав префектуры Симанэ в 1905 г., но Южная Корея захватила их после Второй мировой войны. Сеул, со своей стороны, настаивает на том, что Токто являются исконными корейскими территориями. В 1954 г. Южная Корея разместила на островах сотрудников своей службы безопасности, построила жилые помещения, центр мониторинга, маяк, порт и причал.

С 2005 г. 22 февраля в Японии ежегодно отмечается «День Такэсимы». В этот день в префектуре Симанэ, частью которой, как считает японская сторона, по-прежнему являются спорные острова, проводится митинг с требованием их вернуть. Примечательно, что 7 число этого же месяца в Японии с 1982 г. является «Днём северных территорий», когда проводятся мероприятия под лозунгом возвращения четырёх островов южных Курил, принадлежащих России. Оба праздника объединяет и то обстоятельство, что остров Такэсима и «четыре северных острова» именуются в Японии её «незаконно оккупированными территориями», соответственно, Южной Кореей и Россией.

Однако в содержании и характере мероприятий между «Днём Такэсимы» и «Днём северных территорий» имеется и существенное различие. Оно заключается в том, что 7 февраля по случаю «Дня северных территорий» в Токио проводится общенациональный митинг, в котором участвуют политическое руководство во главе с премьер-министром, члены правительства и представители различных слоёв общественности, в то время как «День Такэсимы» организуется в масштабах всего лишь префектуры. Как правило, Токио направляет на митинг в административный центр префектуры Симанэ – город Мацуэ

представителя центральной власти среднего уровня. Обычно это парламентский секретарь кабинета министров Японии.

Такая ситуация объясняется тем, что правительство Японии стремится не нагнетать ситуацию в территориальном конфликте с Южной Кореей на фоне своей ответственности за колониальное прошлое страны в отношении Корейского полуострова. Кроме того, Токио хотел бы снизить общий уровень напряжённости в отношениях с Южной Кореей, являющейся для Японии важным экономическим контрагентом, а также партнёром, в сотрудничестве с которым необходимо решать ракетно-ядерную проблему Северной Кореи и другие задачи в сфере региональной безопасности.

Но на деле ситуация в территориальном споре Японии с Южной Кореей является гораздо более острой, чем в таком же споре с Россией. Если между Москвой и Токио в постсоветский период ведётся спокойный диалог и поиск компромисса по территориальной проблеме, то Сеул и Токио по аналогичной проблеме обмениваются исключительно враждебными заявлениями, а также действиями провокационного характера, призванными продемонстрировать твёрдость позиции своих стран. Как отмечают российские исследователи, южнокорейская сторона не стесняется наглядно демонстрировать свою позицию в этом споре [Панов А.Н., Нелидов В.В., 2018]. Иногда такие действия проводятся на грани серьёзного военного столкновения. Вот лишь некоторые из эпизодов, подтверждающих это утверждение.

В августе 2012 г. тогдашний президент Южной Кореи Ли Мён Бак посетил острова Такэсима/Токто, что вызвало бурю негодования в Японии. В июне 2016 г. власти префектуры Симанэ совместно с береговой охраной Японии высадились на одном из спорных островов, установив знаки, обозначающие острова как японскую территорию и потребовав удаления с них южнокорейских рыбаков. Однако уже в следующем месяце южнокорейская полиция появилась на островах и обстреляла патрульный корабль береговой охраны Японии. В августе 2017 г. Южная Корея также неоднократно открывала огонь по японскому патрульному кораблю. В том же году в Японии были пересмотрены тексты японских школьных учебников с целью более глубокого аргументирования претензий страны на острова Такэсима/Токто.

В ответ в октябре 2018 г. группа депутатов парламента Южной Кореи от правящей и оппозиционных партий во главе с председателем комитета по образованию Национального собрания страны посетила спорные острова. Участники поездки заявили, что цель визита состояла в том, чтобы опровергнуть утверждения в японских школьных учебниках о том, что острова являются частью Японии, и распространять «правильное понимание истории» [Japan Times, 22.10.2018]. В феврале 2019 г. южнокорейское исследовательское судно, несмотря на протесты японского правительства, дважды заходило в воды, окружающие спорный архипелаг [Nikkei Asian Review, 19.03.2019]. Не исключено, что это было показательное действие в преддверие «Дня Такэсимы» в Японии.

Особый всплеск недовольства в Японии вызвал тот факт, что на вышеупомянутом банкете по случаю посещения Южной Кореи с официальным визитом американского президента Д. Трампа в начале ноября 2017 г. среди других яств демонстративно было выставлено блюдо с наименованием «Креветки Токто». Угощение, как следует из названия, было приготовлено из ракообразных, выловленных в водах вблизи спорных островов. Это

был расценено в Токио как беспардонный выпад южнокорейской стороны в двустороннем территориальном споре.

Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на усилия правительства Японии расширить поддержку общественности его позиции по спорным островам, интерес японского населения к территориальному спору с Южной Кореей имеет тенденции к снижению. По данным опроса общественного мнения, проведённого кабинетом министров в октябре 2017 г., лишь 59,3 % респондентов выразили интерес к проблеме островов Такэсима. Этот результат оказался на 7,6 процентных пункта ниже предыдущего опроса, проведенного в ноябре 2014 г. По мнению правоконсервативной газеты «Санкэй симбун», это свидетельствует о недостаточности усилий правительства по отстаиванию интересов страны в островном споре с Южной Кореей. Газета считает, что необходимо наращивать давление на Сеул по территориальной проблеме через призывы к возвращению Такэсимы. Издание также призывает сделать «День Такэсимы» по примеру «Дня северных территорий» общенациональным праздником [Санкэй симбун, 26.02.2018]. Очевидно, однако, что такой шаг дополнительно взвинтил бы территориальное противостояние Японии и Южной Кореи в Японском море и лишь ухудшил общую атмосферу в двусторонних отношениях.

Зачастую колониальное господство Японии на Корейском полуострове в период 1910–1945 гг. отзывается негативным эхом в современных отношениях между Японией и двумя современными корейскими государствами в весьма необычной форме. Так, несколько лет назад в период очередного обострения ситуации на полуострове в японских и южнокорейских СМИ появились сообщения о том, что Япония для эвакуации её граждан, находящихся в Южной Корее, в случае начала военных действий планирует послать военно-транспортные самолёты своих Сил самообороны. Однако Сеул дал Токио понять, что появление в стране японских самолетов с государственным флагом Японии в виде восходящего солнца (*хи-но мару*) нежелательно, так как будет негативно воспринято южнокорейской общественностью.

Другое событие из этого разряда случилось в октябре 2018 г. Тогда Министерство обороны Японии отказалось от отправки эсминца Морских сил самообороны для участия в проводимом Южной Кореей международном военно-морском смотре в акватории острова Чеджу. Токио категорически отверг требование Сеула о том, чтобы во время смотра на эсминце не поднимался военно-морской флаг Японии в виде солнца и шестнадцати расходящихся от него лучей (*кёкудзицуки*). Он исторически использовался как знамя бывшего Императорского флота Японии. Однако как на Юге, так и на Севере Корейского полуострова этот флаг ассоциируется с жестокостями японского колониального правления.

Как отмечает газета «Санкэй симбун», в СМИ, в научных кругах и среди широких слоёв населения Южной Кореи распространена сильнейшая аллергия к флагу *кёкудзицуки*, который корейцы считают символом агрессии и милитаризма Японии во время прошлых войн. Более того, в парламенте Южной Кореи даже предпринимались шаги по представлению законопроекта, направленного на запрещение использования в стране *кёкудзицуки* [Санкэй симбун, 08.10.2018].

Представители южнокорейских военно-морских сил обратились ко всем 14 странам – участникам вышеупомянутого смотра с просьбой поднять на своих судах только национальные флаги и южнокорейский государственный флаг. Однако в Японии эта просьба была воспринята как мера, направленная на то, чтобы помешать японскому эсминцу поднять

свой традиционный военно-морской флаг. 5 октября 2018 г. министр обороны Японии разъяснил, что подъём флага *кёкудзицуки* является обязательным требованием для японских военных кораблей в соответствии с Законом о Силах самообороны, а также другими законами и правилами. Кроме того, министр подчеркнул, что подъём флага действует уже более полувека и зарекомендовал себя как международно признанная практика.

Как пишет газета «Санкэй симбун», в Токио требование Сеула воздержаться от подъёма своего флага на международном военно-морском смотре рассматривается как вопиюще необоснованное. Принятие условий Южной Кореи в отношении участия Морских сил самообороны в смотре противоречило бы международному праву, а также внутреннему законодательству Японии, поставив под угрозу её репутацию как страны, пользующейся доверием международного сообщества. По мнению японских военных экспертов, «в случае, если бы Япония выполнила требование Южной Кореи, она бы дала основание Китаю усилить военное давление на острова Сэнкаку (их Китай считает своими территориями и называет Дяоюйдао. – В.К.), а Пекин стал бы рассматривать Японию как страну, “склонную капитулировать”, когда она сталкивается с жёстким давлением из-за рубежа» [Санкэй симбун, 08.10.2018].

Дальнейшее развитие ситуация взаимной неприязни между военными Японии и Южной Кореи получила уже в начале 2019 г., когда Токио отменил заход в южнокорейский порт Пусан вертолётноносца «Идзумо» и других военных кораблей Японии. Они должны были принять участие в запланированных на апрель–май военно-морских учениях совместно с судами Южной Кореи. Причиной послужил произошедший незадолго до этого инцидент между южнокорейским эсминцем и самолётом Морских сил самообороны Японии [Japan Times, 08.10.2018].

В конце декабря 2018 г. Япония обвинила южнокорейский военный корабль в том, что он направил свой радиолокатор управления огнём на японский самолёт морской разведки, пролетавший над районом, в котором взаимно накладываются заявленные Токио и Сеулом исключительные экономические зоны в Японском море. Токио назвал инцидент «чрезвычайно опасным». В ответ Южная Корея отрицала факт наведения боевого радара на японский самолет и утверждала, что он пролетел опасно низко над её военным кораблем. Сеул заявил, что аналогичные инциденты произошли в январе 2019 г. Южнокорейские представители заявили, что «если такая деятельность повторится снова, наши военные ответят решительно». В Японии расценили это как угрозу применения силы [Japan Times, 06.02.2019].

Министр обороны Японии Ивая Такэси опроверг утверждение Южной Кореи о том, что японские патрульные самолёты несколько раз пролетали вблизи кораблей ВМС Южной Кореи, назвав информацию «неточной» [Japan Times, 27.01.2019]. Обе стороны взаимно отвергли обвинения и потребовали извинений. Взаимная обвинительная риторика значительно усилилась в начале 2019 г., и переговоры об урегулировании инцидента фактически зашли в тупик. В связи с этим Министерство обороны Японии заявило, что оно прекращает переговоры на рабочем уровне относительно эпизода с радаром [Nikkei Asian Review, 22.01.2019]. О степени негативного восприятия в Южной Корее происшествия с радаром свидетельствует тот факт, что некоторые её парламентарии призвали к отмене важного соглашения об обмене разведывательными данными между двумя странами. Спор

между Токио и Сеулом по поводу инцидента с радаром в Японском море по состоянию на начало 2019 г. так и остался с неясными перспективами его урегулирования.

Одной из нерешённых до сих пор проблем колониального наследия Японии на Корейском полуострове его жители считают насильственный вывоз корейцев в Японию во времена тихоокеанской войны для использования на тяжелых работах, таких как добыча угля, выплавка металлов и другие. На Сахалине, южная часть которого принадлежала Японии до её поражения во Второй мировой войне, до сих пор проживает немало потомков таких «переселенцев». По данным южнокорейского правительства, императорская Япония за 35 лет оккупации полуострова вывезла на свою территорию около 780 тысяч корейских рабочих [Japan Times, 24.01.2019]. Группа угонявшихся в Японию корейцев, а также их потомков, проживающих сейчас в Южной Корее, подали судебные иски о получении компенсации за их подневольный труд.

В конце ноября 2018 г. Верховный суд Южной Кореи постановил, что японская компания–производитель стали Nippon Steel & Sumitomo Metal Corp. должна выплатить четырём своим бывшим корейским рабочим по 100 млн вон (87 680 долл.) каждому [Japan Times, 24.01.2019]. Токио утверждает, что все исторические вопросы компенсаций за колониальное правление были урегулированы между двумя странами в соответствии с договором 1965 г., который восстановил между ними дипломатические отношения. Тогда же Япония единовременно выплатила Южной Корее в виде компенсаций 800 млн долл. [Japan Times, 24.01.2019].

9 января 2019 г. Токио запросил дипломатические консультации с Сеулом после того, как южнокорейский суд одобрил арест активов Nippon Steel & Sumitomo Metal Corp., назвав этот шаг «крайне прискорбным». На это Президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин ответил 10 января, что многие южнокорейцы не считают договор 1965 г. достаточно компенсирующим понесённый ущерб, и призвал уважать решение суда.

В конце 2018 г. Верховный суд Южной Кореи обязал также машиностроительную компанию Mitsubishi Heavy Industries Ltd. выплатить компенсацию за принудительный труд корейцев во время войны. Но поскольку компания отказалась вести переговоры о компенсации, родственники бывших рабочих в начале марта 2019 г. подали в южнокорейский суд иск о наложении ареста на активы компании. Южнокорейские юристы обратились в Центральный районный суд Сеула с требованием наложить арест на права на два товарных знака и шесть патентов, принадлежащих Mitsubishi Heavy Industries в Южной Корее. В случае положительного решения суда компания не сможет продавать, передавать или отчуждать эти активы. По сообщениям японских СМИ, арест, если он будет одобрен, сделает Mitsubishi Heavy Industries второй японской компанией, которая столкнётся с захватом активов в Южной Корее [Mainichi Daily News, 07.03.2019].

Судя по всему, Токио не намерен выполнять решения южнокорейских судебных инстанций о выплате компенсаций. Премьер-министр С. Абэ поручил министерствам страны изучить контрмеры после того как истцы в Южной Корее предприняли юридические шаги по захвату местных активов японского сталелитейного предприятия. «Это крайне прискорбно. Я дал указание соответствующим министерствам рассмотреть конкретные меры, основанные на международном праве, чтобы продемонстрировать нашу решительную позицию в отношении этого вопроса», – сказал Абэ в одной из телевизионных передач. Правда, он не уточнил, какие конкретно меры будут приняты [Japan Times, 06.01.2019].

2019 г. начался с интенсивной словесной перепалки между высокопоставленными лицами Японии и Южной Кореи по поводу компенсаций. Так, генеральный секретарь японского кабинета министров Суга Ёсихидэ заявил на пресс-конференции: «Крайне прискорбно, что президент Мун попытался переложить ответственность (по проблеме компенсаций. – В.К.) Южной Кореи на Японию». Заявление Суга последовало на следующий день после того как президент Южной Кореи заявил, что «политизация» Японией этого вопроса является «не мудрой позицией», и призвал Токио занять «более умеренную позицию» [Japan Times, 11.01.2019]. Первый раунд переговоров по проблеме компенсаций между представителями МИД двух стран, проведённый в марте 2019 г. в Сеуле, не дал никаких результатов [Japan Times, 14.03.2019].

Вместе с тем японское правительство намерено попытаться привлечь посредников для решения этого вопроса. Оно планирует создать третейскую судебную коллегия в составе трёх членов – Японии, Южной Кореи и третьей страны. Соглашение 1965 г. о собственности и претензиях предусматривает создание Арбитражного комитета, если Япония и Южная Корея не смогут решить такие вопросы дипломатическим путем. Опрос общественного мнения показал, что в Японии 69 % мужчин и 58 % женщин поддержали такую позицию правительства [Nikkei Asian Review, 18.02.2019]. Очевидно, что вопрос о компенсациях за подневольный труд станет на обозримое будущее ещё одной трудноразрешимой проблемой, серьёзно отягощающей отношения между Японией и Южной Кореей.

В колониальное правление Японии на Корейском полуострове уходит своими корнями и вопрос о названии моря, которое их разделяет. Как указывают японские эксперты, в руководящих принципах «Границы океанов и морей» (“Limits of Oceans and Seas” guidelines), опубликованных Международной гидрографической организацией (International Hydrographic Organization), название «Японское море» используется для описания морского района между Корейским полуостровом и Японским архипелагом. Исходя из этого, морские карты, обозначающие этот морской район как Японское море, широко используются во всём мире.

Однако Южная Корея призывает пересмотреть руководящие принципы, разработанные в 1953 г., включив в них наряду с Японским морем название «Восточное море». В ответ на эту просьбу Международная гидрографическая организация призывает соответствующие страны, включая Японию и Южную Корею, провести неофициальные переговоры о том, следует ли пересмотреть руководящие принципы, до следующего заседания МГО, намеченного на 2020 г.

Южная Корея впервые предложила изменить название моря на конференции ООН в 1992 г. В обоснование своей позиции Сеул привёл тот факт, что название Японского моря стало широко использоваться лишь в процессе колониального правления Японии, тогда как название «Восточное море» использовалось в течение двух тысяч лет [Иомиури симбун, 18.03.2019]. Однако Токио, отвергая утверждение Сеула, настаивает на том, что обозначение «Японское море» использовалось в Европе в начале XIX века в период Эдо, когда в стране проводилась изоляционистская внешняя политика. За требованием Сеула изменить название моря Токио усматривает намерение раздувать антияпонские настроения. В качестве доказательства японские эксперты ссылаются на тот факт, что в штате Вирджиния в Соединённых Штатах в 2014 г. был принят законопроект, требующий, чтобы в государственных школьных учебниках штата Японское море также называлось Восточным

морем. Этот шаг, по их мнению, был принят под давлением местных американцев – выходцев из Южной Кореи [Иомиури симбун, 04.02.2019].

Япония возражает против переименования. По мнению японских экспертов, если при упоминании одного морского района признаётся несколько названий, то, возможно, будут использоваться различные морские карты, что может вызвать ненужную путаницу в морских перевозках. Они подчёркивают, что «Японское море» является единственным международно-признанным названием, а в 2004 г. Организация Объединённых Наций признала, что «Японское море» является стандартным географическим термином. Генеральный секретарь кабинета министров Японии Суга Ёсихидэ заявил на пресс-конференции, что «нет необходимости или причин для перемен» [Иомиури симбун, 04.02.2019].

Вместе с тем Ё. Суга заявил в начале февраля 2019 г., что Токио готов организовать у себя неофициальные переговоры между странами – членами Международной гидрографической организации по обзору руководящих принципов этого органа, который будет включать обсуждение названия «Японского моря». Отметив, что МГО призвала к неофициальным обсуждениям существующих проблем между заинтересованными странами, Ё. Суга сказал на пресс-конференции, что Япония планирует «внести конструктивный вклад» в переговоры «в качестве ответственного члена» организации. Япония настоятельно подтвердит свою позицию на запланированных неофициальных переговорах, заявил Ё. Суга [Japan Times, 06.02.2019]. Судя по всему, Южная Корея также не откажется в обозримом будущем от своего требования, и противоречия между двумя странами по поводу названия разделяющего их моря ещё надолго останутся тлеющим углём раздора между ними.

Нарастающая с конца 2018 г. напряжённость в политических отношениях между Японией и Южной Кореей грозит негативно сказаться и на деловых связях между двумя странами. Как отмечает рупор японских деловых кругов газета Nikkei, на карту поставлены крупные потоки торговли, инвестиций и туристов. Япония и Южная Корея являются друг для друга вторым по величине источником иностранных туристов и третьим по значимости торговым партнером. Туризм и потребительские услуги подвергаются наибольшему риску в результате любого серьёзного противостояния, но и другие отрасли, такие как полупроводники, потенциально могут быть уязвимы для сбоев в производственных цепочках [Nikkei Asian Review, 13.02.2019].

«Бизнес-сообщество не хочет эскалации, но политики становятся более жёсткими», – сказал Мукояма Хидэхико, аналитик одного из японских исследовательских институтов в Токио. Некоторые японские политики призывают правительство наказать Южную Корею такими мерами, как повышение тарифов на её товары и визовые ограничения. Враждебность может породить случаи преследований или нападений, что нанесёт вред деловой активности, заявил Х. Мукояма [Nikkei Asian Review, 13.02.2019]. По его мнению, потребительский бизнес, такой как ресторанный, скорее всего, пересмотрит или отложит свои планы расширения в свете существующей неопределённости.

До недавнего времени Япония и Южная Корея стремились придерживаться двухколейного подхода в их взаимосвязях, отделяя исторические вопросы и проблемы колониального прошлого от делового сотрудничества и взаимодействия в области безопасности. Но есть признаки ужесточения позиций с обеих сторон, что может поставить под угрозу этот тщательно выверенный баланс. По опросам общественного мнения,

проведенного газетой Nikkei в январе 2019 г., 62 % японских респондентов заявили, что хотят увидеть более жёсткую реакцию своей страны на действия Южной Кореи [Nikkei Asian Review, 13.02.2019].

Газета отмечает, что бизнес и раньше страдал от напряжённости в политических отношениях Японии и Южной Кореи. В 2012 г. визит президента Южной Кореи Ли Мён Бака на спорные острова ослабил бум корейской поп-культуры, охвативший Японию в то время. А в период с 2012 по 2015 г. количество японских туристов в Южной Корее сократилось почти вдвое, что потребовало финансовой помощи для некоторых южнокорейских туристических агентств. Как пишет деловое издание, большинство промышленных компаний в целом не пострадали в прошлый раз и надеются избежать худшего снова. Однако они по-прежнему внимательно следят за ситуацией [Nikkei Asian Review, 13.02.2019].

О том, что развитие этой ситуации в первой половине 2019 г. пошло в неблагоприятном направлении, свидетельствует тот факт, что Япония в марте стала изучать возможность повышения тарифов на некоторые южнокорейские товары в ответ на арест и возможную продажу активов двух вышеупомянутых японских компаний. По сообщениям японских СМИ, если активы будут проданы, Токио предпримет шаги, чтобы нанести соответствующий ущерб южнокорейской экономике. Об этом на заседании парламента заявил министр иностранных дел Коно Таро [Japan Times, 09.03.2019]. Япония уже обнародовала список из приблизительно 100 пунктов возможных ответных действий. Эти действия могут включать повышение тарифов, приостановку поставок некоторых японских товаров и ограничения на выдачу виз. Ожидается, что Токио определит курс действий после оценки того, соответствуют ли эти меры правилам Всемирной торговой организации, и как сильно они повлияют на японскую экономику [Japan Times, 09.03.2019]. Очевидно, что Сеул не оставит без реакции указанные действия Токио и примет соответствующие контрмеры. Не приходится сомневаться, что это приведёт к осложнению ситуации в торгово-экономических отношениях двух стран и лишь усилит напряжённость между ними.

Тем временем на конец 2019 г. перенесено заседание Японо-корейской экономической ассоциации – организации, в которую входят представители государственных и бизнес структур Японии и Южной Кореи. Оно должно было состояться в мае, но было отложено на вторую половину года. Эта организация с 1969 г. ежегодно проводит совещания с целью развития экономических обменов между двумя странами. В 2018 г. совещание проходило в Токио, а в 2019 г. запланировано в Сеуле. Японо-корейская экономическая ассоциация обратилась к правительству Южной Кореи с просьбой принять меры по защите японской деловой активности в Южной Корее и с такой же просьбой обратилась к правительству Японии [Nikkei Asian Review, 11.03.2019].

В период холодной войны в советской и западной политологической литературе много работ было посвящено созданию и функционированию в Северо-Восточной Азии военно-политического треугольника Япония – США – Южная Корея. Характер, цели и задачи этого геополитического построения оценивались противоборствующими лагерями с прямо противоположных позиций. В Советском Союзе указанный треугольник рассматривался как враждебный, направленный исключительно против него и несущий угрозу миру и безопасности в регионе. В самих государствах – членах треугольника и поддерживавших их странах Азии он, наоборот, позиционировался как инструмент сдерживания «советской военной угрозы» и фактор мира и стабильности в Азии. Единственное, что объединяло эти

противоположные точки зрения, заключалось в уверенности в незыблемой прочности трёхстороннего альянса.

Однако окончание холодной войны внесло свои коррективы в подобные оценки. Выяснилось, что с распадом СССР не только ослабла основная мотивация к существованию треугольника Токио – Вашингтон – Сеул, но всё больше стали давать о себе знать центробежные силы внутри него. При этом линия Токио – Сеул оказалась, образно говоря, прочерчена пунктирной линией, точки которой начали с течением времени постепенно исчезать. Особенно ясно это стало в последние годы, когда в силу рассмотренных выше в данной статье событий и факторов японо-южнокорейские отношения вошли в период всё более усиливающейся конфронтации. Это не может не сказаться на общей ситуации в сфере региональной безопасности.

Судя по всему, исключительно негативное влияние на отношения между Японией и Южной Кореей, как и на положение в целом внутри их тройственного альянса с участием США, оказал вышеописанный инцидент с наведением боевого радара южнокорейским военным кораблем на японский разведывательный самолёт. Вот какую оценку ситуации вокруг этого инцидента даёт японская газета: «Такое положение дел является прекрасным примером того, как распространение недоверия между Японией и Южной Кореей, которое началось с вопроса о восприятии исторического прошлого, подрывает отношения между двумя странами. Действительно ли дружественные отношения между Японией и Южной Кореей, которые лежали в основе создания трёхстороннего союза с Америкой, подходят к концу? Если это так, то предстоит ещё большая трансформация политического баланса в Северо-Восточной Азии» [Japan Times, 21.02.2019]. Следует отметить, что в отличие от периода холодной войны, когда главным объектом деятельности трёхстороннего альянса Япония – США – Южная Корея был Советский Союз, в настоящее время такими первоочередными объектами стали Китай и Северная Корея.

Однако треугольник США – Япония – Южная Корея становится всё менее прочным не только потому, что в нём линия Япония – Южная Корея после окончания холодной войны оказалась наиболее слабым местом, но и по причине того, что импульсы к его ослаблению стали исходить из самих Соединённых Штатов. Это особенно заметно после прихода на пост президента страны Дональда Трампа. Ещё в период своей предвыборной кампании Трамп заявлял о необходимости того, чтобы Япония и Южная Корея взяли на себя больше финансовых обязательств по обеспечению своей безопасности. Более того, он не исключал возможность обзаведения обеими странами собственным ядерным оружием. И хотя это одиозное высказывание вскоре было дезавуировано, курс администрации Трампа на коммерциализацию отношений США со своими важнейшими военными союзниками в Азии в последние годы лишь усиливается.

Указанный курс заключается не только в сильнейшем давлении на обе страны в области торгово-экономических отношений, но и во всё более жёстких требованиях взятия на себе возрастающих расходов по оплате пребывания американских войск на их территориях. Дело дошло до высказывания Трампа о необходимости выстраивать отношения со своими азиатскими союзниками по формуле «стоимость плюс 50 процентов». Она подразумевает, что союзники должны полностью покрывать расходы на содержание американских войск на своей территории и сверх того платить ещё половину их стоимости

в виде благодарности Вашингтону за обеспечение своей безопасности [Japan Times, 13.03.2019].

Вместе с тем, как отмечают японские аналитики, администрация Трампа, в отличие от администрации его предшественника на посту президента – Барака Обамы, не проявляет большой обеспокоенности по поводу нарастающей враждебности между Японией и Южной Кореей. В период президентства Барака Обамы под давлением Вашингтона между Токио и Сеулом были заключены вышеупомянутые знаковые соглашения по проблеме «женщин для утешения» и об обмене разведывательной информацией. Однако первое соглашение было фактически аннулировано Сеулом в период нахождения в кресле президента США Дональда Трампа, и не исключено, что такая же судьба ждёт и второй документ.

По поводу безразличной реакции администрации Трампа газета Japan Times пишет следующее: «Отношения между Южной Кореей и Японией лежат в основе системы альянсов в Северо-Восточной Азии. Тем не менее, США были публично молчаливы и, казалось, бессильны в подавлении растущей враждебности между двумя своими союзниками» [Japan Times, 06.02.2019]. По мнению газеты, если всё оставить так, как есть, то ухудшение отношений между Японией и Южной Кореей может подорвать систему альянсов США. Japan Times отмечает, что два ближайших партнёра Вашингтона по безопасности превратились в самые враждебные государства за более чем полвека из-за серии дипломатических конфликтов. В издании также подчёркивается, что наиболее важным последствием для США является ухудшение связей между японскими и южнокорейскими военными, что может подорвать американские усилия по противодействию растущему Китаю [Japan Times, 06.02.2019].

Вместе с тем, по мнению авторитетного английского журнала «Экономист», парадокс ситуации заключается в том, что именно Вашингтон своей послевоенной политикой в Азии заложил основы нынешних трений в отношениях между Японией и Южной Кореей. Журнал в частности, пишет: «Обеспокоенная разладом двух своих союзников, Америка призывает их преодолеть исторические разногласия. Это забавно. Соединённые Штаты никогда не признают своего вклада в трудную историю региона. В 1905 г. Япония получила свободу действий в Корее. Как оккупирующая держава, в конце 1940-х годов Америка положила конец процессу признания Японией своей вины в военное время с целью обеспечить пребывание страны на её стороне в период холодной войны» [Economist].

Одним из факторов, расшатывающих в настоящее время военно-политический треугольник Япония – США – Южная Корея, является различие в подходах Токио и Сеула к решению проблемы ракетно-ядерного потенциала Северной Кореи. Правительство премьер-министра С. Абэ последовательно проводит курс на ужесточение давления на Пхеньян всеми возможными военными и экономическими мерами, в то время как администрация пришедшего к власти в 2017 г. президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина стремится вести гораздо более примирительную политику в отношении Севера, что вызывает большое недовольство Токио. Как пишет японское деловое издание, Япония с подозрением относится к тому, что она воспринимает как прокитайскую и просеверокорейскую политику Муна. Она справедливо убеждена в том, что трёхстороннее сотрудничество между США, Японией и Южной Кореей имеет большое значение для решения северокорейской ядерной проблемы [Nikkei Asian Review, 05.02.2019].

Нарастающие противоречия между Японией и Южной Кореей дают основание некоторым западным аналитикам предполагать возможность серьёзного военного конфликта между двумя странами. Так, электронное издание Asia Times опубликовало статью под заголовком «Размышляя о немислимом: столкновение Японии и Кореи» [Asia Times]. В статье рисуются четыре сценария возможного развития отношений Японии и Южной Кореи. Во всех четырёх случаях сценарии оканчиваются вооружённым столкновением между ними.

Можно полагать, что эти крайние прогнозы вряд ли сбудутся в обозримом будущем, однако события начала 2019 г. свидетельствуют о том, что ухудшение отношений между Токио и Сеулом ещё не достигло своего дна. Так, 15 января Министерство обороны Южной Кореи опубликовало свою, издающуюся раз в два года, «Белую книгу по обороне». В ней раздел, касающийся Японии, претерпел кардинальные изменения по сравнению с предыдущими выпусками. В новом издании, например, опущено упоминание о том, что «Южная Корея и Япония разделяют фундаментальные ценности либеральной демократии и рыночной экономики». В «Белой книге» изменен также порядок стран, с которыми Южная Корея осуществляет военные обмены. Теперь он выглядит так: Китай, Япония и Россия, а раньше был таким: Япония, Китай и Россия. Примечательным изменением стало и то, что в книге отсутствует упоминание Северной Кореи как противника Южной Кореи [Japan Times, 28.01.2019].

Весьма показательными следует считать также высказывания руководителей Японии и Южной Кореи, сделанные в начале года в их знаковых выступлениях. Так, премьер-министр С. Абэ, выступая в январе 2019 г. на открытии очередной сессии парламента с ежегодной речью, в отличие от предыдущих лет опустил в ней своё видение развития японо-южнокорейских связей. Абэ лишь мимоходом упомянул Южную Корею, подчеркнув важность «тесной координации с международным сообществом, в частности Вашингтоном и Сеулом», чтобы иметь дело с ядерной Северной Кореей [Japan Times, 28.01.2019].

А президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин в своём выступлении в Сеуле в начале марта по случаю 100-й годовщины начала народного восстания против колониального правления Японии лишь абстрактно призвал к сотрудничеству с Токио для обеспечения регионального мира, но ничего не сказал по поводу решения проблем исторического прошлого, серьёзно осложняющих в настоящее время отношения двух стран. Он только отметил, что Южная Корея и Япония могут стать «настоящими друзьями», когда «боль жертв по существу исцелится» [Nikkei Asian Review, 05.02.2019]. Подобные оценки, данные высшими руководителями Японии и Южной Кореи, свидетельствуют о том, что обеим странами ещё предстоит пройти долгий путь, чтобы полностью нормализовать отношения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Иомиури симбун.

Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // Японские исследования. 2018. №4. С. 78–91. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

Санкэй симбун.

Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Наука – Восточная литература, 2015. 279 с.

Japan Times.

Mainichi Daily News.

Nikkei Asian Review.

Thinking the unthinkable: A Japan-Korea clash. Asia Times. URL: <https://www.asiatimes.com/2019/02/article/thinking-the-unthinkable-a-japan-korea-clash/> (дата обращения: 23.02.2019).

Why South Korea and Japan still can't put the past behind them. Economist. URL: <https://www.economist.com/asia/2019/03/02/why-south-korea-and-japan-still-cant-put-the-past-behind-them> (дата обращения: 10.03.2019).

REFERENCES

Asia Times. (2019). Thinking the unthinkable: A Japan-Korea clash, URL: <https://www.asiatimes.com/2019/02/article/thinking-the-unthinkable-a-japan-korea-clash/> (accessed: 23 February 2019).

Economist. (2019). Why South Korea and Japan still can't put the past behind them, URL: <https://www.economist.com/asia/2019/03/02/why-south-korea-and-japan-still-cant-put-the-past-behind-them> (accessed: 10 March 2019).

Japan Times.

Mainichi Daily News.

Nikkei Asian Review.

Panov A.N., Nelidov V.V. (2018). Vneshnyaya politika Yaponii v kontekste voyenno-politicheskoy obstanovki v Severo-Vostochnoy Azii [Japan's foreign policy in the context of military-political situation in North East Asia], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2018, 4: 78–91. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

Sankei Shimbun.

Streltsov D.V. (2015). Vneshnopoliticheskiye prioritety Yaponii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Japan's foreign policy priorities in the Asia-Pacific region], Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura. (In Russian).

Yomiuri Shimbun.

Поступила в редакцию 25.03.2019

Received 25 March 2019

Для цитирования: Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 33–48. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019

For citation: Kistanov V.O. (2019). Otnosheniya mezhdru Yaponiyey i Yuzhnoy Koreyey: problemy, tendentsii, perspektivy [Relations between Japan and South Korea: problems, trends, perspectives], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2019, 3: 33–48. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019

Японские исследования. 2019. №3. С. 49–61.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 49–61.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10020

Локальные предания о Минамото-но Ёритомо в системе японской фольклорной прозы

А.Р. Садокова

Аннотация. Статья посвящена изучению фольклорного цикла, повествующего о жизни Минамото-но Ёритомо на полуострове Идзу. Отмечается, что в повествовательном фольклоре Японии особое место занимают народные предания, которые вместе с другим жанром – легендами – принято обозначать единым термином *дэнсэцу*. Произведения этого жанра уделяли большое внимание историческим событиям и судьбам реальных исторических лиц как общенационального, так и локального масштаба. Это способствовало появлению большого числа народных повествований, связанных с героями, культурными достижениями и природными объектами небольшой по размеру территории, то есть «своей» деревни или «своего» района. Один из таких районов – полуостров Идзу, где долгие годы, еще будучи юношей, находился в ссылке будущий правитель средневековой Японии, выдающийся политический и военный деятель Минамото-но Ёритомо (1147–1199).

Локальные предания полуострова Идзу имеют особую ценность. Выбранный для анализа цикл текстов уникален – это единственный фольклорный цикл о Минамото-но Ёритомо, бытовавший в японской народной повествовательной традиции. Кроме того, предания Идзу дают возможность посмотреть на истинное восприятие этого героя в народной среде и сравнить представления о Ёритомо в фольклоре и в истории Японии.

Очевидным и несколько искусственным видится «наложение» образа Ёритомо на локальные топонимические предания, которые приобрели исторический аспект. Это добавило им «достоверности», а рассказ о необычном событии или происшествии оказался связанным с реальными топонимами Идзу и далее – с деяниями Ёритомо, которому приписывалось создание многих природных объектов: камней, скал, источников. Эти объекты получали «личные имена», исходя из тех действий, которые совершал Ёритомо, и стали своеобразной «фольклорной историей» его жизни на Идзу. Некоторые предания повествовали о роли Ёритомо в приобретении природными объектами необычных свойств и качеств. Так, фольклорный цикл полуострова Идзу создал отличный от исторического образ Ёритомо. В фольклоре Идзу Ёритомо приобрёл ярко выраженные черты мифологического культурного героя-созидателя. А в ряде случаев даже обожествлялся.

Ключевые слова: народные предания, полуостров Идзу, Минамото-но Ёритомо, личные имена камней и источников.

Автор: Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова. ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: sadokova@list.ru

Local legends about Minamoto-no Yoritomo in the system of Japanese folk tales

A.R. Sadokova

Abstract. The article is devoted to the folklore cycle about the life of Minamoto-no Yoritomo from the Izu Peninsula. It is worth noting that folk legends hold a special place in Japan's narrative folklore, and alongside another genre – legends – are traditionally denoted by a single term *densetsu*. The works of this genre devote much attention to historical events and real historical figures of both national and local scale. This led to the appearance of a large number of popular narratives associated with heroes, cultural achievements, and natural objects of a small territory, i.e. “native” village or “native” area. One of these areas was the Izu Peninsula, where Minamoto-no Yoritomo (1147–1199), the future ruler of medieval Japan, an outstanding political and military leader, lived in exile for many years in his young age.

Local legends of the Izu Peninsula have particular importance. The cycle of texts selected for analysis is unique, as it is the only folk cycle about Minamoto-no Yoritomo that exists in the Japanese narrative tradition. In addition, the legends of Izu give the opportunity to realize the true perception of this hero among the people, and to compare the ideas and notions of Yoritomo in Japanese history and folklore.

“Imposing” the image of Yoritomo on local toponymic legends, which have acquired a historical dimension, seems obvious and to some degree artificial. This contributed to their “authenticity”, as a story about an unusual event or incident turned out to be associated with the real toponyms of Izu, and later with the deeds of Yoritomo, who was believed to have created many natural objects, such as stones, rocks, and springs. These objects received “individual names” according to Yoritomo's deeds, and became a kind of “folk history” about his life on Izu. Some legends tell about Yoritomo being involved in giving certain unusual features and qualities to natural objects. Thus, the folk cycle of the Izu Peninsula has created an image of Yoritomo that is distinct from his historical image. In the folklore of Izu, Yoritomo acquired pronounced features of a mythological cultural hero and creator. In some cases, he was even deified.

Keywords: folk legends, the Izu Peninsula, Minamoto-no Yoritomo, individual names of stones and springs.

Author: Sadokova Anastasiya R., Doctor of Sciences (Philology), professor, Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: sadokova@list.ru

В богатом повествовательном фольклоре Японии особое место занимают народные предания, которые вместе с другим жанром – легендами – принято обозначать единым термином *дэнсэцу*. По сути речь идёт о произведениях несказочной прозы, к которой в мировой фольклористике относятся жанры, имеющие ярко выраженную «установку на достоверность», то есть всеми возможными способами (упоминание реальных географических названий, исторических лиц, указание существующего природного объекта) пытающиеся убедить слушателя в правдивости повествования. К таким жанрам относятся легенды (рассказы о религиозном чуде), предания (повествования о местной истории и героях, о событиях локальной важности), а также былички и бывальщины (истории о встрече с демонологическими персонажами).

В японской традиции классификация *дэнсэцу* имеет свои особенности. В основе её лежит принцип определения «места действия» или выбор персонажа, вокруг которого

формируется фольклорный цикл. Именно поэтому *дэнсэцу* – это повествования о великанах, о синтоистских и буддийских божествах, о великих монахах и святых. А также тексты о храмах и сокровищах, о воде (реках, прудах, непроточных водах), о камнях (в том числе об утёсах и скалах), о горах (о непроходимых лесах), о горячих источниках. Все группы *дэнсэцу* представлены в японской народной традиции огромным корпусом текстов, однако в зависимости от района Японии те или иные группы народных повествований являются определяющими. При этом можно констатировать, что самыми распространёнными можно считать топонимические предания, а также предания, связанные с жизнью реальных исторических лиц как локального, так и общенационального масштаба.

Вообще следует сказать, что к историческим событиям и судьбам реальных исторических лиц японский повествовательный фольклор истари испытывал особый интерес. Вероятно, это было связано с такой отличительной чертой японского фольклора как территориальная локализация. Будучи горной страной, Япония всегда была трудна для передвижения, и нередко «жизнь за горой» представлялась недостижимой и нереальной. Это способствовало повышению внимания фольклора к локальным событиям и людям, проживающим в пределах досягаемости, и как следствие – к появлению большого числа легенд и преданий, связанных с героями, культурными достижениями и природными объектами небольшой по размеру территории, то есть «своей» деревни или «своего» района.

Таких «своих районов» по всей территории современной Японии можно насчитать огромное количество, но есть среди них такие, которые в силу своего географического положения всегда оказывались в центре исторических событий, и потому с ними связан чрезвычайно обширный корпус фольклорных текстов самого разного содержания.

Одним из таких районов можно без преувеличения назвать полуостров Идзу. Это живописный полуостров, который находится недалеко от современного Токио и воспринимается сегодня японцами как курортное место. Там много небольших морских бухт и необыкновенно красивая горная природа.

Однако таким восприятие полуострова Идзу было далеко не всегда. Ведь, как известно, на протяжении многих веков Идзу был местом ссылки. Именно благодаря горному рельефу, крутым перевалам, ветрам, дующим со всех сторон, полуостров считался идеальным местом для содержания преступников – оттуда ссыльные практически не могли выбраться. Для многих из сосланных в эти места жизнь делилась на «до» и «после», и они возвращались с Идзу больными и потерявшими интерес к жизни людьми. Японская культура и литература знают тому немало примеров. Однако такое случалось не со всеми. Когда-то одним из самых знаменитых «пленников» полуострова Идзу, ещё будучи юношей, был будущий правитель средневековой Японии, выдающийся политический и военный деятель Минамото-но Ёритомо (1147–1199).

Как известно, его жизнь и карьера пришлись на один из самых беспокойных периодов в истории Японии – время борьбы за власть двух могущественных феодальных родов – Минамото и Тайра. Борьба длилась несколько десятилетий, в неё было вовлечено огромное количество людей, а события, которые её сопровождали, были полны истинного трагизма. Один из этапов этой борьбы получил позднее название «смута годов Хэйдзи» (1159) и нашёл своё историко-литературное воплощение в средневековом памятнике примерно XIII в. «Хэйдзи-моногатари» (в русском переводе «Повесть о смуте годов Хэйдзи») [Повесть о смуте, 2011].

Позволим себе напомнить, что главным результатом мятежа Хэйдзи стало дальнейшее возвышение рода Тайра и практически полное истребление рода Минамото, в том числе и главы рода Минамото-но Ёситомо. Тот активно участвовал в сражениях против Тайра, был разгромлен, бежал, а позднее был убит своими же вассалами. При этом глава рода Тайра – Тайра-но Киёмори – пощадил-таки нескольких детей своего главного противника. За старшего из них – Ёритомо, которому на момент мятежа было 12–13 лет, заступилась мачеха самого Киёмори.

Этот эпизод, на много веков вперёд определивший весь ход истории Японии, так описывается в «Хэйдзи-моногатари»: «Киёмори, а он сомневался, надо ли казнить детей Ёситомо, все увещевали: “Что же это вы так мягкосердечны! Ведь если оставить этих троих детей – что они учинят в будущем! Пожалейте же своих потомков!” – но Киёмори говорил:

– Все так думают. Но если мы оставим в живых почти уже взрослого Ёритомо, за которого хлопочет госпожа Икэ-доно, – не глупо ли будет казнить троих младших. Что ни говори, а исход дела зависит от того, будет жить или умрёт Ёритомо!» (пер. В. Онищенко) [Повесть о смуте, 2011, с. 179].

Понятно, что в 1159 г. перед юным Ёритомо не стояло важнее задачи, чем просто выжить. Потому он был счастлив, что «смертную казнь ему отменили, заменив ссылкой. ...Местом ссылки определили край Идзу, что в Восточных землях» [Повесть о смуте, 2011, с. 179]. Вот как описывается его радость в «Хэйдзи-моногатари»: «Едущие в ссылку обычно стенают, но Ёритомо ликовал в душе. “Не случайно, – думал он, – я, осуждённый на казнь, отделался лишь ссылкой”. Но всё же печалила его разлука со столицей. То здесь, то там он придерживал коня и оборачивался взглянуть на места, что они покидали» (пер. В. Онищенко) [Повесть о смуте, 2011, с. 188]. В изгнании Ёритомо провёл почти 20 лет.

Здесь следует сразу вспомнить, что те, кто предостерегал Киёмори, который то ли из жалости, то ли от ощущения своего полного превосходства, пощадил детей врага, оказались правы. Младший сын его недруга – Ёсицунэ – спустя годы полностью разгромил сыновей и внуков Киёмори, а старший – Ёритомо – со временем получил полную власть в стране, и в отличие от Киёмори, не пощадил никого – ни детей, ни взрослых, – кто бы мог решиться вернуть власть и силу роду Тайра. Наследственная ветвь рода Тайра прекратила своё существование. А Ёритомо перенёс столицу в г. Камакура и сформировал новую форму правления – сёгунат, просуществовавшую в Японии много веков, вплоть до 1868 г.

Однако все эти события произошли много позже, а пока Ёритомо ждала долгая ссылка на далёком полуострове. Однако уже во время своей ссылки юный Ёритомо начал внимательно следить за ходом продолжающейся в столице борьбы за власть и наконец спустя годы объявил, что выступает против рода Тайра. Он долго к этому готовился и постепенно даже заручился поддержкой многих влиятельных людей. Одни помогали ему за богатое вознаграждение в случае победы, другие – оттого, что сами пострадали от власти Тайра, но так или иначе Ёритомо собрал почти 200 тысяч сторонников и одержал несколько военных побед.

Минамото-но Ёритомо отличался особой жестокостью и вскоре после победы расправился не только с врагами, но и со многими своими соратниками: на совести Ёритомо была не только гибель малолетнего императора Антоку, но и смерть младшего брата по имени Ёсицунэ – бесстрашного воина и талантливого полководца.

Японский фольклор свидетельствует, что народные симпатии никогда не были на стороне Ёритомо. Из всех представителей рода Минамото только Ёсицунэ в наибольшей степени «удостоился» создания многочисленных народных преданий – героических и романтических. (Подробнее о фольклорном образе Ёсицунэ см. [Садокова, 2011, с. 118–120].) Образ же Ёритомо японский фольклор практически игнорировал. Хотя следует отметить, что в разных районах Японии местное краеведение до сих пор всегда с особой тщательностью собирает и сохраняет все исторические сведения о его пребывании в тех или иных местах, если они действительно или предположительно имели место [Сакао Хироки, 2013; Сакаи Коити, 2016]. При этом местный фольклорный материал скуден и фрагментарен.

Именно поэтому локальные предания полуострова Идзу приобретают особую ценность, а их изучение представляется чрезвычайно важным для всестороннего понимания исторического и фольклорного образа Ёритомо. Впервые проводимое в рамках данной работы исследование народных преданий Идзу, связанных с образом Минамото-но Ёритомо, даёт возможность посмотреть на истинное восприятие этого героя в народной среде и сравнить представления о Ёритомо в фольклоре и в истории Японии. Тем более что выбранный для анализа цикл текстов уникален – это единственный фольклорный цикл о Минамото-но Ёритомо, бытовавший в японской народной повествовательной традиции.

При этом следует обратить внимание, что речь идёт не о зрелых годах жизни Ёритомо, а исключительно о времени его ссылки на Идзу, о том периоде, когда перед нами предстаёт не жестокий правитель Японии, а молодой знатный воин. Важно и то, что достоверно о пребывании Ёритомо на Идзу известны лишь общие факты и, естественно, нет поминутных записей его жизни, что дало фольклору возможность многое «дописать», «домыслить», изначально наполнить предания свойственными несказочной прозе «достоверными» событиями и деталями. Историческое и фольклорное тесно переплелось между собой. Не случайно даже в фольклорных статьях в крупных энциклопедических изданиях, посвящённых этому герою как персонажу фольклора, термины *дэнсэцу* (легенды, предания) и *рэкиси* (история) не только соседствуют, но и подаются читателям как взаимозаменяющие [Ооицу Юити, 2000, с. 912–913].

Вообще повествовательный фольклор Идзу отличается большим разнообразием и представляет собой внушительный корпус текстов, относящихся к сказочной и несказочной прозе, при этом произведения несказочной прозы явно преобладают. Однако нельзя сказать, что эти тексты представляют особый интерес для японских исследователей – только этим, наверное, можно объяснить столь небольшое количество изданий местного повествовательного фольклора [Тобаяма Кан, 1970; Идзу-но дэнсэцу, 2001], хотя отдельные тома, посвященные Идзу, можно обнаружить в крупных фольклорных сериях [Идзу-но минва, 2015].

А вместе с тем народная несказочная проза Идзу весьма оригинальна. Обращает на себя внимание бытование большого количества преданий с топонимическими концовками. Среди «действующих лиц» повествовательной прозы Идзу на первом месте стоит великий монах Кобо-дайси (Кукай), который, если верить народной традиции, много путешествовал в тех краях и оставил следы своего пребывания практически повсюду на полуострове, а главное – создал большинство из существующих на полуострове Идзу горячих источников-*онсэн*. Вторым же по значимости героем в фольклоре полуострова Идзу может считаться Минамото-но Ёритомо.

Один из исследователей фольклора этого края, составитель, пожалуй, самого полного сборника легенд и преданий полуострова, Ёсикава Юко, так охарактеризовала тематический круг повествовательных текстов, связанных с Ёритомо: «Большинство текстов в этом издании можно отнести к разделу “Герои”. Это 109 текстов. Далее следуют разделы “Храмы” – 58 текстов, “Камни, скалы, пещеры” – 49 текстов и “Торячие источники”, без которых нельзя представить себе Идзу, – это ещё 16 текстов. Так вот среди текстов во всех этих разделах пятьдесят повествуют о Минамото-но Ёритомо, который был сослан на Идзу. Полуостров Идзу – это земля, где живёт средневековая история. И можно сказать, что фольклор Идзу берёт своё начало от преданий о Ёритомо, начиная с того самого момента в его жизни, когда он оказался сосланным туда» [Ёсикава Юко, 2001, с. 9].

Однако здесь следует обратить внимание, что самый многочисленный раздел о Ёритомо, который Ёсикава Юко обозначила как «Герои», неоднороден по своему составу и включает повествования разного содержания, которые можно было бы охарактеризовать словами: «приверженность буддизму, смелость, мужество, решительность, смекалка». То есть к этому разделу отнесены предания, в которых Ёритомо с блеском проявил все вышеперечисленные качества. Свидетельством «приверженности буддизму» могут служить несколько одноэпизодных историй о создании благодаря Ёритомо буддийских храмов, поднятии из воды статуи Будды в месте, которого никто, кроме Ёритомо, определить не мог, дарение сутр и прочие [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 52, 55, 58].

При этом большинство героических преданий также содержит явно выраженную топонимическую составляющую, которая позволила бы отнести эти предания к разным более мелким группам, например, к преданиям о мостах, никогда в японской традиции не выделяемых в отдельную тематическую группу преданий. Так, например, смелость и смекалка Ёритомо, как истинного героя, проявилась в предании о появлении на Идзу моста под названием *Хэби-га баси* (букв. «Змеиный мост»). Рассказывают, что Минамото-но Ёритомо нередко посещал синтоистский храм Мисима-дзиндзя, где молился о своём скорейшем возвращении из ссылки. Однажды Ёритомо попал под сильный дождь и не мог перебраться через разлившуюся речку. Не желая замочить одежды, он схватил за хвост проползающую мимо длинную змею, раскрутил её и перекинул на другой берег так, что она, словно канат, зацепилась за растущее на берегу дерево. Тогда Ёритомо привязал хвост змеи к дереву на своём берегу и по змее, словно по мосту, перешёл на другой берег. После этого на том месте, где Минамото-но Ёритомо проложил «живой» мост, построили настоящий крепкий мост и назвали его *Хэби-га баси* [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 61].

К «героическим» относится и история о мосте *Комацумэ-баси*, в которой Ёритомо, как представляется, никак не проявил себя с героической стороны, однако народная молва полагала, что налицо факт «освящённости героическим присутствием». В этом топонимическом предании повествуется о том, что однажды Ёритомо отправился опять-таки поклониться богам в храм Мисима-дзиндзя. Однако, когда он переезжал через реку по безымянному мосту, конь вдруг встал и не желал двигаться вперёд. Он только бил копытом. На том месте образовалась выемка. Долгое время людям приходилось аккуратно её объезжать. Спустя время там построили новый мост и дали ему имя *Комацумэ-баси* (букв. «Мост лошадиного копыта») [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 53].

Таким образом, получается, что отнесение преданий о Ёритомо к разным разделам оказывается несколько условно, и важно опираться непосредственно на сюжет. При этом

можно констатировать следующее: в какой бы раздел, согласно принятой в японской фольклористике системе классификации, не были отнесены эти тексты, все они в большей или меньшей степени опираются на два факта: происхождение объекта природного или неприродного характера и деяния Ёритомо.

Более того, как показало наше изучение этого вопроса, в фольклоре полуострова Идзу образ Ёритомо в большинстве случаев как раз и реализуется в контексте историй о создании им объекта природного характера, реже – неприродного. При этом круг этих предметов и объектов ограничен и не выходит за рамки набора, представляющего в японском фольклоре традиционно сложившийся особый интерес. В этом наборе на первом месте стоят «горы» (холмы, скалы, утёсы, пещеры, камни), на втором – «водоёмы» (реки, пруды, болота, горячие источники, родники), а на третьем – деревья (сосны).

При этом совершенно очевидным и даже несколько нарочитым видится «наложение» образа Ёритомо на местные достопримечательности. Очевидно, что к локальным, зачастую топонимическим, преданиям «привязан» исторический аспект, из-за чего многие местные повествования стали связываться с деятельностью реального исторического лица, в данном случае Минамото-но Ёритомо, который действительно провёл в изгнании на Идзу долгие годы своей жизни. Такое «наслоение» добавляло локальным преданиям «достоверности», налицо была «ссылка на авторитет», что, как известно, является обязательным параметром при бытовании несказочной прозы, к которой относятся предания и легенды. Достоверность изложенных фактов подкреплялась многочисленными географо-топонимическими указаниями, что ещё больше «связывало» рассказ о необычном событии или происшествии с реальными топонимами Идзу и далее – с деяниями Ёритомо.

В результате можно говорить о том, что в повествовательном фольклоре Идзу самому Минамото-но Ёритомо или событиям, с ним связанным, приписывали создание большого количества камней или присвоения им «личного имени», создание водоёмов или приобретение ими особых черт, а также получение особого статуса некоторыми соснами.

При этом следует отметить, что предания типа «камень – Ёритомо», «водоём – Ёритомо» и «сосна – Ёритомо» различались не только по району бытования и тематике, но и по глубине «привлечения» самого образа Ёритомо.

Что касается преданий о камнях, связанных с его именем, то даже при учёте их определённого разнообразия все тексты можно разделить на две неравные группы. Тексты первой, меньшей по количеству преданий группы демонстрируют непосредственную связь с реальными историческими событиями и как бы напрямую связаны с противостоянием родов Тайра и Минамото. Лейтмотивом является страстное желание молодого Ёритомо разгромить род Тайра.

Примером такого предания может служить история о некоем камне, который местные жители прозвали *Кирииси* – «разрубленный камень». Рассказывают, что однажды Ёритомо с двумя воинами поднялся на вершину перевала недалеко от местечка Фунабара и обнаружил там огромный камень необычной продолговатой формы. Он спешился и приказал спутникам подождать его. Сам же наклонился над камнем и произнес: «Если смогу разрубить этот камень, род Минамото будет процветать и вернёт себе былое величие, не смогу разрубить – род Тайра будет процветать вечно». И едва он ударил мечом по камню, тот разломился на две части. Ёритомо засмеялся и в добром расположении духа отправился

далее [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 62–63]. Так камень стал предсказателем удачи для рода Минамото.

Попутно заметим, что в японском повествовательном фольклоре можно обнаружить и другие истории, в основе которых лежит предсказание победы рода Минамото над родом Тайра. Достаточно вспомнить, например, народное предание о детских годах младшего брата Ёритомо по отцу, великого полководца Минамото-но Ёсицунэ. Согласно этому преданию, ещё в детстве Ёсицунэ подружился с лесными демонами-*тэнгу*, которые помогли ему попасть в Страну Мрака, где Ёсицунэ смог встретиться со своим умершим отцом. Отец поведал сыну о скорой победе рода Минамото. Эта встреча воодушевила молодого воина, и он с тех пор считал, что предсказание отца обязательно сбудется [Садокова, 2001, с. 119]. Таким образом, история о разрубленном камне вполне вписывалась в концепцию «провиденчества», предопределения судьбы, свойственной не столько фольклору, сколько раннесредневековой литературе. И потому несколько отличалась от других преданий о камнях, связанных с Минамото-но Ёритомо.

Все другие предания о камнях, условно отнесённые нами ко второй группе, при кажущемся разнообразии однотипны – рассказ о том, что на этот камень ступала нога великого человека или его коня. Причём совершенно очевидно: при определённых обстоятельствах имя Ёритомо могло быть без ущерба для основной фабулы заменено на имя другого исторического лица. Даже в отличие от предания о разрубленном камне, здесь нет привязки к личности Ёритомо и событиям, с ним связанным. Например, в деревне Накамура (Западный Идзу) сохранился обычай приносить к одной из скал сандалии-*дзори*. Эту скалу называют *Ёритомо аси* (букв. «нога Ёритомо»). На этой небольшой скале заметна выемка. Считается, что это след ноги Ёритомо, который, скрываясь от врагов, с такой силой наступил на этот камень-скалу, что оставил свой след. Со временем скала стала местом поклонения, а приносимые сандалии – своего рода даром великому человеку [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 64]. Попутно заметим, что сандалии-*дзори* в Японии обычно приносят богам, например, богу Дзидзо, которые, как считается, помогают в лечении болезней ног. В данном случае отношения к Ёритомо как к целителю нами выявлено не было, однако это не означает, что такая функция ему на определённом этапе не приписывалась.

Несколько камней получили свои личные имена благодаря тому, что Ёритомо присел на них отдохнуть. Так, например, известен камень с именем *Косикакэ-иси*, что буквально означает «Камень-поясница», но понимается как «Камень-скамья». Местом его бывшего расположения считаются окрестности синтоистского храма Мисима-дзиндзя (преф. Сидзуока), куда Ёритомо тайно и только по ночам приходил помолиться о победе рода Минамото [Ёсимото, 2014, с. 49]. Но приходил он за годы своего изгнания часто и подолгу сидел на камне, отчего камень, как считают, и приобрёл совершенно плоскую форму, а затем и своё имя [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 61]. Попутно заметим, что и сам храм Мисима-дзиндзя тоже получил в преданиях о Ёритомо особый статус и часто упоминается в преданиях полуострова Идзу, хотя находится уже не на полуострове, а на острове Хонсю. Вероятно, это связано с реальным особым почитанием со стороны Ёритомо этого храма, который помог ему в столь трудные годы. Недаром после строительства Камакуры Ёритомо приказал построить на территории своего главного святилища Цуругаока Хатимангу и небольшой храм с названием Мисима-дзиндзя.

В японских народных преданиях запечатлелись и другие события из жизни Минамото-но Ёритомо, которые в свою очередь дали камням «личные имена». Так, известен камень *Убуки-иси* (букв. «Камень-пелёнка») – на нём развешивали пелёнки первенца Ёритомо, *Го-иси* («Камень для игры в шашки-го»), на котором Ёритомо любил играть в шашки, *Хатарицу-иси* («Камень поднятого флага») – с этого камня Ёритомо приказал подавать сигналы приближающемуся подкреплению [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 63, 62, 64].

С «сидением» Минамото-но Ёритомо на камнях связаны на Идзу объяснения самых разных явлений. Так, например, на тракте Ито у реки Хиэгава находится огромный камень-валун (3×17 м), известный под именем *Ёритомо-иси* («Камень Ёритомо»). Вокруг этого камня растут дикие груши. Как гласит народное предание, Ёритомо любил гулять и отдыхать около этого огромного камня. Однажды он случайно на одежде принёс туда семечко дикой груши, которое проросло и дало обильное потомство, образовав небольшой грушевый сад. При этом одна груша неизменно растёт в расщелине камня [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 58].

Следует заметить, что предания подобного рода широко распространены во всех районах Японии. Появление каких-либо растений в данной местности приписывается деяниям разных исторических личностей, которые случайно кинули семя, воткнули в землю деревянные палочки для еды или привезённую издалека веточку дерева. С «сидением» же разных исторических лиц на камнях связывали в японской традиции и появление новых имён у этих камней. Предания о Ёритомо лишь одно, но показательное звено в этой длинной цепи. Так, у деревни Накаоми на середине дороги Оми лежал камень, который не раз упоминался и в других преданиях полуострова Идзу. Вероятно, он служил ориентиром, знаком и обозначал половину пройденного пути. Однако со временем он получил имя *Тэцубин-иси* («Камень-чайник») [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 58], благодаря тому, что однажды именно Ёритомо присел на него отдохнуть и захотел попить чаю. Вот тогда-то на камень и поставили котелок с горячей водой.

Однако помимо камней, связанных, согласно народным преданиям, с деяниями самого Ёритомо, на Идзу всегда почитались и камни, на которых остался след копыта его лошади. Именно поэтому в тех краях можно встретить немало камней разного размера и формы, которые называют *Адзумэ-иси* («Камень с копытом лошади») [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 60, 63]. Обычно на таких камнях явно или не очень видна выемка, напоминающая след от копыта. Её появление местный фольклор объясняет тем, что лошадь Ёритомо как-то особенно резко ступила на этот камень.

Интересно, что на полуострове Идзу реальному историческому лицу Минамото-но Ёритомо приписывают деяния, которые в японской фольклорной традиции обычно совершают божества и святые. Выше мы уже обращали внимание на обычай подносить камню «Нога Ёритомо» сандалии-*дзори*, как, например, богу Дзидзо в ипостаси целителя болезней ног. Можно привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что в фольклоре Идзу образ Ёритомо в определённой степени «обожествился», а сам герой стал наделяться сверхъестественными способностями.

В связи с этим показательное предание о каменных глыбах, а точнее о больших длинных камнях, которые как бы нагромождены друг на друга на горе Сирояма. Если верить народному преданию, когда-то Ёритомо решил построить на этой горе дом (или замок) и приказал принести на вершину большие бревна. Однако потом он, в силу неясных причин, отказался от этой идеи и решил спустить бревна вниз. Бревна столкнули, и они покатались

по склону. То ли залюбовавшись этим зрелищем, то ли изменив своё решение, Ёритомо громко приказал бревнам превратиться в камень. И едва он произнёс: «Обратитесь в камень!», они тут же окаменели. Именно поэтому, резюмирует предание, они и лежат на горе не вертикально, а горизонтально, будто их и вправду остановили, когда они катились вниз [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 57].

Здесь следует обратить внимание, что в японском фольклоре можно найти немало примеров преданий и сказок с этимологическим мотивом, когда результатом силы слова пытаются объяснить те или иные явления локальной культуры. Однако имеющие магическую силу слова, как правило, произносятся великими монахами или даже богами. Для Идзу, конечно, главным персонажем, который силой своей мысли и силой произнесённых слов мог заставить камни падать с горы, родники рождаться, а реки высыхать, был великий монах Кобо-дайси (Кукай). Знаменательно, что Минамото-но Ёритомо во многих своих деяниях, зафиксированных в народных преданиях этого края, практически «повторяет путь» Кобо-дайси, то есть демонстрирует те же удивительные способности, что и известный буддийский монах, обладавший, в народном сознании, способностью творить чудо.

Более того, если фольклорная связка «камень – Ёритомо» может рассматриваться как оригинальная и ассоциироваться именно с образом Ёритомо, то связка «водоём – Ёритомо» больше напоминает копию со связки «водоём – Кобо-дайси». Сюжеты практически идентичны. Великому монаху Кобо-дайси приписывают в фольклоре Идзу в основном два деяния: создание родников и горячих источников, которых на полуострове огромное количество, а также изменение русла рек или их свойств. При этом источники и родники Кобо-дайси «создавал», ударив посохом о землю, а реки укрощал (менял русло или осушал) при помощи слов, просто давая реке приказ не шуметь, уйти с поверхности земли или больше не нести свои воды здесь вовсе. Такие приказы он отдавал в основном после того, как встречался со злыми людьми, которые отказывали ему в простой просьбе – перевезти через реку или дать напиться.

Историй об «ушедшей» реке в цикле о Кобо-дайси достаточно много [Садокова, 2017, с. 484–487]. Все реки, которые когда-то были на указанном месте и исчезли в связи с деяниями Ко:бо:-дайси, получали название *Мидзунасигава* («Река без воды»). Этим, вероятно, объяснялась особенность некоторых рек, в том числе и японских, течь не только на поверхности земли, но и местами уходить под землю, чтобы вновь появиться на поверхности через какое-то расстояние.

Те же самые деяния и исполненные практически тем же способом содержатся и в преданиях о Минамото-но Ёритомо. Разница лишь в том, что Ко:бо:-дайси запрещал реке течь, а Ёритомо запрещал ей шуметь. Широко известна народная история о реке *Отонасигава* (букв. «Река без звука»). Рассказывают, что однажды Ёритомо охотился в горах Идзу на оленя. Загонщик, едва увидев оленя, погнался в сторону Ёритомо и закричал тому, что гонит оленя. Но Ёритомо, который стоял на другой стороне реки, из-за шума воды не услышал загонщика и потому упустил оленя. Раздосадованный, он в сердцах крикнул реке, чтобы та замолчала навсегда, и с силой воткнул свой лук в реку. Образовалась небольшая ямка, и речная вода быстро ушла в неё [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 64–65]. То есть Ёритомо, как и Ко:бо:-дайси, «осушил» часть реки.

Вослед Ко:бо:-дайси Ёритомо является и «создателем» нескольких источников и родников на Идзу. Однако сюжеты народных повествований несколько отличаются. В историях, связанных с чудесами Ко:бо:-дайси, всегда рассказывается о том, что великий монах создал источник ударом своего посоха о землю из великодушия и желания помочь людям, например, спасая людей от засухи или даруя воду путникам в жаркий день. Предания о Ёритомо повествуют в основном о том, что источник был создан потому, что Ёритомо проезжал в тех местах и сам захотел пить. Не желая слушать о том, что где-то поблизости есть вода, он и «создал» источник. Именно так, согласно народному преданию, в окрестностях г. Атами возник источник под названием *Innaisui* (букв. «Полный воды»). Ёритомо, не пожелав прислушаться к советам сопровождающих его соратников и доехать до сливовой рощи, где можно было отдохнуть и испить воды, соскочил в коня и с силой ударил мечом по земле. Образовалась ямка, из которой тут же поднялся ввысь источник с чистой водой. Таким же образом, то есть ударом меча о скалу, он создал горячий источник *Kidami* (букв. «Установить дерево/столб») около водопада Сэко, а также источник *Bimmizu* (букв. «Вода для волос») у подножья горы Оомакуяма – Ёритомо в тот момент понадобилось помыть волосы. Однако, если верить преданиям полуострова Идзу, Ёритомо мог создать источник и при помощи любого другого предмета. Например, кистью для письма. Захотев пить, Ёритомо лишь слегка копнул кисточкой землю, как оттуда полилась чистая и свежая вода, отчего источник называли *Sudzuri mizu* («букв. «Вода из тушечницы») [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 59, 62, 64].

Что же касается преданий о соснах, связанных с именем Ёритомо, то их сравнительно немного [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 52, 55, 61, 67]. Однако выбор дерева не вызывает сомнения – избранный образ сосны как дерева долголетия, смелости и благородства, должен был подчеркнуть важность и масштаб личности, совершающей свои славные деяния. При этом подробного описания этих деяний обнаружить практически не удаётся. Налицо лишь упоминания о том, что Ёритомо отдыхал под той или иной сосной или любовался какими-то соснами. Потому, в отличие от камней и водоёмов, «материализованные подтверждения» его славных дел за давностью времени практически не сохранились. Однако это не умоляет заслуг Ёритомо, и к связке «сосна – Ёритомо» хоть и относится всего несколько текстов, но и они вносят свой вклад в укрепление героической основы образа Ёритомо.

В целом можно констатировать, что несмотря на то, что фольклорный образ Минамото-но Ёритомо не получил в Японии повсеместного фольклорного распространения, он оказался хорошо разработанным на уровне локальной фольклорной традиции. Представляется, что подобная ситуация может наблюдаться и с другими историческими преданиями, в которых речь идёт об известных деятелях японской истории и культуры. «Привязанность» этих героев в силу разных причин (не всегда доказательно историческим) к тем или иным местам способствовало формированию фольклорного цикла, в котором реальный исторический персонаж стал совмещать в себе функции культурных героев, святых и даже богов народного пантеона. Цикл о Минамото-но Ёритомо, бытовавший на полуострове Идзу, может быть поставлен в один ряд с фольклорными циклами о красавице Оно-но Комати (преф. Киото и ряд префектур в районе Тохоку), о потомках рода Тайра (преф. Акита), о крупном историческом деятеле Тоётоми Хидэёси (Киото и район Канто) и некоторых других. Значение этих циклов трудно переоценить. В японском фольклоре просматривается некая закономерность: образы героев общенационального масштаба находят своё фольклорное

«воплощение» в локальных фольклорных циклах. И если не обнаружить эти циклы и не изучить их, может создаться впечатление, что фольклор на протяжении веков старательно игнорировал образы крупных исторических деятелей. А на самом деле ситуация иная: именно местная народная традиция копила и сохраняла сведения о них, став в результате бесценным культурологическим источником. Эти повествования выполняли важную функцию, потому что «работали» на воспитание гордости за свой край, который богат великими именами и событиями. Именно поэтому циклы наполнены топонимическими преданиями – так народная молва стремилась зафиксировать причастность «своего» района к великим свершениям.

Локальные предания полуострова Идзу, равно как и любого района Японии, – та часть фольклора, без учёта которой зачастую невозможно создать полное представление об образе того или иного исторического лица. Сохранение цикла народных преданий о Минамото-но Ёритомо, его продолжающееся «бытование» в топонимах полуострова Идзу – яркое тому подтверждение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Повесть о смуте годов Хэйдзи. Пер. с яп. Вячеслава Онищенко. С-Пб.: Гиперион, 2011. 287 с.

Садокова А.Р. Японский фольклор (в контексте мифолого-религиозных представлений). М.: ИМЛИ РАН, 2001. 256 с.

Садокова А.Р. Японские народные легенды о «чудодейственной воде» и «чудесах» воды // Молодой учёный. 2017. № 6. С. 484–487.

Ёсикава Юко. Кайсэцу : [Предисловие] // Идзу-но дэнсэцу : [Легенды Идзу]. Сидзуока: Хагоромо, 2001. С. 3–12.

Ёсимото Сёдзи. Нихон-но синва дэнсэцу-о аруку : [Прогулки по японским мифам и преданиям]. Токио: Бэнсэй, 2014. 491 с.

Идзу-но дэнсэцу : [Легенды Идзу]. Сидзуока: Хагоромо, 2001. 275 с.

Идзу-но минва : [Народные повествования Идзу] / сост. Киси Нами. Серия: Нихон-но минва : [Народные повествования Японии] в 100 т. Т. 4. Токио: Мирайся, 2015. 222 с.

Ооцу Юити. Минамото-но Ёритомо : [Минамото-но Ёритомо] // Нихон сэцува дэнсэцу дайджитэн: [Энциклопедия поучительных рассказов и преданий] / сост. Симуро Кунихиро, Сува Харуо. Токио: Бэнсэй, 2000. С. 912–913.

Сакаи Коити. Ёритомо то Камакура : [Ёритомо и Камакура]. Токио: Ёсикава ко:бункан, 2016. 159 с.

Сасао Хироки. Босо-но Ёритомо дэнсэцу : [Предания полуострова Босо о Ёритомо]. Камакура: Токася, 2013. 162 с.

Тобаяма Кан. Идзу Хаконэ сива то дэнсэцу : [Исторические рассказы и предания Идзу и Хаконэ]. Сидзуока: Мацуо сётэн, 1970. 662 с.

REFERENCES

Izu no densetsu (2001). [Legends of Izu], Shizuoka: Hagoromo. (In Japanese).

Izu no minwa (2015). [Folk Tales of Izu], compiled by Kishi, Nami, series: Nihon no minwa [Folk Narratives of Japan], in 100 volumes, Vol. 4, Tōkyō: Miraisha. (In Japanese).

Ootsu, Yūchi (2000). Minamoto-no Yoritomo [Minamoto-no Yoritomo], in *Nihon setsuwa densetsu daijiten* [Encyclopedia of Cautionary Tales and Legends], compiled by Shimura, Kunihiro; Suwa, Haruo, Tōkyō: Bensei: 912–913. (In Japanese).

Povest' o smute godov Heiji (2011). [The Tale of Heiji], translated from Japanese by Vyacheslav Onishchenko, Saint Petersburg: Hyperion. (In Russian).

Sadokova, A.R. (2001). Yaponskiy fol'klor (v kontekste mifologo-religioznykh predstavleniy) [Japanese Folklore (in the context of mythological and religious conceptions)], Moscow: IMLI RAN. (In Russian).

Sadokova, A.R. (2017). Yaponskiye narodnyye legendy o “chudodeystvennoy vode” i “chudesakh” vody [Japanese Folk Legends about “Miraculous Water” and “Miracles” of Water], *Molodoy uchenyi*, 6: 484–487. (In Russian).

Sakai, Kōichi (2016). Yoritomo to Kamakura [Yoritomo and Kamakura], Tōkyō: Yoshikawa Kōbunkan. (In Japanese).

Sasao, Hiroki (2013). Bōsō no Yoritomo densetsu [Legends of the Bōsō Peninsula about Yoritomo], Kamakura: To:kasha. (In Japanese).

Tobayama, Kan (1970). Izu Hakone shiwa to densetsu [Historical Stories and Legends of Izu and Hakone], Shizuoka: Matsuo Shōten. (In Japanese).

Yoshikawa, Yūko (2001). Kaisetsu [Introduction], in *Izu no densetsu* [Legends of Izu], Shizuoka: Hagoromo: 3–12. (In Japanese).

Yoshimoto, Shōji (2014). Nihon no shinwa densetsu o aruku [Walks through Japanese Myths and Legends], Tōkyō: Bensei. (In Japanese).

Поступила в редакцию 06.04.2019

Received 6 April 2019

Для цитирования: Садокова А.Р. Локальные предания о Минамото-но Ёритомо в системе японской фольклорной прозы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 49–61. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10020

For citation: Sadokova A.R. (2019). Lokal'nyye predaniya o Minamoto-no Yoritomo v sisteme yaponskoy fol'klornoy prozy [Local legends about Minamoto-no Yoritomo in the system of Japanese folk tales], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 3: 49–61. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10020

Японские исследования. 2019. №3. С. 62–83.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 62–83.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10021

Вызов «возвышающегося» Китая для Японии в контексте нормализации китайско-японских отношений в 2014–2018 гг.*

Я.В. Лексютина

Аннотация. С 2014 г. как в китайской, так и в японской политике, наметился курс на преодоление вызванного территориальными спорами вокруг островов Сэнкаку в 2012 г. кризиса в китайско-японских отношениях и постепенную нормализацию двустороннего взаимодействия. При этом на современную японскую политику в отношении Китая оказывает влияние большое количество разнонаправленных факторов: от глубокой заинтересованности Японии в развитии тесного торгово-экономического сотрудничества с Китаем и стабилизации региональной обстановки, неуверенности Токио в надёжности США как союзника на фоне деятельности администрации Д. Трампа до вызова «возвышающегося» Китая. Специфика японского подхода к Китаю состоит в том, что ввиду наличия между двумя странами глубоких противоречий, «возвышение» Китая видится в Токио не как несущее возможности, а как представляющее серьёзный вызов или даже потенциальную угрозу Японии. Экономическое и особенно военное усиление своего соседа – Китая – рассматривается в Токио в качестве сильнейшего, наряду с ракетно-ядерной программой КНДР, повода для беспокойства. По мере усиления комплексной национальной мощи Китая, роста напористости Китая в реализации национальных интересов, активизации внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Китая вызов «возвышающегося» Китая приобретает всё новые грани и измерения. В последние несколько лет на повестке дня Токио стоит поиск адекватного ответа на китайскую инициативу «Пояс и путь», инициированный Пекином Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), а также возросшую экономическую и военно-политическую активность Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Данная статья призвана продемонстрировать то, как кабинет Абэ Синдзо в условиях реализуемого им курса на нормализацию китайско-японских отношений отвечает на вызовы, обусловленные «возвышением» Китая. А именно, в статье выделяются и характеризуются предпринимаемые кабинетом Абэ меры по хеджированию рисков, связанных с развитием китайской инициативы «Пояс и путь» и усилением напористости Китая в процессе реализации его территориальных притязаний в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Ключевые слова: «возвышение» Китая, Япония, китайско-японские отношения, инициатива «Пояс и путь», «качественная инфраструктура», Сэнкаку, Восточно-Китайское море.

Автор: Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexyana@ya.ru

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016-ОГН.

Japan's China challenge within the context of normalization of Sino-Japanese relations in 2014–2018

Ya.V. Leksyutina

Abstract. Since 2014, both China and Japan have been pursuing a policy of normalization of their bilateral relations, which worsened after Japanese government's decision in 2012 to nationalize three out of five disputed Senkaku islands. There are a number of factors, at times contradicting each other, that shape Japan's contemporary policy towards China: from deep interest in intensification of trade and economic cooperation with China and in ensuring regional security, concerns over the US President D. Trump's actions and hence over the sustainability of US-Japan close partnership and alliance, to the challenge of rising China. A specific feature of Japan's policy towards China is that due to deep contradictions between the two countries, Tokyo views the rise of China not as bringing opportunities, but instead as a serious challenge or a potential threat. The strengthening of China's economic and especially military power – along with North Korea's missile and nuclear program – is seen in Tokyo as the deepest security concern. As China's comprehensive national power strengthens, China's foreign policy behavior becomes more assertive, foreign policy and foreign trade activities intensify, Japan's challenge of rising China attains new dimensions. During the past several years, Tokyo has been facing a need to find an appropriate response to China's Belt and Road Initiative, to the establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), and to China's intensified economic and military activities in the East China and South China Seas. This article demonstrates how the Abe Shinzo Cabinet meets the challenge of rising China under the conditions of Japan's policy to normalize relations with its strong neighbor. Specifically, the article identifies and characterizes the Abe Cabinet's measures to hedge the risks connected to China's Belt and Road Initiative and China's assertiveness in the East China and South China Seas.

Keywords: rise of China, Japan, Sino-Japanese relations, Belt and Road Initiative (BRI), “quality infrastructure”, Senkaku, East China Sea.

Author: *Leksyutina Yana V.*, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor of the American Studies Department, Saint-Petersburg State University. ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexyana@ya.ru

Введение

В ряду наиболее серьёзных внешних вызовов, стоящих перед Японией, особое место занимает «возвышающийся» Китай – близкий в географическом смысле, но далёкий в контексте исповедуемых им политических и экономических ценностей. Вызов «возвышающегося» Китая для Японии состоит в адаптации к новому Китаю – Китаю, существенно приумножившему экономическую, финансовую и военную мощь; Китаю, отношения с которым характеризуются сложным историческим и политическим содержанием; Китаю, который с опорой на свои возросшие финансовые возможности ведёт активную внешнюю и торгово-экономическую политику, нередко вступающую в противоречие с интересами Японии; Китаю, который проявляет напористость в реализации его территориальных притязаний, распространяющихся и на контролируемые Японией острова Сэнкаку; но также и Китаю, чей огромный внутренний рынок и растущий средний класс открывают широкие экономические возможности для Японии.

За неполные два десятилетия XXI века китайско-японские отношения претерпели как периоды относительно бесконфликтного сосуществования двух держав и тесного торгово-экономического сотрудничества, так и периоды кризисов двустороннего взаимодействия, сопровождавшиеся не только выражением взаимных претензий, но и длительными приостановками контактов на высшем уровне (как это было в период премьерства Коидзуми Дзюньитиро в 2001–2006 гг. или при втором кабинете Абэ Синдзо в 2012–2014 гг.). Кризисы в двусторонних отношениях, как правило, вызывают китайско-японские противоречия, связанные с трактовкой исторических событий 1937–1945 гг., посещениями японскими высокопоставленными официальными лицами храма Ясукуни, принадлежностью островов Сэнкаку.

«Открыть новую эру в отношениях Японии и Китая» пообещал Абэ Синдзо в ходе своего первого государственного визита в Китай, состоявшегося 25–27 октября 2018 г. и приуроченного к 40-летию подписания Договора о мире и дружбе между двумя странами. Встречная заинтересованность в торгово-экономическом сотрудничестве и обеспечении стабильной региональной обстановки временно возобладала в отношениях Японии и Китая, и с конца 2014 г. стороны прикладывают усилия для нормализации двусторонних отношений и комфортного сосуществования.

Более того, с 2018 г. значимое влияние на динамику китайско-японских отношений стал оказывать фактор США. Пекин, расценивающий инициированную Д. Трампом «торговую войну» как проявление американской политики сдерживания Китая (и в частности сдерживания развития его инновационно-технологической мощи), проявляет заинтересованность в налаживании тесного сотрудничества с Японией. Сильное беспокойство в Пекине также вызывают развитие концепта Индо-Тихоокеанского региона и угроза формирования «квартета» в составе США, Японии, Австралии и Индии как антикитайского блока.

С действиями администрации Д. Трампа связаны и определённые опасения в Токио. Внезапный выход США из ТТП, сильная критика Вашингтона в адрес Токио в связи с наличием торговых барьеров в отдельных секторах японской экономики (в частности, в автомобильной отрасли, сельском хозяйстве и сфере услуг), за которой может последовать введение Вашингтоном повышенных импортных пошлин на японские товары, а также протекционистские меры Д. Трампа, подрывающие основы существующей международной торговой системы, создают серьёзные экономические риски для Японии. Более того, непредсказуемость стиля руководства Д. Трампа, а также его критические высказывания относительно многосторонних форматов сотрудничества (как в сфере экономики, так и в военно-политической сфере) ставят под вопрос надёжность США как союзника, который в случае необходимости придёт на помощь Токио (в том числе в случае гипотетического противостояния с Китаем). И, наконец, изменение политики администрации Д. Трампа по отношению к КНДР, нашедшее отражение в налаживании в 2018 г. прямого диалога между лидерами США и КНДР, воспринимается в Токио как смягчение давления на северокорейский режим и как несущее серьёзный вызов Японии.

Наличие подобных опасений служит стимулом для налаживания китайско-японских отношений, однако не отменяет наличие имманентно присущих этим двусторонним отношениям противоречий. Более того, по мере усиления комплексной национальной мощи Китая, роста напористости Китая в реализации национальных интересов, активизации

внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Китая по всем региональным направлениям перед Японией встают всё новые и новые вызовы. Неполный перечень этих вызовов включает китайскую инициативу «Пояс и путь», инициированный Пекином Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), а также возросшую экономическую и военно-политическую активность Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Данная статья призвана продемонстрировать то, как кабинет Абэ Синдзо в условиях реализуемого курса на нормализацию китайско-японских отношений отвечает на вызовы, связанные с «возвышением» Китая.

Реакция Японии на «возвышение» Китая

В современной политике Японии в отношении Китая определяющим фактором выступает рост китайской экономической, финансовой и военной мощи, а также усиление напористости Китая в региональных и мировых делах. В 2010 г., потеснив Японию, Китай стал второй крупнейшей мировой экономикой. На настоящий момент Китай является крупнейшей мировой экономикой по показателю ВВП по ППС, крупнейшей торговой державой и экспортёром в мире, а также крупнейшим держателем золотовалютных резервов. Утрата Японией вторых (после США) ведущих позиций в мире по отдельным макроэкономическим показателям и «размывание» роли Японии в системе глобального управления оказывает определённый психологический прессинг на Токио. Так, если Токио еще удаётся сохранять позиции второго крупнейшего акционера Всемирного банка и МВФ, то, например, в ООН Япония уже переместилась со второй на третью позицию в списке крупнейших доноров организации (как в общий бюджет, так и бюджет на операции по поддержанию мира).

Более того, возросшая экономическая мощь Китая, накопленные внушительные финансовые активы и продвигаемая на государственном уровне китайская стратегия «выход вовне» превратили Китай в сильного конкурента Японии на финансовых и товарных рынках третьих стран. Весьма острое экономическое соперничество Китая и Японии прослеживается в Юго-Восточной Азии, Африке и Центральной Азии. Большая обеспокоенность связывается в Токио и с возросшей активностью Китая в Арктике.

На настоящий момент Китай является крупнейшим торговым партнёром для более чем 100 государств мира. Стремительно возрастают китайские иностранные инвестиции и помощь развитию развивающимся странам. Активная экономическая политика находит своё отражение в создании с участием Китая Нового банка развития, при определяющей роли Китая в АБИИ и в реализации мегаинициативы «Пояс и путь».

На этом фоне пришедший в 2012 г. к власти в Японии кабинет Абэ инициировал масштабную программу оздоровления японской экономики, получившую наименование «абэномика». При Абэ также существенно активизировалась торгово-экономическая политика Японии: после выхода США из соглашения о ТТП Токио, после некоторой растерянности в связи с действиями своего союзника [Швыдко, 2017], возглавил процесс создания Всеобъемлющего и прогрессивного Соглашения для Транстихоокеанского партнёрства, заключил с ЕС Соглашение о свободной торговле и стал продвигать в мировом сообществе концепцию «качественной инфраструктуры».

Серьезный вызов для Токио также связан с ростом военной мощи Китая. По расходам на оборону Китай уже многие годы занимает 2-е место в мире, уступая лишь США, но существенно превосходя своих соседей (в т.ч. Японию). При этом оборонный бюджет Китая демонстрирует продолжительный и устойчивый рост. В период с 2008 по 2017 г. ежегодное увеличение официального оборонного бюджета составляло в среднем 8 %. Согласно китайским официальным данным, в 2018 г. он возрос на 8,1 % по сравнению с предшествующим годом и составил 175 млрд долл. (примерно 1,3 % ВВП), а в 2019 г. расходы на оборону были увеличены на 7,5 %, достигнув 178 млрд долл. В оценках китайского оборонного бюджета в Японии (такая же критика раздаётся со стороны США, СИПРИ и многих военных экспертов) исходят из того, что официально анонсируемый Пекином оборонный бюджет не отражает реальных затрат Китая на оборону и не включает, в частности, такие крупные статьи расходов, как расходы на оборонные научно-технические разработки, закупки иностранных вооружений [China's Activities in East China Sea, 2018], затраты на стратегические силы и пр. Министерство обороны США, например, оценило реальный оборонный бюджет Китая в 2017 г. в размере 190 млрд долл. (против официально заявленных Китаем 154 млрд долл.) [Military and Security Development involving the PRC 2018].

Обеспокоенность продолжающимся «возвышением» Китая, форсированной военной модернизацией Китая, систематически проявляющейся напористостью Китая в отстаивании своих интересов (в том числе в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях), ростом националистических настроений в Китае, способных оказывать давление на китайское руководство в вопросах формулирования внешней политики, стала одним из ключевых факторов, предопределивших изменения оборонной стратегии Японии при втором кабинете Абэ. Абэ стал развивать концепцию «проактивного пацифизма» и инициировал различные нововведения в сфере обеспечения безопасности. Так, в июне 2013 г. был создан Совет национальной безопасности, призванный заниматься выработкой политики в сфере национальной безопасности и дипломатии [Стрельцов, 2014]. Отражением изменений в оборонной политике Японии стало принятие в 2015 г. кабинетом Абэ серии законов, менявших интерпретацию статьи 9 Конституции Японии и разрешавших использовать право на коллективную самооборону для защиты сил союзника даже в случае отсутствия нападения на Японию, но при наличии угрозы безопасности страны, а также расширявших спектр операций Сил самообороны (при логистической и технической поддержке вооруженных сил США и других государств в целях противодействия угрозам миру и безопасности) [Киреева, 2019, с. 19].

В значительной степени изменения в оборонной политике Японии были обусловлены интенсифицировавшейся угрозой со стороны Китая [Kazuhiko Togo, 2018]. Показательно смещение акцентов в одном из ключевых программных документов Японии в области безопасности – «Основные направления программы национальной обороны»¹. Если в редакции этого документа от 2013 г. озабоченность Токио складывающейся региональной ситуацией связывалась, в первую очередь, с ракетно-ядерной программой КНДР (и только потом с действиями Китая, а затем – России), то в версии «Основных направлений» 2018 г.

---

¹ Впервые документ «Основные направления программы национальной обороны» был принят в Японии в 1976 г. и пересматривался в 1995, 2004, 2010, 2013 и 2018 г.

первоочередная обеспокоенность связывается с усилением военной мощи Китая и односторонними действиями Китая, направленными на изменение статус-кво, в том числе и в Восточно-Китайском море [National defense program guidelines for FY 2014 and beyond, 2013].

Обеспокоенность Токио ситуацией в области региональной безопасности нашла своё выражение в росте расходов на оборону. В 2013 г. впервые за предшествующие 11 лет был зафиксирован рост оборонных расходов Японии – расходы увеличились на 0,8 %. В следующем, 2014 г., оборонный бюджет Японии возрос на 2,2 % по сравнению с предыдущим годом, а затем вплоть до 2018 г. включительно возрастал на 0,8 % ежегодно². Сильнейший скачок оборонного бюджета произошёл при планировании бюджета на 2019 г. – расходы на оборону увеличивались на 7,2 % по сравнению с 2018 г. и составляли 5,3 трлн иен (или 47 млрд долл.) [Japan's Defense Budget].

Напористость Китая в реализации его территориальных притязаний и продвижении его экономической повестки в регионе и в мире обусловила выдвижение Абэ в августе 2016 г. в Кении на 6-й Токийской международной конференции по развитию Африки³ стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» [Кистанов, 2018, с. 34]. Замена уже прочно вошедшего в мировой дискурс географического понятия «Азиатско-Тихоокеанский регион» на конструкт «Индо-Тихоокеанский регион» обнаруживала заинтересованность Токио в более весомой роли в регионе разделяющей либерально-демократические ценности Индии как важном противовесе усиливающемуся Китаю. Высказанная Абэ ещё десятилетие назад идея «альянса демократий» выходит на повестку дня и получает новое звучание в предложенной Абэ в 2012 г. концепции «ромба безопасности» (или «бриллианта безопасности») в составе Японии, США, Индии и Австралии для защиты морских пространств Тихого и Индийского океанов.

К трём направлениям реализации стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» Токио относит: продвижение и утверждение принципов верховенства закона, свободы навигации и свободной торговли; содействие экономическому процветанию посредством усиления взаимосвязанности, в том числе с помощью развития «качественной инфраструктуры» в соответствии с международными стандартами; выдвижение инициатив, призванных обеспечивать мир и стабильность, включая оказание помощи (странам мира. – *Я.Л.*) для укрепления возможностей по реализации морского права, борьбе с пиратством и снижению рисков стихийных бедствий [Japan's White Paper on Development Cooperation 2017, p. 2]. Таким образом, японская концепция направлена на недопущение попрания Китаем принципов международного права и прав стран региона в процессе реализации Пекином его территориальных притязаний, а также на продвижение основанной на лучших мировых стандартах альтернативы китайской инициативе «Пояс и путь» – «качественной инфраструктуры». Между тем было бы неправильно расценивать японскую стратегию как направленную на сдерживание развития и усиления Китая. Более

---

² При расчётах использовались официальные данные Министерства обороны Японии, не включающие в оборонный бюджет расходы на реализацию проектов американского специального комитета по Окинаве, перегруппировку американских сил в Японии и расходы на ввод в эксплуатацию нового правительственного самолета [Defense of Japan 2018].

³ Стратегия Абэ «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» восходит к речи Абэ в парламенте Индии в августе 2007 г. под названием «Слияние двух океанов» [Кистанов, 2018, с. 34; Стрельцов, 2018].

точной её трактовкой может быть её нацеленность на сдерживание напористости Китая в территориальных спорах, побуждение Китая к использованию лучших практик в его зарубежном инвестировании и зарубежном инфраструктурном строительстве.

Однако в Пекине японская стратегия «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», равно как и изменения в оборонной политике Японии и неуклонный рост японского оборонного бюджета, рассматриваются как направленные на сдерживание Китая и подкрепляющие представления Китая о Японии как о ревизионистском государстве, не отказавшемся от своего милитаристского прошлого и не признавшего в полной мере совершённые в годы Второй мировой войны военные преступления.

Проблематика Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей в японско-китайском взаимодействии

Напористость Китая в реализации его территориальных притязаний в Восточно-Китайском море и неосторожные действия японского правительства в 2012 г. (национализация Японией трёх из пяти спорных островов) стали причиной серьёзного кризиса в китайско-японских отношениях. В 2012–2014 гг. Пекин прервал политические контакты с Японией на министерском уровне и выше, ввёл ряд мер, ограничивавших торгово-экономические связи и людские обмены (включая туризм), создал опознавательную зону ПВО в Восточно-Китайском (ноябрь 2013 г.), стал регулярно направлять в спорные акватории корабли, численность которых иногда достигала 28 кораблей в месяц.

С 2014 г. ситуация в Восточно-Китайском море несколько стабилизировалась. Сторонам пока удаётся избегать перерастания территориальных противоречий в кризисные ситуации (как это было, в 2010 г. и 2012 г.). Тем не менее, беспокойство японской стороны вызывает продолжающаяся с сентября 2012 г.⁴ практика вторжения китайских кораблей в 12-мильную зону территориальных вод Японии близ оспариваемых островов Сэнкаку. Согласно данным японской береговой охраны, в 2018 г. в среднем ежемесячно 6 китайских корабля вторгались в территориальные воды Японии, а в январе и феврале 2019 г. – суммарно 24 корабля вторглись в территориальные воды Японии [The number of Chinese Government and other vessels, 2019]. Также продолжается практика нарушения воздушного пространства Японии над 12-мильной зоной территориальных вод.

Тревожным знаком для Токио стал заход китайских военных кораблей в морскую прибрежную зону Японии близ спорных островов. Так, в июне 2016 г. впервые в морскую прибрежную зону Японии близ спорных островов зашёл боевой корабль НОАК, а в январе 2018 г. – китайская атомная подводная лодка в погружённом состоянии.

В целях укрепления своих позиций в Восточно-Китайском море Япония приступила к развитию военной инфраструктуры близ островов Сэнкаку. В 2016 г. Япония разместила радиолокационную станцию на острове Ёнагуни. Осенью 2018 г. Токио обозначил планы строительства на острове Исигаки, расположенном в непосредственной близости к островам Сэнкаку, военного гарнизона Сил самообороны на 500–600 человек личного состава

---

⁴ Впервые факт вторжения китайского корабля в территориальные воды Японии близ островов Сэнкаку был зафиксирован японской стороной в декабре 2008 г. [China's Maritime Activities in the Asia-Pacific Region and Japan's Reaction].

и размещения там ракетной батареи. Аналогичную инфраструктуру японское правительство намерено развернуть весной 2019 г. на соседнем острове Мияко [Крячкина, 2018].

Сильное недовольство со стороны Токио вызывает продолжающаяся с июня 2013 г. разработка Китаем нефтегазовых месторождений близ срединной линии в Восточно-Китайском море. Японская сторона отмечает интенсификацию деятельности Китая в этом направлении и заявляет о наличии в настоящее время 16 буровых установок в Восточно-Китайском море [The Current Status of China's Unilateral Development, 2018]. Хотя эти установки находятся с китайской стороны от срединной линии в Восточно-Китайском море, Токио отстаивает необходимость воздерживаться от разработки природных месторождений в акватории Восточно-Китайского моря вплоть до официального разграничения специальной экономической зоны в Восточно-Китайском море между двумя государствами. Со своей стороны Япония не ведёт разработку месторождений в акватории Восточно-Китайского моря, на которую распространяются претензии Китая – Пекин претендует на протяжённость своей специальной экономической зоны вплоть до Окинавской впадины, что значительно восточнее срединной линии.

Озабоченность Токио вызвана также и тем, что 3 из 16 установок находятся в непосредственной близости от срединной линии, что позволяет предположить, что Китай может «выкачивать» природный газ из месторождений, находящихся с японской стороны от срединной линии. Более того, в Японии высказываются опасения о возможности превращения буровых установок в своеобразные военные пункты. Так, летом 2016 г. японская сторона неоднократно выражала протест в связи с установкой Китаем радара на одной из буровых установок [Japan protests over Chinese radar, 2016].

Ранее стороны пытались наладить механизм совместной разработки нефтегазовых месторождений в Восточно-Китайском море – в 2008 г. было достигнуто соглашение о совместной разработке природных ресурсов в Восточно-Китайском море. Однако с тех пор китайская сторона не выказывала своей заинтересованности в реализации указанного соглашения, предпочтя заниматься освоением нефтегазовых месторождений в Восточно-Китайском море в одностороннем порядке. Размещение Китаем буровых установок в Восточно-Китайском море Токио рассматривает как нарушение духа соглашения 2008 г. Очередной протест в адрес Китая в связи с возобновлением разработки газовых месторождений в Восточно-Китайском море японская сторона выразила в начале декабря 2018 г.

Китай предпринимает и ряд других мер, направленных на косвенное утверждение своих прав на оспариваемые акватории и острова в Восточно-Китайском море. Например, в октябре 2018 г. в японской специальной экономической зоне близ островов Сэнкаку Китай без получения соответствующего разрешения японской стороны установил буй, предположительно для сбора данных о погоде и, возможно, разведывательных данных. Подобные символические меры Китая вызывают официальные протесты Токио, однако не приводят к кризису двусторонних отношений.

В целом стороны пока демонстрируют сдержанность в продвижении своих суверенных прав в спорной акватории (Китай, например, не устанавливает буровые установки с японской стороны срединной линии, Япония и вовсе воздерживается от разработки нефтегазовых месторождений даже со своей стороны срединной линии), предпочитая избегать серьёзных кризисов. Важным достижением можно считать создание в мае 2018 г. – во исполнение

озвученных двумя сторонами планов ещё в 2007 г. – двустороннего механизма кризисной коммуникации во избежание непреднамеренных столкновений в воздухе и на воде в Восточно-Китайском море. Необходимость в создании «горячей линии» между двумя оборонными ведомствами давно назрела, поскольку уже неоднократно возникали непредвиденные ситуации опасного сближения самолётов и кораблей Китая и Японии в воздушном и морском пространствах Восточно-Китайского моря.

Между тем вносящей напряжённость в двусторонние отношения служит активизация Токио в Южно-Китайском море, где Китай предъявляет свои претензии на 90 % всей акватории моря и имеет территориальные споры с рядом стран АСЕАН и Тайванем. Япония, не имеющая территориальных притязаний в Южно-Китайском море, тем не менее заинтересована в сохранении там режима свободы судоходства, поскольку важные торговые пути Японии проходят через эту акваторию. Через Южно-Китайское море проходит порядка 85–90 % всего импорта нефти Японии и 33 % импортируемого СПГ [Drifte, 2016, p. 4]. Более того, ведущееся форсированное военное строительство на контролируемых Китаем островах и атоллах расценивается Токио как расширяющее возможности китайских ВМС и ВВС проецировать силу, а также контролировать морские коммуникации. Высока заинтересованность Японии в поддержании региональной стабильности и, соответственно, недопущении возникновения серьёзного кризиса в Южно-Китайском море. И, наконец, противодействие китайской напористости в Южно-Китайском море – имеющей много общего с напористостью Китая в Восточно-Китайском море – стало рассматриваться в Токио в качестве меры по защите своих интересов в Восточно-Китайском море. На современном этапе в стратегических расчётах Японии уже сформировалась тесная «связка» проблематик Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Объединение усилий со странами АСЕАН и США в противодействии односторонним действиям Китая в морских акваториях – Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей – стало важным направлением политики Токио.

Курс на активизацию участия Токио в проблематике Южно-Китайского моря начал оформляться после инцидента в сентябре 2010 г., когда китайский рыболовецкий траулер столкнулся с японским кораблём береговой охраны близ островов Сэнкаку, а Токио осознал напористость Китая в вопросах суверенитета и морских прав. Обеспокоенность ситуацией в Южно-Китайском море стала регулярно появляться в японской официальной риторике. Упоминание Южно-Китайского моря и критика в связи с этим в адрес Китая были зафиксированы в опубликованной в декабре 2013 г. Стратегии национальной безопасности Японии [Japan's National Security Strategy, 2013]. С течением времени риторика стала подкрепляться конкретными действиями. Японские Силы самообороны регулярно стали принимать участие в проводимых с США и некоторыми странами АТР совместных военных учениях в Южно-Китайском море. В сентябре 2018 г. японская сторона даже впервые публично заявила о том, что Морские силы самообороны Японии направили подводную лодку для участия в проводимых в Южно-Китайском море учениях⁵.

С приходом к власти в Японии Абэ в декабре 2012 г. Токио проявил возросшую активность в налаживании оборонного сотрудничества со странами АСЕАН [Tomotaka Shoji, 2014, p. 136]. А именно, Япония содействует странам Юго-Восточной Азии, имеющим

---

⁵ Любопытно, что некоторые японские эксперты указывают на то, что японские подводные лодки уже давно появляются в Южно-Китайском море, и китайская сторона об этом была прекрасно осведомлена, но предпочла выразить свое удивление в сентябре 2018 г. после официального заявления Токио.

территориальные споры с Китаем в Южно-Китайском море, в укреплении их обороноспособности на фоне растущей угрозы со стороны Китая. Так, в 2014 г. Япония согласилась передать Вьетнаму семь бывших в использовании морских судов для наблюдений и в июне 2017 г. объявила о решении продать шесть новых патрульных кораблей. Филиппинам Токио передал 10 кораблей береговой охраны, 2 больших патрульных судна, высокоскоростные лодки и оборудование для обеспечения безопасности на море. Индонезии было передано 3 патрульных корабля. В Индонезию и Малайзию были направлены эксперты и оказана поддержка в осуществлении институциональных улучшений в системе военной подготовки и образования [Japan's White Paper on Development Cooperation 2017, p. 6].

В целом китайско-японские отношения характеризуются сильными взаимными подозрениями в связи с форсированным военным строительством и милитаризацией своего визави, а также подозрениями касательно намерений в отношении друг друга. Япония обвиняет Китай в напористости в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, милитаризации Южно-Китайского моря, отсутствии прозрачности военных расходов и в росте оборонного бюджета. Китай же претендует на контролируемые Японией острова Сэнкаку и обвиняет Токио в возрождении милитаристских устремлений, росте оборонного бюджета и вмешательстве в проблематику Южно-Китайского моря.

Реакция Японии на китайскую инициативу «Пояс и путь»

На протяжении нескольких десятилетий Япония продолжает оставаться одним из крупнейших в мире инвесторов в развивающиеся страны, в том числе в их инфраструктурное строительство. Присоединившись в роли донора финансовой помощи в 1964 г. к Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Япония за прошедшие десятилетия накопила огромный опыт в этой сфере. Японская Официальная помощь развитию (ОПР) предоставляется как на двусторонней основе Японским агентством международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency) и Японским банком для международного сотрудничества (Japan Bank for International Cooperation), так и по линии Азиатского банка развития – одного из наиболее влиятельных в мире финансовых институтов, крупнейшим акционером которого является Япония.

Становление же Китая в качестве крупного инвестора в развивающиеся страны – относительно недавний феномен, восходящий к 2004–2005 гг., когда Китай аккумулировал значительную экономическую и финансовую мощь и стал реализовывать стратегию «выход вовне». Ранее, на протяжении почти трёх десятилетий, начиная с 1979 г., Китай сам был одним из крупнейших получателей японских иеновых кредитов, предоставлявшихся в форме ОПР.

Апогеем произошедшей трансформации роли Китая в мировой финансово-экономической системе – от крупного заёмщика до крупного кредитора, от рядового участника до инициатора и учредителя новых многосторонних банков развития под своей эгидой – стали обнародование в сентябре 2013 г. Председателем КНР Си Цзиньпином инициативы «Пояс и путь» (тогда представленной под наименованием «Экономический пояс Шёлкового пути»), предполагающей масштабные китайские инвестиции в инфраструктуру развивающихся

стран, а также создание инициированного Пекином в 2013 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

В течение первых трёх лет, последовавших после обнародования инициативы «Пояс и путь», Япония, как и целый ряд развитых западных стран, сохраняла дистанцированность от этой китайской инициативы. В стране шли дискуссии относительно возможности и необходимости участия Японии в китайских мегаинициативах – «Поясе и пути» и АБИИ, который в момент его создания нередко ошибочно рассматривался в качестве финансового инструмента реализации инициативы «Пояс и путь».

На протяжении 2013–2016 гг. общий фон для подключения Японии к китайским инициативам был в целом неблагоприятным: с 2012 г., когда с новой силой вспыхнули противоречия вокруг принадлежности островов Сэнкаку, двусторонние отношения находились на нижней точке своего развития с момента установления дипломатических отношений в 1972 г. Более того, при оценке возможности своего участия в китайских инициативах Токио не мог не учитывать и тот факт, что успех Пекина в реализации этих инициатив существенно укреплял позиции Китая в борьбе за региональное лидерство. В каком-то смысле создание АБИИ бросало вызов уже давно функционирующему при определяющей роли Японии многостороннему банку развития – Азиатскому банку развития. Возникал вопрос целесообразности создания новой структуры, дублирующей деятельность Азиатского банка развития.

Критика в адрес китайской инициативы «Пояс и путь» концентрировалась преимущественно вокруг следующих положений.

1. Определяющая роль государства, а не частного сектора в китайской инициативе. Основные средства идут от Экспортно-импортного банка Китая и Банка развития Китая (в том числе по линии Фонда Шёлкового пути) китайским госпредприятиям, которые уже инвестируют в строительство зарубежной инфраструктуры. Японские же зарубежные инфраструктурные проекты по большей части финансируются частным сектором, например, такими крупными компаниями, как Mitsubishi, Toyota, Nintendo, Sumitomo Mitsui Financial [Zhao Hong, 2018]. Предоставляемая Японским агентством международного сотрудничества, Японским банком для международного сотрудничества, а также по линии Азиатского банка развития помощь не является доминирующей, а лишь призвана служить катализатором мобилизации инфраструктурного финансирования со стороны частного сектора.

2. Условия предоставления Китаем заёмных средств странам-реципиентам не соответствуют стандартам, разработанным Комиссией по оказанию помощи развитию ОЭСР, и способны приводить к финансовым кризисам в странах-реципиентах [Кавасима Син, 2018]. Как указывают критики «Пояса и пути», в ряде случаев Китай, заведомо зная о неспособности отдельных стран возратить заёмные средства, выделяет им крупные кредиты в расчёте на получение впоследствии различных привилегий, например, обретение контроля над созданной при финансировании Китая инфраструктурой.

3. Предоставление Китаем экономически «связанных» кредитов. При этом связанность может заключаться не только в том, что контракты осуществляются китайскими подрядчиками, с использованием китайских строительных материалов и оборудования, китайской рабочей силы, но и в требованиях к странам-реципиентам внедрять в использование, например, китайскую навигационную систему «Бэйдоу» или продукцию китайских телекоммуникационных компаний (Huawei и ZTE).

4. Отсутствие традиционно предъявляемых западными странами требований к странам-заёмщикам (проведение демократических преобразований, внедрение системы должного управления, соблюдение экологических стандартов, трудовых стандартов и пр.) подрывает усилия западных стран по стимулированию демократических процессов и распространению «лучших практик».

В целях хеджирования рисков, связанных с китайской инициативой «Пояс и путь», и закрепления за собой особой ниши в инфраструктурном строительстве Токио была разработана концепция «качественной инфраструктуры». По существу, японской стороной была избрана стратегия противопоставления китайской и японской моделей зарубежного инфраструктурного строительства: китайская модель характеризуется скоростью осуществления инфраструктурных проектов, большим их количеством и общим огромным заявленным бюджетом инфраструктурного кредитования, отличительной же чертой японской модели позиционируется высокое качество и характеристики создаваемой инфраструктуры, а также применение лучших технологических решений. Так, в мае 2015 г. премьер-министр Японии Абэ обнародовал совместную с Азиатским банком развития инициативу «Партнёрство ради качественной инфраструктуры» (Partnership for Quality Infrastructure), предполагавшую выделение в 2016–2020 гг. порядка 110 млрд долл. для «качественного» инфраструктурного строительства в Азии [Announcement of “Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future”, 2015]. Спустя год, в мае 2016 г., Абэ объявил расширенную версию данной инициативы, получившую наименование «Расширенное партнёрство ради качественной инфраструктуры». Отличие новой версии инициативы состояло в увеличившемся финансировании (со 110 до 200 млрд долл.), а также в том, что финансирование было предусмотрено на период с 2017 по 2021 г. для осуществления инфраструктурных проектов во всём мире (а не только в Азии, как в более ранней версии инициативы). Также расширился спектр областей для инфраструктурных инвестиций (предусматривались инвестиции в области энергетики и разработки природных ресурсов) и перечень источников финансирования (кроме Японского агентства международного сотрудничества и Японского банка для международного сотрудничества, теперь инвесторами могли быть Nippon Export and Investment Insurance (NEXI), Japan Overseas Infrastructure Investment Corporation for Transport and Urban Development (JOIN), Fund Corporation for the Overseas Development of Japan's ICT and Postal Services (JICT) и Japan Oil, Gas and Metals National Corporation (JOGMEC)) [The G7 Ise-Shima Summit “Expanded Partnership for Quality Infrastructure”, 2016].

Токио приступил к активной интернационализации концепции «качественной инфраструктуры». В мае 2016 г. на саммите G7 в Исэ-Симе по предложению японской стороны были приняты «Принципы продвижения качественных инфраструктурных инвестиций». Принятые пять принципов базируются на представлениях о том, что качественные инфраструктурные инвестиции должны: 1) обеспечивать эффективное управление, надёжные операции и экономическую эффективность в ходе жизненного цикла проекта, а также безопасность и устойчивость перед лицом стихийных бедствий, терроризма и риска кибератак; 2) способствовать созданию рабочих мест для местного населения, наращиванию мощностей и передаче опыта и ноу-хау местным сообществам; 3) учитывать потенциальное воздействие на социум и окружающую среду в результате реализации инфраструктурных проектов; 4) соответствовать реализуемым на национальном и региональном

уровнях экономическим стратегиям и стратегиям развития; 5) обеспечивать эффективную мобилизацию ресурсов, в том числе и посредством государственно-частного партнёрства [G7 Ise-Shima Principles for Promoting Quality Infrastructure Investment, 2016].

В развитие своих усилий по распространению в мире концепции «качественной инфраструктуры», Япония также выступила соорганизатором первого Международного экономического форума по Азии ОЭСР в апреле 2017 г., прошедшего под названием «Усиление региональной интеграции и развития посредством качественной инфраструктуры и устойчивости», и мероприятия на высоком уровне на полях ГА ООН «Продвижение качественных инфраструктурных инвестиций», состоявшегося в сентябре 2018 г. На площадке ООН министр иностранных дел Японии Коно Таро даже заявил о намерении Японии стать лидером в создании «качественной инфраструктуры» в Индо-Тихоокеанском регионе [Кистанов, 2018, с. 38]. В сентябре 2018 г. в Токио состоялся совместный семинар ОЭСР и Министерства финансов Японии на тему «Финансирование качественной инфраструктуры для долгосрочных инвестиций и мобилизация капитала частного сектора». Токио планирует и впредь активно работать с международными организациями (такими как ОЭСР) и заинтересованными странами в целях стимулирования качественного роста посредством развития «качественной инфраструктуры» [Japan's White Paper on Development Cooperation 2017].

На правах принимающей саммит G20 в июне 2019 г. стороны Токио предложил руководящие принципы в области инфраструктурных инвестиций. По замыслу японской стороны, принципы призваны побудить крупных доноров инфраструктурной помощи следовать международным нормам при осуществлении инфраструктурных проектов [Japan to propose G-20 aid rules to check China's Belt and Road, 2019].

Помимо консолидации поддержки среди мирового сообщества концепции «качественной инфраструктуры» Токио предпринял и практические шаги по созданию и участию в многосторонних инициативах в области «качественных» инфраструктурных инвестиций в развивающиеся страны. Так, в ноябре 2016 г. в ходе визита премьер-министра Индии Н. Моди в Токио стороны обозначили намерение поиска синергии индийской политики «Действуй на Восток» (Act East) и японской инициативы «Расширенное партнёрство ради качественной инфраструктуры» в целях улучшения региональной интеграции и взаимосвязанности между Азией и Африкой [Japan-India Joint Statement, November, 2016]. В развитие этой идеи в мае 2017 г. на 52-ом ежегодном собрании Африканского банка развития было объявлено о создании Азиатско-Африканского коридора роста (Asia Africa Growth Corridor, AAGR), состоящего из четырёх основных компонентов: проекты в области развития и сотрудничества, качественная инфраструктура и институциональная взаимосвязанность, повышение человеческого потенциала, партнёрство между народами [Asia Africa growth corridor, 2017].

Стали складываться и трёхсторонние формы сотрудничества в сфере инфраструктурных инвестиций. Так, при участии США, Японии и Индии была создана специальная трёхсторонняя рабочая группа по инфраструктурным вопросам (Trilateral Infrastructure Working Group) [Joint Statement on the U.S.-India-Japan Trilateral Meeting, 2018], призванная содействовать укреплению сотрудничества стран в области инфраструктурного развития и взаимосвязанности в Индо-Тихоокеанском регионе. В мае 2018 г. Американо-индийский и Американо-японский деловые советы инициировали создание Трёхстороннего форума по

инфраструктуре в ИТР (Indo-Pacific Infrastructure Trilateral Forum), нацеленного на улучшение координации между частным сектором при осуществлении инфраструктурных проектов за рубежом [Smith, 2018]. А в июле 2018 г. стало известно о создании трёхстороннего партнёрства в области инфраструктурных инвестиций между американской Корпорацией частных зарубежных инвестиций, Японским банком для международного сотрудничества и австралийским Министерством иностранных дел и торговли [Hutchens, 2018].

В течение 2018 г. были обнародованы намерения Токио расширить инфраструктурные инвестиции в развивающиеся страны. Так, в мае 2018 г. Абэ в ходе встречи с лидерами 16 государств южной части Тихого океана пообещал содействовать созданию «качественной инфраструктуры», в том числе в области портовой инфраструктуры и возобновляемой энергии. Также в мае 2018 г. японское правительство сообщило о планах выделения иенowych кредитов для развития портов в трёх странах Индийского океана (Мьянме, Шри-Ланке и Бангладеш) [Japan to offer aid for Indian ocean ports, 2018]. В ноябре 2018 г. во время визита вице-президента США М. Пенса в Токио было объявлено об американо-японском фонде инфраструктурного развития в размере 70 млрд долл., приоритетным направлением для которого была названа реализация инфраструктурных проектов в Индо-Тихоокеанском регионе.

Между тем в 2017 г. обозначились первые признаки отказа Японии от изначально отстранённой позиции в отношении китайской инициативы «Пояс и путь». О возможной смене отношения Токио к китайской инициативе сигнализировало участие генерального секретаря Либерально-Демократической партии Японии Никая Тосихиро в Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути», прошедшего в Пекине 14–15 мая 2017 г. Спустя несколько недель, в июне 2017 г., на международной конференции «Будущее Азии» Абэ Синдзо дал осторожную оценку инициативе «Пояс и путь», выразив готовность присоединиться к её реализации при условиях, что создаваемая инфраструктура будет доступна всем и при её создании будут налажены транспарентные и справедливые закупки, проекты будут экономически целесообразны, а возврат заимствуемых средств возможен для страны-реципиента без нанесения вреда стабильности государственным финансам [Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia, 2017].

На состоявшейся 8 июля 2017 г. в Гамбурге на полях саммита G20 встрече с Председателем КНР Си Цзиньпином Абэ Синдзо обозначил желание усилить сотрудничество с Китаем в области торговли, финансов, туризма и в реализации инициативы «Пояс и путь» [Xi, Abe meet on ties, 2017].

Изменение позиции Токио можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, принятие инициативы «Пояс и путь» открывало широкие возможности для нормализации отношений с Китаем – важной внешнеполитической задачи как *per se*, так и на фоне непредсказуемости политики американской администрации Д. Трампа. Во-вторых, непримиримое соперничество двух стран в вопросах развития инфраструктуры в третьих странах наносило больший урон, чем могло принести их сотрудничество. Как свидетельствовал опыт двух стран (наиболее репрезентативным может быть пример с борьбой между двумя государствами за контракт на строительство высокоскоростной железной дороги в Индонезии в 2015 г.), их соперничество за инфраструктурные проекты в третьих странах приводило к необходимости существенного занижения стоимости

проектов, что, в конечном счёте, играло на руку только стране-реципиенту. В-третьих, Токио не мог более игнорировать тенденцию роста поддержки инициативы «Пояс и путь» среди мирового сообщества.

В начале мая 2018 г. во время визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Японию стороны договорились о создании совместного государственно-частного Комитета содействия деловому сотрудничеству в третьих странах (Committee for the Promotion of Japan-China Business Cooperation in Third Countries) [Japan and China Conclude Memorandum, 2018]. В сентябре 2018 г. состоялась первая встреча [The First Session of China-Japan Third-Party Market Cooperation Working Mechanism, 2018]. С этого момента был фактически инициирован китайско-японский диалог, получивший характеристику «сотрудничества в третьих странах».

В конце октября 2018 г. в ходе визита Абэ в Пекин состоялся первый китайско-японский Форум делового сотрудничества в третьих странах. На Форуме было подписано 52 меморандума о сотрудничестве в области инфраструктуры, логистики, IT, здравоохранения и финансов. В частности, Японский банк для международного сотрудничества и Банк развития Китая подписали меморандум о взаимопонимании, предполагающий оказание финансовой поддержки китайским и японским компаниям в их деловом сотрудничестве в третьих странах при условии соблюдения таких мировых стандартов, как открытость, прозрачность, экономическая эффективность, приемлемый уровень задолженности, соблюдение законов и правил [JBIC Signs MOU, 2018].

Среди обсуждаемых проектов для совместного осуществления фигурируют планы строительства высокоскоростной железнодорожной сети на востоке Таиланда (части Восточного экономического коридора Таиланда), создание «умных городов» в Юго-Восточной Азии, строительство нефтеперерабатывающего завода в Казахстане, создание мощностей по выработке солнечной энергии в ОАЭ [Yoshida, 2018].

Заключение

В выработке политики в отношении Китая современное японское руководство сталкивается с необходимостью учёта большого спектра разнонаправленных факторов. С одной стороны, стабильные тесные отношения с Китаем отвечают интересам экономического развития Японии и задачам обеспечения региональной безопасности. Более того, в условиях непредсказуемости действий американской администрации Д. Трампа и соответственно нестабильности оказываемой Вашингтоном поддержки Японии избегание кризисов китайско-японского взаимодействия приобретает особое значение. С другой стороны, на пути гармоничных отношений с Китаем существует ряд серьёзных препятствий: наличие двусторонних противоречий, связанных с трактовкой исторических событий 1937–1945 гг., посещениями японскими высокопоставленными официальными лицами храма Ясукуни, принадлежностью островов Сэнкаку, а также различие политических систем двух стран и исповедуемых ими политических и экономических ценностей, разные подходы двух стран к обеспечению глобальной и региональной безопасности, интенсифицирующееся соперничество в различных регионах и сферах, встречные подозрения в отношении намерений друг друга. На фоне такого большого количества глубоких двусторонних

противоречий усиление Китая рассматривается в Токио не как несущее возможности, а как представляющее серьёзный вызов или даже потенциальную угрозу Японии.

В связи с этим перед кабинетом Абэ Синдзо стоит сложная задача нормализации отношений Японии с Китаем при одновременном хеджировании рисков, связанных с «возвышением» Китая. С этой целью кабинет Абэ прикладывает усилия в направлении расширения активности Японии в региональных и мировых делах, усиления самостоятельности Японии, увеличения роли Японии в решении глобальных и региональных проблем (в частности, это нашло проявление в изменениях оборонной политики Японии). На фоне стремительно укрепляющегося Китая большое значение имеет и усиление экономического и военного потенциала Японии. Так, Абэ инициировал программу оздоровления японской экономики, активизировал торгово-экономическую политику (в том числе, возглавил переформатирование ТТП, заключил соглашение с ЕС о свободной торговле), укрепляет японские Силы самообороны (с 2013 г. расходы на оборону продолжают неуклонно увеличиваться). Ответом на китайские инициативы «Пояс и путь» и АБИИ, а также на усиление напористости Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях стало выдвижение стратегии «качественной инфраструктуры» и стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Абэ также предпринимает меры по углублению партнёрских отношений с разными странами мира, включая те, с которыми Япония разделяет общие либерально-демократические ценности и те, у которых с Китаем есть территориальные споры. Фактор Китая, кстати, стал одним из обусловивших наблюдаемую ныне активность Токио на российском направлении. Недопущение сильного сближения России и Китая и тем более формирование российско-китайского квазиальянса является важной задачей современного японского руководства.

Вместе с тем движимый задачей поддержания нормальных двусторонних отношений и сохранения условий для бесконфликтного сосуществования с Китаем, Токио демонстрирует сдержанность и линию на непровоцирование Китая, в своих действиях не переступая «красную линию». Например, с 2013 г. Абэ Синдзо не совершает официальных визитов в храм Ясукуни. Япония также воздерживается от геологоразведки в оспариваемых Китаем акваториях Восточно-Китайского моря. Знаковым можно считать изменение позиции Токио в отношении китайской инициативы «Пояс и путь» в пользу выражения намерения присоединиться к инфраструктурному сотрудничеству с Китаем в третьих странах. При всём при том важным обстоятельством, в значительной степени делающим возможным и облегчающим реализацию такой двойственной политики кабинета Абэ в отношении Китая, сочетающей элементы одновременно противодействия Пекину и сотрудничеству с ним, является курс Си Цзиньпина на нормализацию отношений с Японией на фоне сильного давления со стороны Вашингтона и осложнившейся международной обстановки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кавасима Син. «Один пояс, один путь»: как создать многосторонние механизмы партнёрства, соперничества и сдерживания между Японией и Китаем? 25.05.2018. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a05801/> (дата обращения: 12.03.2019).

Киреева А.А. Позиции России и Японии по ключевым проблемам региональной безопасности и взаимодействия // Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе: рабочая тетрадь № 50/2019 / под ред. И.С. Иванов. М.: НП РСМД, 2019.

Кистанов В.О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 32–43.

Крячкина Ю.А. «Новая эра» японо-китайских отношений? 06.11.2018. URL: <https://riss.ru/analytics/55088/> (дата обращения: 09.03.2019).

Стрельцов Д.В. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Международная жизнь. 2018. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2076> (дата обращения: 23.02.2019).

Стрельцов Д. Япония: новая политика национальной безопасности // РСМД. 05.02.2014. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-novaya-politika-natsionalnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 17.01.2019).

Швыдко В. Отказ США от ТТП: значение для Японии // РСМД. 01.02.2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otkaz-ssha-ot-ttp-znachenie-dlya-yaponii/> (дата обращения: 01.04.2019).

Announcement of “Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future”. 2015. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (дата обращения: 23.08.2018).

Asia Africa growth corridor. Partnership for Sustainable and Innovative Development. A vision document. 2017. URL: <http://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Document.pdf> (дата обращения: 09.03.2019).

“Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia” – Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Banquet of the 23rd International Conference on The Future of Asia. June 5, 2017. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201706/1222768_11579.html (дата обращения: 09.03.2019).

China's Activities in East China Sea, Pacific Ocean, and Sea of Japan. Japan Ministry of Defense. October, 2018. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/sec_env/pdf/ch_d-act_201810a_e.pdf (дата обращения: 18.03.2019).

China's Maritime Activities in the Asia-Pacific Region and Japan's Reaction. MOFA's video. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5X1u4vnxXKc> (дата обращения: 19.01.2019).

Defense of Japan 2018. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2018/DOJ2018_Digest_RU.pdf (дата обращения: 22.03.2019).

Drifte R. Japan's Policy towards the South China Sea – Applying “Proactive Peace Diplomacy”? // PRIF Report No. 140. 2016. URL: http://www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_publikationen/prif140.pdf (дата обращения: 11.03.2019).

G7 Ise-Shima Principles for Promoting Quality Infrastructure Investment. 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000160272.pdf> (дата обращения: 09.01.2019).

Hutchens G. Australia joins US-Japanese Pacific investment plan but offers no budget details // The Guardian. 31.07.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/31/australia-joins-us-japanese-pacific-investment-plan-but-offers-no-budget-details> (дата обращения: 02.10.2018).

Japan and China Conclude Memorandum on Business Cooperation in Third Countries. 10.05.2018. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2018/0510_003.html (дата обращения: 15.01.2019).

Japan protests over Chinese radar in disputed East China Sea drilling rig. 7.08.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/aug/07/japan-protests-over-chinese-radar-in-disputed-east-china-sea-drilling-rig> (дата обращения: 20.01.2019).

Japan to offer aid for Indian ocean ports. May 26, 2018. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2018/05/25/japan-to-offer-aid-for-indian-ocean-ports.html> (дата обращения: 09.02.2019).

Japan to propose G-20 aid rules to check China's Belt and Road. 18.03.2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-to-propose-G-20-aid-rules-to-check-China-s-Belt-and-Road> (дата обращения: 25.03.2019).

Japan's Defense Budget. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/ (дата обращения: 13.03.2019).

Japan's National Security Strategy. 17.12.2013. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryoku/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 14.03.2019).

Japan's White Paper on Development Cooperation 2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000406631.pdf> (дата обращения: 14.03.2019).

Japan-India Joint Statement. November, 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000202950.pdf> (дата обращения: 21.03.2019).

JBIC Signs MOU with China Development Bank Corporation. 25.10.2018. URL: <https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2018/1026-011525.html> (дата обращения: 25.02.2019).

Joint Statement on the U.S.-India-Japan Trilateral Meeting. 5.04.2018. URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/04/280254.htm> (дата обращения: 09.03.2019).

Kazuhiko Togo. Japan's Relations with Russia and China and the Implications for the U.S.-Japan Alliance. 16.05.2018. URL: <https://www.nbr.org/publication/japans-relations-with-russia-and-china-and-the-implications-for-the-u-s-japan-alliance/> (дата обращения: 07.02.2019).

Military and Security Development involving the PRC 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT.PDF> (дата обращения: 09.03.2019).

National defense program guidelines for FY 2014 and beyond. 17.12.2013. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217_e2.pdf (дата обращения: 02.04.2019).

Smith J. Another First: U.S. and India to Hold 2+2 Dialogue in Delhi // Issue Brief. 2018. No.4897. URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2018-08/IB4897.pdf> (дата обращения: 09.03.2019).

The Current Status of China's Unilateral Development of Natural Resources in the East China Sea. 27.09.2018. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/c_m1/page3e_000356.html (дата обращения: 11.03.2019).

The First Session of China-Japan Third-Party Market Cooperation Working Mechanism Held in Beijing. 26.09.2018. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/201809/20180902790806.shtml> (дата обращения: 15.03.2019).

The G7 Ise-Shima Summit “Expanded Partnership for Quality Infrastructure”. 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000241007.pdf> (дата обращения: 21.03.2019).

The number of Chinese Government and other vessels that entered Japan’s contiguous zone or intruded into territorial sea surrounding the Senkaku islands. As of February 28, 2019. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000170838.pdf> (дата обращения: 09.03.2019).

Tomotaka Shoji. The South China Sea: A View from Japan // NIDS Journal of Defense and Security. 2014. No. 15. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/kiyo/pdf/2014/bulletin_e2014_7.pdf (дата обращения: 09.03.2019).

Xi, Abe meet on ties, reaffirm readiness to strengthen partnership // China Daily. 08.07.2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017xivisitgermany/2017-07/08/content_30042755_2.htm (дата обращения: 17.03.2019).

Yoshida R. China nudges Japan on joining up in 'Belt and Road' initiative at 14th Annual Tokyo-Beijing Forum // Japan Times. 14.10.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/14/national/politics-diplomacy/china-nudges-japan-joining-belt-road-initiative-14th-annual-tokyo-beijing-forum/> (дата обращения: 09.01.2019).

Zhao Hong. Chinese and Japanese infrastructure investment in Southeast Asia: from rivalry to cooperation? 2018. URL: <https://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Dp/689.html> (дата обращения: 11.03.2019).

REFERENCES

Announcement of “Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future”. 2015, URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (accessed: 23 August 2018).

Asia Africa growth corridor. Partnership for Sustainable and Innovative Development. A vision document. 2017, URL: <http://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Document.pdf> (accessed: 9 March 2019).

“Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia” – Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Banquet of the 23rd International Conference on The Future of Asia. June 5, 2017, URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201706/1222768_11579.html (accessed: 9 March 2019).

China’s Activities in East China Sea, Pacific Ocean, and Sea of Japan. Japan Ministry of Defense. October, 2018, URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/sec_env/pdf/ch_d-act_201810a_e.pdf (accessed: 18 March 2019).

China's Maritime Activities in the Asia-Pacific Region and Japan's Reaction. MOFA's video. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5X1u4vnxXKc> (accessed: 19 January 2019).

Defense of Japan 2018. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2018/DOJ2018_Digest_RU.pdf (accessed: 22 March 2019).

Drifte, R. (2016). Japan’s Policy towards the South China Sea – Applying “Proactive Peace Diplomacy”?, *PRIF Report*, 140, URL: http://www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_publicationen/prif140.pdf (accessed: 11 March 2019).

G7 Ise-Shima Principles for Promoting Quality Infrastructure Investment. 2016, URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000160272.pdf> (accessed: 9 January 2019).

Hutchens, G. (2018). Australia joins US-Japanese Pacific investment plan but offers no budget details, *The Guardian*, URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/31/australia-joins-us-japanese-pacific-investment-plan-but-offers-no-budget-details> (accessed: 2 October 2018).

Japan and China Conclude Memorandum on Business Cooperation in Third Countries. 10.05.2018. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2018/0510_003.html (accessed: 15 January 2019).

Japan-India Joint Statement. November, 2016, URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000202950.pdf> (accessed: 21 March 2019).

Japan protests over Chinese radar in disputed East China Sea drilling rig. 7.08.2016, URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/aug/07/japan-protests-over-chinese-radar-in-disputed-east-china-sea-drilling-rig> (accessed: 20 January 2019).

Japan's Defense Budget. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/ (accessed: 13 March 2019).

Japan's National Security Strategy. 17.12.2013, URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed: 14 March 2019).

Japan's White Paper on Development Cooperation 2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000406631.pdf> (accessed: 14 March 2019).

Japan to offer aid for Indian ocean ports. May 26, 2018, URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2018/05/25/japan-to-offer-aid-for-indian-ocean-ports.html> (accessed: 9 February 2019).

Japan to propose G-20 aid rules to check China's Belt and Road. 18.03.2019, URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-to-propose-G-20-aid-rules-to-check-China-s-Belt-and-Road> (accessed: 25 March 2019).

JBIC Signs MOU with China Development Bank Corporation. 25.10.2018, URL: <https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2018/1026-011525.html> (accessed: 25 February 2019).

Joint Statement on the U.S.-India-Japan Trilateral Meeting. 5.04.2018, URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/04/280254.htm> (accessed: 9 March 2019).

Kawashima, Shin (2018). «Odin poyas, odin put'»: kak sozdat' mnogostoronniye mekhanizmy partnërstva, sopernichestva i sderzhivaniya mezhdú Yaponiyey i Kitayem? [“One Belt, One Road”: how to create multilateral mechanisms of partnership, competition, and containment between Japan and China?], URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a05801/> (accessed: 12 March 2019). (In Russian).

Kazuhiko, Togo (2018). Japan's Relations with Russia and China and the Implications for the U.S.-Japan Alliance, URL: <https://www.nbr.org/publication/japans-relations-with-russia-and-china-and-the-implications-for-the-u-s-japan-alliance/> (accessed: 7 February 2019).

Kireyeva, A.A. (2019). Pozitsii Rossii i Yaponii po klyuchevym problemam regional'noy bezopasnosti i vzaimodeystviya [Russia and Japan's Positions on Key Problems of Regional Security and Cooperation], in I.S. Ivanov (ed.), *Perspektivy razvitiya rossiysko-yaponskikh otnosheniy na novom etape: rabochaya tetrad'* [Russia-Japan relations: new stage of development: working paper no. 50/2019], Moscow: NP RIAC. (In Russian).

Kistanov, V.O. (2018). Indo-Tikhookeanskaya strategiya Yaponii kak sredstvo sderzhivaniya Kitaya [Japan's Indo-Pacific Strategy as a Deterrent to China], *Far Eastern Affairs*, 2: 32–43. (In Russian).

Kryachkina, Yu.A. (2018). «Novaya era» yaponno-kitayskikh otnosheniy [“New era” in Japan-China relations?], URL: <https://riss.ru/analytics/55088/> (accessed: 9 March 2019). (In Russian)

Military and Security Development involving the PRC 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT.PDF> (accessed: 9 March 2019).

National defense program guidelines for FY 2014 and beyond. 17.12.2013, URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217_e2.pdf (accessed: 2 April 2019).

Shvydko, V. (2017). Otkaz SSHA ot TTP: znachenie dlya Yaponii [US withdrew from TTP: significance for Japan], *RIAC*, URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otkaz-ssha-ot-ttp-znachenie-dlya-yaponii/> (accessed: 1 April 2019). (In Russian).

Smith, J. (2018). Another First: U.S. and India to Hold 2+2 Dialogue in Delhi, *Issue Brief*, 4897, URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2018-08/IB4897.pdf> (accessed: 9 March 2019).

Streltsov, D.V. (2018). Indo-Tikhookeanskiy region kak novaya real'nost' global'noy sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy [The Indo-Pacific region as a new reality of the global system of international relations], *International Affairs*, 9: 65-74. (In Russian).

Streltsov, D. (2014). Yaponiya: novaya politika natsional'noy bezopasnosti [Japan: new national security policy], *RIAC*, URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-novaya-politika-natsionalnoy-bezopasnosti/> (accessed: 17 January 2019). (In Russian).

The Current Status of China's Unilateral Development of Natural Resources in the East China Sea. 27.09.2018, URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/c_m1/page3e_000356.html (accessed: 11 March 2019).

The First Session of China-Japan Third-Party Market Cooperation Working Mechanism Held in Beijing. 26.09.2018, URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/201809/20180902790806.shtml> (accessed: 15 March 2019).

The G7 Ise-Shima Summit “Expanded Partnership for Quality Infrastructure”. 2016, URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000241007.pdf> (accessed: 21 March 2019).

The number of Chinese Government and other vessels that entered Japan's contiguous zone or intruded into territorial sea surrounding the Senkaku islands. As of February 28, 2019, URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000170838.pdf> (accessed: 9 March 2019).

Tomotaka, Shoji (2014). The South China Sea: A View from Japan, *NIDS Journal of Defense and Security*, 15, URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/kiyo/pdf/2014/bulletin_e2014_7.pdf (accessed: 9 March 2019).

Xi, Abe meet on ties, reaffirm readiness to strengthen partnership, *China Daily*, 08.07.2017, URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017xivisitgermany/2017-07/08/content_30042755_2.htm (accessed: 17 March 2019).

Yoshida, R. (2018). China nudges Japan on joining up in 'Belt and Road' initiative at 14th Annual Tokyo-Beijing Forum, *Japan Times*, 14.10.2018, URL:

<https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/14/national/politics-diplomacy/china-nudges-japan-joining-belt-road-initiative-14th-annual-tokyo-beijing-forum/> (accessed: 9 January 2019).

Zhao, Hong (2018). Chinese and Japanese infrastructure investment in Southeast Asia: from rivalry to cooperation? URL: <https://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Dp/689.html> (accessed: 11 March 2019).

Поступила в редакцию 07.04.2019

Received 7 April 2019

Для цитирования: Лексютина Я.В. Вызов «возвышающегося» Китая для Японии в контексте нормализации китайско-японских отношений в 2014–2018 гг. // Японские исследования. 2019. № 3. С. 62–83. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10021

For citation: Leksyutina Ya.V. (2019). Vyzov «vozvyshayushchegosya» Kitaya dlya YAponii v kontekste normalizatsii kitaysko-yaponskikh otnosheniy v 2014–2018 gg. [Japan's China challenge within the context of normalization of Sino-Japanese relations in 2014–2018], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 62–83. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10021

Японские исследования. 2019. №3. С. 84–111.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 84–111.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10022

К вопросу о соперничестве Японии и Китая в Африке и Латинской Америке

Е.И. Сафронова

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы и направления соперничества Японии и КНР в крупнейших регионах развивающегося мира (РМ) – Африке и Латинской Америке (ЛА).

Внешнеэкономические интересы Японии и Китая во многом совпадают, что объективно создаёт базу для конкуренции. Обе страны испытывают острую потребность в энергоресурсах, стремятся диверсифицировать рынки сбыта своей готовой продукции и обеспечить безопасность их углеводородного импорта.

Автор подробно характеризует сильные и слабые стороны двух стран в их сотрудничестве с Африкой и ЛА и подчеркивает, что хотя Япония обладает целым рядом ценных преимуществ, Китай, благодаря своей особой финансово-экономической и дипломатической напористости, сохраняет несомненное лидерство в борьбе за влияние в РМ. Объёмы японского торгово-экономического сотрудничества с РМ значительно уступают китайским, однако страна предпринимает весомые усилия по смягчению данного обстоятельства как самостоятельно, так и в опоре на партнёрство с другими государствами, в том числе Индией.

В политической сфере соперничество двух стран в РМ обусловлено категорической разнонаправленностью их интересов по территориальным проблемам в Восточно- и Южно-Китайском морях, по вопросу реформы ООН, включая постоянное членство Японии в СБ ООН, а также взаимными историческими «обидами». В ООН и других международных структурах идёт их острая, хотя и вуалируемая, борьба за голоса развивающихся стран. И именно политическая сфера – та сфера, где Китай воспринимает Японию как влиятельнейшего регионального и глобального конкурента.

Автор указывает и на особый вектор противостояния Японии и Китая в РМ, порождённый соседством их военно-логистических баз в Африке (Джибути), параллельным участием в международной активности по поддержанию безопасности, включая обеспечение мирного судоходства на морских путях вдоль восточафриканского побережья, и расширением военно-морского присутствия обеих стран в районе Индийского океана.

В статье отмечается, что Японии предстоит пройти немалый путь, чтобы достигнуть сопоставимых с китайскими позиций в РМ. При этом автор характеризует целый ряд преимуществ, которыми обладает Япония по сравнению с Китаем, и подчёркивает, что ближайшей, причём достижимой, задачей для Японии в Африке и Латинской Америке является поддержание и максимальное использование этих преимуществ. При искусном подходе, свойственном Японии, особенно в сложные для неё времена, это может оказаться ключевым решением.

Ключевые слова: Япония, Китай, Африка, Латинская Америка, политико-экономическая конкуренция, Форум сотрудничества «Китай–Африка», Токийская международная конференция по развитию Африки, Азиатско-африканский коридор роста (ААКР), инициатива «Пояс и путь» (ИПП), ООН.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: safronova@ifes-ras.ru

On the Japan-China rivalry in Africa and Latin America

E.I. Safronova

Abstract. The article discusses motives and directions of Japan-China rivalry in the largest regions of the developing world (DW) – Africa and Latin America (LA).

Foreign economic interests of Japan and China largely coincide, and that logically creates basis for competition. Both countries suffer urgent need for energy resources, seek to diversify their finished products' markets and to secure their hydrocarbon imports.

The author describes in detail the strengths and weaknesses of the two countries in their cooperation with Africa and LA and emphasizes that, although Japan has a number of valuable advantages, China, thanks to its special financial, economic, and diplomatic assertiveness, retains undoubted leadership in the struggle for influence in the DW. The volume of Japanese trade and economic cooperation with the DW is significantly inferior to the Chinese one, but the country is taking significant steps to mitigate this situation both independently and in reliance on the partnership with other states, including India.

In the political sphere, the rivalry between the two countries in the DW is caused by their strong divergence of views on territorial problems in the East and South China seas, on the issue of the UN reform, including Japan's permanent membership in the UN Security Council, and by mutual historical “grievances” as well. China and Japan wage sharp, though veiled struggle in the UN and other international structures for the voices of developing countries. And the political sphere is the one where China perceives Japan as a highly influential regional and global competitor.

The author also points out a special vector of confrontation between Japan and China in the DW generated by the neighborhood of their military and logistics bases in Africa (Djibouti), parallel participation in international security activities, including provision of peaceful navigation on the sea routes along the East African coast, and the expansion of their naval presence in the Indian ocean.

Finally, the article notes that Japan has to go a long way to achieve positions in the DW comparable to the Chinese ones. At the same time, the author characterizes a number of advantages that Japan possesses in comparison with China, and emphasizes that the nearest though achievable task for Tokyo in Africa and Latin America is to maintain and maximize these advantages. With the skillful approach peculiar to Japan especially in difficult times, it may become a key decision.

Keywords: Japan, China, Africa, Latin America, political and economic rivalry, Forum on China–Africa Cooperation (FOCAC), Tokyo International Conference on African Development (TICAD), Asia–Africa Growth Corridor (AAGC), “Belt and Road” initiative (BRI), UN.

Author: Safronova Elena I., Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: safronova@ifes-ras.ru

В мировом политологическом сообществе широко дискутируется вопрос о соперничестве КНР и Японии в разных сферах международной жизни, в частности, за доступ к рычагам политико-экономического влияния в Африке и Латинской Америке. В статье выбраны для исследования именно эти два региона потому, что они являются крупнейшими сегментами развивающегося мира, высокопотенциальным резервом глобального развития, источниками природных ресурсов (в основном энергетических), растущими рынками сбыта готовой продукции и сферой приложения капиталов. Согласно отчёту McKinsey & Company, уровень доходности иностранных инвестиций в Африке в первом десятилетии текущего века был выше, чем в каком-либо ином регионе мира. А по мнению Международного валютного фонда, темпы прироста ВВП континента в настоящее время превышают азиатский показатель [Proctor].

Латинская Америка также является объектом растущего внимания многих мировых акторов не только из-за её природных богатств, но и роста промышленного потенциала. Индустриальное развитие ЛА обещает новые возможности как для торговли продукцией высоких переделов, так и оборота технологий с инновационной составляющей. Для Японии Латинская Америка – наиболее технико-технологически подготовленный регион РМ – может стать более активным реципиентом сложной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Особенности географического положения и ещё полностью не раскрытые транзитно-транспортные возможности двух регионов сейчас тоже вызывают повышенный интерес, особенно для Китая в свете его инициативы «Пояс и путь» (ИПП).

Ныне и Африка, и ЛА важны не только для нетто-потребителей ресурсов (Китай, Японии, Индии и др.), но и старых мировых «игроков» – ЕС и США, «вспомнивших» о РМ из-за острого интереса к нему со стороны молодых конкурентов. Это тоже обостряет международное соперничество за влияние в двух регионах.

Кроме того, в мировой экономике остаётся не много доступных для иностранных инвестиций углеводородных «площадок». Япония, являющаяся на настоящий момент третьим мировым потребителем углеводородов, но не имея их у себя, ныне просто вынуждена активнее конкурировать с КНР за доступ к природным богатствам РМ, что уже вносит новую тональность в отношения двух крупнейших восточноазиатских держав [Зайцев].

Начало новейшего этапа соперничества КНР и Японии в развивающемся мире обычно связывается с летом 2014 г., когда председатель КНР Си Цзиньпин, а за ним и премьер-министр Японии Абэ Синдзо посетили Латинскую Америку. Во время своей поездки С. Абэ прямо заявил, что его визит знаменует новую главу отношений между Японией и латиноамериканским регионом.

Вплоть до 1970-х годов японские экономические интересы в Африке и ЛА были очерчены слабо, политические же ограничивались интересами поддержания «дежурных» дипломатических отношений. Положение изменилось в связи с нефтяным кризисом 1973 г., который скорректировал стратегию национальной энергобезопасности Японии: компании страны стали активно вкладываться в африканский топливно-энергетический сектор. Новый виток интереса Японии к ресурсам РМ связан с трагедией на Фукусимской АЭС в 2011 г., побудившей страну практически отказаться от собственного производства атомной энергии и резко обострившей вопрос диверсификации японского энергетического импорта.

Политические связи Китайской Народной Республики с РМ насчитывают многие десятилетия: развивающийся мир, особенно африканская его часть, является давним кругом поддержки, аргументом в диалоге с Западом, объектом влияния и «отправным пунктом» для достижения Китаем мирового лидерства. История контактов КНР с «третьим миром» (впоследствии именуемым «развивающимся миром», «глобальным Югом») насчитывает почти 70 лет – со времени провозглашения Китайской Народной Республики. А на Бандунгской конференции стран Азии и Африки 1955 г. Китай впервые заявил о себе как о развивающейся стране [Сафронова, с. 301, 29].

На рубеже XX и XXI веков интерес Китая к *экономическим* ресурсам развивающихся регионов стремительно возрос, поскольку тогда экономика КНР вступила в особую полосу развития, жадно требуя ещё бóльших объёмов энергоресурсов и иного сырья. Резкая интенсификация китайской экономико-инвестиционной работы в Африке и ЛА за последние годы связана и с планами реализации Китаем инициативы «Пояс и путь».

* * *

Японии принадлежит первенство в организации постоянных форумов по линии «крупная держава – развивающийся регион»: в 1993 г. Токио инициировал практику проведения *Токийской международной конференции по развитию Африки (Tokyo International Conference on African Development, TICAD)* с целью содействия развитию Африки не только в экономическом плане, но и в свете поддержания мира и безопасности на основе сотрудничества с африканскими странами [Darboe].

Пекин последовал примеру своего давнего соперника и в 2000 г. основал *Форум сотрудничества «Китай–Африка» (Forum on China–Africa Cooperation, FOCAC)*.

Особо показательными в контексте вопроса о развертывании японо-китайского соперничества в РМ видятся саммит «Китай–Африка» (FOCAC) в Йоханнесбурге в декабре 2015 г. и *TICAD-VI*, прошедшая девять месяцев спустя, в августе 2016 г. в Найроби (Кения).

На саммите *FOCAC* 2015 года Си Цзиньпин пообещал предоставить Африке 60 млрд долл. финансовой поддержки (из них 5 млрд – гранты и беспроцентные кредиты, 35 млрд – льготные и экспортные кредиты, 10 млрд – на формирование первоначального капитала Китайско-африканского фонда сотрудничества (*China-Africa Development*) в сфере производственных мощностей). Си Цзиньпин объявил и о 10 проектах Китая на следующие 3 года, нацеленных на стимулирование индустриализации, «зелёного» развития, совершенствование инфраструктуры и банковского обслуживания, здравоохранения, упрощение условий торговли и предоставления инвестиций, снижение уровня бедности и др. [FOCAC official website; Сафронова, с. 243, 244].

Щедрость китайских посулов, видимо, была замечена в Токио. На конференции *TICAD-VI* премьер-министр С. Абэ, подчеркнув, что со времени основания Конференции в 1993 г. Япония уже вложила 47 млрд долл. в различные проекты на африканском континенте, пообещал выделить в течение трёх лет новые 30 млрд долл. частных и государственных инвестиций, в том числе 10 млрд долл. на инфраструктурные проекты. С. Абэ также объявил о старте нового формата взаимодействия двух стран в виде Японо-Африканского экономического форума государственно-частного партнёрства (*Japan-Africa Public-Private Economic Forum*) в целях выявления деловых возможностей и потребностей

сторон для успешного совместного развития, включая энергетику, торговлю, финансово-инвестиционную сферу, инфраструктуру, развитие человеческого потенциала¹. Сразу после закрытия TICAD-VI состоялась конференция по деловому сотрудничеству, на которой было подписано 73 меморандума о взаимопонимании между японскими и африканскими компаниями в деле совместного развития африканской деловой среды [METI 2017, 2018; Al Jazeera news and agencies; Yun Sun, 2016].

Надо отметить, что ещё на TICAD-V (в 2013 г.) Токио обещал Африке 32 млрд долл., и к 2016 г. он выполнил это обещание на 67 % [Boguslavskiy].

Намерение Японии выделить Африке в общей сложности 62 млрд долл. свидетельствует о резко возросшем значении континента для восточноазиатской страны.

Токио сделал вежливый жест в адрес Пекина: представитель МИД Японии Я. Кавамура заявил, что его страна не рассматривает Африку как регион «конкуренции и борьбы» с Китаем и что отношения Японии и Китая на континенте – это скорее «меры сотрудничества» в интересах африканских государств. По приглашению японской стороны на TICAD-VI присутствовал первый заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Мин [Boguslavskiy].

Однако тогда этот «реверанс» не помог: китайский МИД обвинил Токио в стремлении «навязать свою волю африканским странам во имя собственных интересов и вбить клин между Китаем и африканскими странами» [Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's...]. Это мнение базировалось, в частности, на том, что Япония попыталась включить в повестку и итоговые документы TICAD-VI особые вопросы, в том числе реформу СБ ООН и безопасность на море, тем самым политизируя саммит, изначально предназначенный для рассмотрения проблем развития. Недовольство Пекина вызвал настоятельный призыв С. Абэ превратить «моря, соединяющие Азию и Африку» (то есть Тихий и Индийский океаны) в «место, где ценятся свобода, верховенство права и рыночная экономика, свободные от силы или принуждения» [Takashi Shiraishi, What the 'Indo-Pacific' means...].

Особое внимание Пекин обратил на п. 3.3.4. Найробийской декларации, где подчёркивалась важность «укрепления безопасности и охраны на море на основе международного и регионального сотрудничества» [TICAD VI Nairobi Declaration]. Похоже, что Китай воспринял это как критику его территориальной политики в Восточно- и Южно-Китайском морях.

Чувствительным для китайцев оказался и п. 3.3.5. Декларации, в котором Африка и Япония подтвердили общую решимость «в срочном порядке» реформировать органы ООН, включая её Совет Безопасности [TICAD VI Nairobi Declaration]. В Декларации Форума «Китай–Африка» 2015 г. тоже указывалось на важность реформы СБ ООН и расширение представительства в нём африканских государств. Разница двух позиций в том, что если Япония, надеясь на африканские голоса по вопросу её кооптации в СБ ООН, ратует за незамедлительность реформы Организации, то Китай предпочитает не ускорять обсуждение реформы ввиду своей удовлетворенности текущим положением дел в Совете и нежелания допустить в нём японского членства.

---

¹ Первое заседание Форума прошло в мае 2018 г.

После *TICAD-VI* Пекин поспешил акцентировать мысль, что «все африканские страны выступили против политизации *TICAD*», переноса азиатских проблем на африканскую почву и навязывания Японией её воли Африке [Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's...].

Однако политизация форума, очевидно, имела место, хотя и не в тех масштабах, как хотелось бы Токио: Декларация 2016 года не вышла за политические рамки сдержанного документа *TICAD-V* [Yokohama Declaration 2013]. На наш взгляд, умеренность декларации *TICAD-VI* объясняется не столько желанием африканцев «угодить» Пекину, сколько стремлением не приглушить экономическую часть повестки, приоритетной для региона.

Финансово-экономическое соперничество КНР и Японии за Африку, видимо, осложнится тем, что на последнем саммите *FOCAC* в сентябре 2018 г. (Пекин) Си Цзиньпин обещал предоставить африканским странам новые 60 млрд долл. вложений. Эти средства будут приплюсованы к 60 млрд долл., обещанным на Форуме 2015 года [China invertirá US\$60.000 millones...].

Практически сразу после *FOCAC-2018* – на последнем министерском раунде *TICAD* в октябре 2018 г. (Токио) министр иностранных дел Т. Коно тоже заявил о намерении Японии увеличить помощь Африке, в первую очередь на развитие её человеческого потенциала и в сфере передачи технологий. Министр, однако, не преминул напомнить и о политических взглядах Токио на диалог сторон, заявив, что Япония выступает за свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион, объединяющий Азию и Африку. Он подчеркнул и необходимость открытого морского порядка и свободы судоходства на основе верховенства права. Т. Коно также поблагодарил африканские страны за сотрудничество по «глобальным вопросам», включая реформу СБ ООН [Tokyo International Conference on African Development].

Не исключено, что жёсткость риторики китайских властей после *TICAD-VI* была спровоцирована и замечаниями С. Абэ о превосходящем качестве японской продукции и его призывом к Африке ориентироваться на более высокие стандарты качества [Boguslavskiy]. А ведь претензии к качеству построенных китайцами объектов и поставленных из КНР товаров до сих пор звучат даже в развивающихся странах. Эксперты обращают внимание на участвующую критику «плохого выполнения» энергетических и инфраструктурных проектов с участием Китая в развивающемся мире и даже в Европе [Ferchen; Perera].

Для африканских стран сотрудничество с Японией тоже обретает особую важность, поскольку снижение темпов роста китайской экономики повлекло спад в экспорте африканского сырья. В силу этого возрастают шансы Японии стать альтернативным рынком сбыта для африканских сырьевых товаров. По словам министра иностранных дел Кении Амины Мохаммед, китайско-японское соперничество позволяет Кении извлекать двойную пользу, поскольку отсутствие конкуренции – это проблема, а её наличие – шанс «выбирать лучшее» [The Sixth TICAD and Chinese Reservations...].

Интерес Японии к импорту сырьевых товаров можно проиллюстрировать с помощью данных таблиц 1 и 2, из которых видно, что Япония в силу своих внешнеторговых потребностей реально способна стать альтернативным Китаю рынком сбыта африканского и латиноамериканского сырья.

Таблица 1. Структура торговли Японией со странами Африки (%)*

Экспорт Японии в страны Африки		Импорт Японии из стран Африки	
Транспортные средства	31,0	Полуфабрикаты	36,0
Средства производства, включая электронное, машинотехническое и электрооборудование	28,0	Сырьё углеводородное	24,0
Потребительские товары, включая бытовую электронику	24,0	Стекло, камень	11,5
Полуфабрикаты и комплектующие	11,0	Потребительские товары, включая продукты питания	10,5
Металлы и изделия из них	3,0	Горючее	9,0
Пластмассы	2,0	Металлы и изделия из них	8,0
Прочее	1,0	Прочее	1,0

* По состоянию на начало 2019 г. Оценка и расчёты автора на основе экстраполяции тренда по [WITS].

Таблица 2. Структура торговли Японией со странами Латинской Америки (%)*

Экспорт Японии в страны ЛА		Импорт Японии из стран ЛА	
Средства производства, включая электронное, машинотехническое и электрооборудование	35,0	Сырьё углеводородное	42,0
Транспортные средства	33,0	Чёрные и цветные металлы и прочее минеральное сырьё	26,0
Потребительские товары, включая ткани, одежду, обувь, продукты питания, бытовую технику	12,0	Полуфабрикаты	13,0
Полуфабрикаты и комплектующие	9,0	Средства производства	8,0
Металлы и изделия из них	5,0	Пищевая продукция растительного и животного происхождения (овощи, мясо)	7,0
Пластмассы	4,0	Прочие потребительские товары	2,0
Прочее	2,0	Прочее	2,0

* По состоянию на начало 2019 г. Оценка и расчёты автора на основе экстраполяции тренда по [WITS].

Торговые интересы Китая и Японии в РМ действительно во многом совпадают, что видно из сравнения данных табл. 1 и 2 с данными табл. 3 и 4, приводимых ниже².

² Тем не менее, инвестиционные устремления двух стран по ряду позиций заметно разнятся, что будет показано ниже в табл. 5 и 6.

Таблица 3. Структура торговли Китая со странами Африки (%)*

Экспорт КНР в страны Африки		Импорт КНР из стран Африки	
Потребительские товары, включая бытовую электронику (18 %), текстиль, одежду, обувь, продукты питания	35,0	Сырьё углеводородное	68,2
Средства производства, включая электронику, машинотехническое и электрооборудование	23,0	Чёрные и цветные металлы и прочее минеральное сырьё	13,5
Транспортные средства	13,0	Древесина, камень/стекло	8,0
Химикаты	11,0	Потребительские товары, включая продукты питания, ткани, одежду, обувь	5,0
Металлы и изделия из них	10,5	Химикаты	4,0
Пластмассы	6,0	Горючее	1,0
Прочее	1,5	Прочее	0,3

* По состоянию на начало 2019 г. Оценка и расчёты автора на основе экстраполяции тренда по [WITS, METI].

Таблица 4. Структура торговли Китая со странами Латинской Америки (%)*

Экспорт КНР в страны ЛА		Импорт КНР из стран ЛА	
Средства производства, включая машинотехническое и электрооборудование	40,8	Сырьё углеводородное, горючее и ГСМ	49,0
Потребительские товары, включая ткани, одежду, обувь, продукты питания, бытовую технику	27,0	Чёрные и цветные металлы и прочее минеральное сырьё	17,0
Полуфабрикаты	14,0	Продукция растительного происхождения (соя-бобы, овощи), другая сельхозпродукция	16,0
Транспортные средства	9,0	Готовая продукция	13,0
Химикаты	6,5	Средства производства	4,5
Прочее	2,7	Прочее	0,5

* По состоянию на начало 2019 г. Оценка и расчёты автора на основе экстраполяции тренда по [WITS; China-Latin America Economic Bulletin, 2019].

Однако Токио надо очень многое сделать, чтобы достичь сопоставимого с китайским уровня политико-экономического внедрения в Африку и Латинскую Америку.

Если оперировать абсолютными цифрами, то ещё в 1990-е годы Япония по объёму товарооборота с этими двумя регионами значительно опережала КНР, но ввиду бурного роста экономических связей Китая с Африкой и ЛА, проблемами самой Японии её торговля с РМ с начала XXI века стала выглядеть не так представительно.

Так, *китайско-африканская* торговля в 2016 г. составляла 148,7 млрд долл., в 2017 г. – 170, а в 2018 г. – 204 млрд долл. Японская – 15,0; 15,8 и 17,1 млрд долл. соответственно.

Товарооборот КНР с Латинской Америкой в 2016 г. достигал 225,6 млрд долл., в 2017 г. – 257, 4, а в 2018 г. – 305,6 млрд долл. Японская же торговля с ЛА – 50,4; 54,0 и 57,4 млрд долл. соответственно [Ministry of Commerce of the PRC; International Trade Center; WITS].

Что касается инвестиций, то хотя Япония и увеличила их объём в Африку в 4 раза за последнее десятилетие, однако она так и не вошла в десятку основных стран-инвесторов в регионе. В 2016 г. японские инвестиции в Африку составили 10 млрд долл., в то время как инвестиции Китая – 39,9 млрд (без Сянган) [Taku Miyazaki]. А за последние два года капиталовложения КНР в Африке достигли 40–42 млрд в год. С Сянганом – 53 и 59 соответственно [UNCTAD. World Investment Report 2018, p. 38; 2019, p. 34].

Инвестиционные интересы Японии пока явно сосредотачиваются в ЛА: за последние несколько лет страна устойчиво вкладывает в регион 32–34 млрд долл. ежегодно [UNCTAD. World Investment Report 2017, p. 57; 2018, p. 50; 2019, p. 48].

Что касается Китая, то его капиталовложения в ЛА – примерно 15 млрд в год [Avendano, Melguizo, Miner] (хотя согласно некоторым китайским источникам, эта цифра может быть гораздо выше – сопоставимой с «африканскими» объёмами).

Япония предпринимает серьёзные усилия по расширению своего присутствия в развивающихся регионах. Об этом свидетельствует и пополнение повестки *TICAD*, и инициирование новых форматов сотрудничества по линии «Япония – Африка», «Япония – Латинская Америка». Например, Япония создаст постоянную совместную структуру («Совет») для координации усилий правительства (государственного сектора) и частного бизнеса по поощрению инвестиций в Африку. Запуск Совета приурочен к *TICAD-VII* (август 2019 г., Йокогама). В состав нового органа войдут представители японских министерств и ведомств, а также экономических организаций и малых и средних компаний [Saki Hayashi].

В Латинской Америке тоже Токио, а не Пекин, первым создал постоянный контактный орган со странами региона – Японскую ассоциацию Латинской Америки и Карибского бассейна – Japan Association of Latin America and the Caribbean (JALAC). Она была учреждена усилиями правительства, деловых и научных кругов ещё в 1958 г. Ежегодно JALAC организует множество диалоговых площадок в Японии и за рубежом, куда приглашаются высокопоставленные правительственные чиновники, учёные и бизнесмены [Mikio Sasaki]. В состав Ассоциации, базирующейся в Токио, входят около 100 компаний и организаций и 260 частных лиц. Структура ведёт и издаёт аналитические работы по состоянию сотрудничества «ЛА – Япония» [Myers, Akio Hosono].

Важно и то, что хотя торговля Японии с ЛА в статистическом отношении значительно уступает китайской, она, тем не менее, обладает рядом преимуществ. Многие японские производители умело привлекают активы латиноамериканских партнёров для совместного выхода на третьи рынки. Кроме того, Япония на протяжении многих лет работает над интеграцией промышленности ЛА в свои производственно-сбытовые цепочки посредством целевых инвестиций и технического сотрудничества. Всё это конструктивно сказывается как на японском, так и латиноамериканском экспорте промышленных товаров. А японские транспортные и посреднические фирмы даже выигрывали от увеличения китайского импорта из ЛА. Так, поставки сои из Бразилии в Китай, возросшие с началом китайско-американской «торговой войны», способствовали росту доходов японских компаний-оптовиков [Avendano, Melguizo, Miner].

Помимо экономики, полем пересечения интересов КНР и Японии в РМ можно назвать военно-логистическую сферу, главным образом, в Африке.

И Китай, и Япония осуществляют там миротворческие миссии, что само по себе трудно назвать конкуренцией. Но поскольку через эту активность обе страны нарабатывают опыт «жёсткосилового» присутствия в РМ, то в Джибути оборонные интересы двух стран могут войти в прямое соприкосновение. Так, Япония первой учредила военную базу в Джибути (в 2009 г., введена в эксплуатацию в 2011 г.) для содействия борьбе с пиратством у берегов Африканского Рога. Во многом благодаря международному сотрудничеству число пиратских нападений снизилось с порядка 247 в начале века до трёх в 2018 г. Однако, вместо того чтобы объявить миссию Сил самообороны (SDF) выполненной, Токио намеревается включить в планы национальной обороны модернизацию джибутийского объекта.

Основная цель, как предполагают аналитики, здесь состоит в том, чтобы усилить голос Японии в вопросах международной безопасности, включая обеспечение мирного судоходства на ключевых морских путях и расширение её военно-морского присутствия в районе Индийского океана. Однако сохранение военизированного объекта сдерживания «экспансионизма» Китая также называется среди интересов Японии [Ryall Julian]. Для начала джибутийская база даст возможность Японии «на месте» вести мониторинг военно-морской активности КНР, получая оперативную информацию о ближайших намерениях Пекина в Индийском океане.

Обвинения в «экспансионизме» Китая ныне звучат из уст западных специалистов особенно часто в связи с обострением территориальных споров в Восточно- и Южно-Китайском морях, деятельностью Пекина по созданию искусственных островов в спорных водах, на которых уже созданы взлетно-посадочные полосы для военной авиации и разведывательные радиолокационные станции (например, [Zhixing Zhang, Davidson]).

Пекин ввёл в эксплуатацию «пункт материально-технического обеспечения ВМС» в Джибути в 2017 г. (согласно двустороннему соглашению от 2015 г.). Официально база предназначена для борьбы с сомалийскими пиратами и позиционируется как точка пополнения запасов кораблей ВМС НОАК, участвующих в антипиратском патрулировании в Аденском заливе. Однако очевидно, что её особой задачей будет обеспечение безопасности морского вектора инициативы «Пояс и путь» – «Морского шелкового пути XXI века».

По планам, ИПП должна найти приложение в Африке по двум основным направлениям. Первое и главное – создание сетевой транспортной инфраструктуры, прямо отвечающей задачам Инициативы и задачам КНР по расширению импорта африканского сырья и продовольствия, обретения новых площадок приложения избыточной китайской рабочей силы и потенциала строительной индустрии страны. Второе – перенос трудоёмких отраслей в Африку из-за роста производственных издержек в самой КНР [Yun Sun, 2015]. Здесь следует отметить, что поскольку Африка обретает всё большее значение для дела реализации ИПП, о чём свидетельствует сама динамика экономической работы КНР на континенте, то и значение джибутийской базы будет возрастать. Присутствие в Африке по «линии» ИПП позволит Пекину отслеживать и даже контролировать транспортные потоки из Европы через Суэц, Красное море, Аденский залив в Индийский океан. И это видится ещё одной задачей «Пояса и пути» в Африке.

А вот основной мотив учреждения японской базы Пекин усматривает в намерении Токио использовать африканские проблемы безопасности как «оправдание» «военной

экспансии» Японии. Китай особенно обеспокоен тем, что Япония расширяет в её африканской повестке вопрос о свободе судоходства в Индийском океане [Yun Sun, 2016]. Это воспринимается Пекином как намёк на осложнение режима судоходства в Восточно-Южно-Китайском морях, вызванного его жёсткой позицией по территориальным вопросам.

Есть вероятность, что японо-китайское соперничество за пребывание в Джибути может возрасти в силу политики властей этой страны. Токио, видимо, придётся быть не только осторожным, но и особо щедрым, ибо в своё время джибутийские власти сочли возможным выдворить даже американский контингент с одной из баз, чтобы освободить место для китайцев [Connars].

* * *

Несомненно, Токио осознаёт, что в одиночку Японии трудно конкурировать с КНР, и потому вполне логично его стремление расширить круг международных единомышленников. В последние годы Япония интенсифицировала сотрудничество по вопросам диалога с РМ в рамках целого ряда трансрегиональных структур и проектов.

Так, она стояла у истоков Форума «Восточная Азия – Латинская Америка» (*The Forum for East Asia-Latin America Cooperation, FEALAC*), образованного в 1999 г. по инициативе Чили и Сингапура для стимулирования сотрудничества между двумя регионами. Сегодня в *FEALAC* входят 37 стран и территорий: 20 из Латинской Америки и 17 из Восточной и Юго-Восточной Азии. Ни Китай, ни Япония не оставляют своим вниманием и другие многосторонние структуры с членством развивающихся стран, в частности *Организацию американских государств (ОАГ)*, *New Partnership for Africa's Development (NEPAD)*, *Межамериканский банк развития*, *Африканский банк развития* и целый ряд других.

Однако кооперационный формат с большим числом участников зачастую оказывается неэффективным из-за сложности внутренних согласований и несовпадения интересов. И ныне идёт поиск обоснования международного курса Японии под сенью нового и посему более гибкого Индо-Тихоокеанского концепта.

Впервые термин «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР) был применён правительством Австралии в 2012 г. для обозначения нового направления его внешней политики. А премьер-министр Японии С. Абэ использовал его в 2016 г. на *TICAD-VI*, где он представил идею «свободного и открытого» Индо-Тихоокеанского региона.

Пути претворения в жизнь данной идеи С. Абэ назвал улучшение инфраструктуры, поощрение торговли и инвестиций, содействие развитию человеческого потенциала при одновременном углублении японо-американского альянса и партнёрства с Австралией, Индией и другими странами в области безопасности. Таким образом, Токио особое значение придал именно экономическому росту, не теряя из виду и интересы балансировки сил в ответ на военную активизацию Китая. В этом контексте большое значение имеет подписанное Японией и 10 другими странами в марте 2018 г. соглашение о новом (без участия США) Транстихоокеанском партнёрстве, также известном как ТТП-11. Япония уже выразила намерение взаимодействовать с Чили, Мексикой, Перу и другими странами в рамках этого нового формата [Takashi Shiraishi, Special...; Myers, Akio Hosono].

1 июня 2019 г. Пентагон обнародовал свою стратегию для Индо-Тихоокеанского региона, где во главу угла была поставлена отнюдь не экономическая, а военно-стратегическая

сторона вопроса в духе того, что «Индо-Тихоокеанский регион» есть арена геополитической конкуренции между Соединёнными Штатами и Китаем [US Department of Defense...]. Здесь мы видим некое различие в нюансировке взглядов Японии и США на новую региональную инвенцию – ИТР.

Что касается Африки, то пока перспективы её вовлечения в ИТР как равноправного партнёра остаются туманными, а вот сотрудничество на «чёрном континенте» важных контрагентов по новому региону – Токио и Нью-Дели – уже получает резонансное развитие.

Так, в феврале 2017 г. *Организация внешней торговли Японии (Japan External Trade Organization, JETRO)* объявила о планах координации партнёрства японских и индийских бизнес-структур в Африке на основе двустороннего обмена опытом [Ranjan].

Индия – важный торговый контрагент Африки: с 2006 г. её товарооборот с континентом вырос с 11,9 до 56,7 млрд долл., а общий объём ПИИ в африканские государства достиг примерно 55 млрд [Adesina]. По примеру других стран Индия создала в 2008 г. постоянную структуру сотрудничества с Африкой – *Саммит форума «Индия–Африка» (India–Africa Forum Summit (IAFS))* [Basu]. В Африке проживает экономически влиятельная индийская община, численность которой достигла 2,8 млн человек. Как и у Японии, интересы Индии сосредоточены в африканской нефтегазовой отрасли, в сфере грузоперевозок, в горнодобывающем секторе, обе страны стремятся диверсифицировать рынки сбыта их готовой продукции и обеспечить свободу международного судоходства.

Кроме того, оба государства заинтересованы в мобилизации голосов африканских стран по вопросу реформирования СБ ООН, особенно в части введения Японии и Индии в его состав. Индия и Япония вместе с Германией и Бразилией составляют группу G4, стремящуюся, в отличие от Китая, к скорейшей реформе СБ ООН. И обе страны не только призывают к «расширению прав и возможностей африканских стран» в мировой жизни, но и разделяют идею сохранения африканских прав собственности на создаваемые в Африке странами-донорами экономические объекты [Beri]. Китай же придерживается иной тактики – он предпочитает утверждать свои права собственности (полностью или частично) на возводимые им объекты.

Мощнейшим объединяющим фактором для Японии и Индии является то, что обе они стремятся найти ответ на активизацию КНР в Азии и на Индийском океане. В 2018 г. было объявлено, что Индия тоже разрабатывает свою стратегию для ИТР, ключевой вектор которой – развитие инфраструктуры в индоокеанской Африке, альтернативной китайскому проекту «Пояс и путь». Важный принцип этой стратегии – поддержание формата «Индия, Япония, США, Австралия», созданного, по мнению многих обозревателей, именно для сдерживания Китая [Шитов].

Ещё в 2010 г. Нью-Дели и Токио институционализировали *Индийско-японский диалог по Африке*, а совместная индийско-японская Декларация 2016 года подчеркнула важность координации двусторонних усилий по расширению экономических связей с третьими странами ИТР, назвав Африку приоритетным направлением сотрудничества.

Таким образом, был начертан абрис особой структуры японо-индийского взаимодействия по африканскому развитию, которая обрела официальное воплощение в мае 2017 г. Тогда премьер-министр Индии Н. Модии объявил о запуске в партнёрстве с Японией инициативы *Азиатско-африканского коридора роста – ААКР (Asia-Africa Growth Corridor, AAGC)*, направленной на совместное развитие Азии и Африки. Концепция ААКР согласуется

с принципами «свободной и открытой» Индо-Тихоокеанской стратегии Японии, а также Повестки дня Африканского союза-2063.

В основополагающем документе *ААКР* [Asia-Africa Growth Corridor...], подготовленном международным коллективом аналитиков, определены четыре вектора работы Коридора: проекты экономического развития; создание качественной инфраструктуры; координация институтов и управленческих практик; развитие человеческого потенциала и гуманитарное сотрудничество. Пути достижения целей – совместные инициативы на базе сочетания индийского знания рынков Африки и Юго-Восточной Азии с технологическими и финансовыми возможностями Японии.

В целом, *ААКР* подразумевает создание новых стоимостных цепочек, интеграцию и ускоренное развитие конкурентоспособного экономического блока по линии «Азия–Африка» [Basu].

Некоторым в Азии идея *ААКР* видится крайне полезной из-за опасений, что Китай будет «подгонять» под свои военные задачи инфраструктурные объекты, приобретённые им разными экономическими путями (например, шри-ланкийский порт Хамбантога, взятый в аренду на 99 лет в счёт погашения долга перед КНР). Китай существенно вкладывается и в создание железнодорожного сообщения на восточном побережье Малайзии, которое в итоге может привести к сухопутному обходу Сингапура и даже всего Малаккского пролива, резко снизив их значение как мировых торговых маршрутов [Bharati].

Конечно же, замысел *ААКР* при всей его заманчивости не лишён слабостей. Он, в отличие от ИПП, подразумевает сотрудничество только на морском направлении, что, впрочем, объяснимо географией стран тандема. Кроме того, даже при участии мощнейшего японского капитала, тандем вряд ли сразу изыщет средства, достаточные для покрытия расходов по всему задуманному. Проблема и в технике мобилизации ресурсов: обе страны во внешних проектах опираются на частный капитал, который не всегда видит смысл в политических установках государственной верхушки, даже при всей «кооперабельности» японского частного бизнеса. Да и подключение к проекту потенциала африканских партнёров само по себе составляет серьёзную проблему.

Процессы согласования планов *ААКР* – особо сложный вопрос, ибо обе страны обладают слишком разным опытом разработки и управления экономическими проектами. Поэтому, прежде чем приступить к реализации идеи Коридора, Японии и Индии придётся пройти весьма тернистый путь «притирки» своих экономических знаний и практик. Пекин же ждать не будет.

Однако несмотря на то, что Япония и Индия, даже вдвоём, пока вряд ли способны составить конкуренцию китайскому проекту «Пояс и путь», само выдвижение международной инициативы *ААКР* свидетельствует о рождении новой мировой тенденции – попытки создания реального противовеса китайским геополитическим и геоэкономическим планам. И остаётся только ждать, чья инициатива – китайская или же индийско-японская в итоге привлечёт больше партнёров и капиталов. Пока же ответ очевиден.

В заключение видится логичным провести сравнительный обзор позиций КНР и Японии в Африке и Латинской Америке.

Латиноамериканские симпатии к Японии объясняются наличием в регионе исторически сложившейся японской диаспоры, которая ныне составляет более 2,5 млн человек [Куо]. Японцы на континенте воспринимаются как «свои», и диаспора играет важную роль

в экономической и политической жизни ЛА. Так, этнический японец А. Фухимори в 1990–2000 гг. был даже президентом Перу.

У Японии по сравнению с Китаем есть и то преимущество, что в Латинской Америке на страну нет реликтовых обид: Япония, в отличие от Китая, никогда не поддерживала дестабилизирующих движений на континенте, типа маоистского *Cendero lunomoso*. Кроме того, с начала XXI века в Африке, да и в ЛА, в адрес Китая зазвучали болезненные для него обвинения в проведении неокOLONиалистской политики в развивающемся мире. Они основываются на том факте, что Китай массированно вывозит из РМ сырьё и природные ресурсы, взамен поставляя готовую продукцию (см. табл. 3 и 4). Однако вряд ли Китай намеренно ставит цель подвергать жёсткой эксплуатации потенциал РМ. На мирохозяйственной арене объективно идет конкуренция сильных капиталов с более слабыми. И нет ни одного бурно развивающегося глобального актора, которого не упрекали бы в ущемлении интересов его более скромных контрагентов. Это неизбежно. Однако против Японии ни в Африке, ни в ЛА подобные обвинения не выдвигаются. И здесь – ещё один шанс для неё предстать паритетным партнёром по сравнению с внешнеэкономически напористым Китаем.

На образ Японии в Латинской Америке «работает» и то, что японцы имеют опыт демократического строительства, основанного на верховенстве права, и это уважается странами континента, преодолевшими трудные времена диктаторских режимов.

Удачное для Японии обстоятельство и в том, что она не поддерживает идеологически окрашенных отношений с проблемными режимами в РМ, как правительство Н. Мадуро в Венесуэле или всё ещё автаркическая Куба. Китай же испытывает на себе последствия трудностей в этих странах, имея в их лице дополнительную «головную боль» и особую проблему в отношениях с США.

Латинская Америка – самый экономически компетентный партнёр среди развивающихся регионов. В силу этого она способна впитывать передовые технологии, качественную и технически сложную продукцию, в которой Япония превосходит Китай.

Китайские же торгово-экономические связи с ЛА, какими бы впечатляющими они сейчас ни были, получили ощутимое развитие только с начала XXI века. В Латинской Америке китайская диаспора насчитывает примерно 1 млн человек [Rodríguez, Leiva Van de Maele], но большая её часть – это иммигранты новой волны.

В *Африке* живёт и работает уже 1,1 млн китайцев [Sall], а вот постоянно проживающих японцев там настолько мало, что даже надёжной статистики по этому вопросу найти не удаётся. Малочисленность японской общины, однако, обладает и позитивной стороной: на уровне гражданского общества Япония подчас имеет в Африке лучший экономический имидж, чем Китай, ибо африканское население уже неплохо знакомо со всеми аспектами бурной китайской активности на континенте.

Япония же пока не замечена в причинении африканским странам политических и экономических «обид». Японские производственно-трудовые практики видятся в РМ более привлекательными, чем китайские: японцы не ввозят массовым порядком свой персонал и охотно нанимают местную рабочую силу, обеспечивая ей обучение, повышение квалификации и хорошую зарплату. Японские фирмы передают технологии, не выговаривая себе права собственности на возводимые ими объекты [Why this time Japan means business...; Africa – Japan Business Investment Forum...].

Япония предпочитает инвестировать во внятные, экономически выверенные проекты и не практикует финансовые «вливания» на порой туманные цели правительственных структур. Это экономически корректно, но Китай более приятен в глазах элит стран-реципиентов именно потому, что охотно дотирует их «административные» нужды.

Несомненным преимуществом Японии в сотрудничестве с РМ является качество японской продукции и проектов. Даже по признанию экспертов-китайцев, японские инвестиции более продуктивны. К тому же они нацелены на обеспечение достойных «социальных стандартов» (то есть более социально ориентированы, чем китайские аналоги) [Yun Sun, Jennings].

В Африке преимущество Японии по сравнению с Китаем заключается в том, что её курс – не только получить природные ресурсы континента, но и содействовать созданию целых отраслей, производящих продукцию, пригодную и для экспорта. Так, японский бизнес помог Кении создать национальное предприятие мирового класса – Кенийскую ореховую компанию, ставшую экспортёром высококачественной продукции с брэндом «Out of Africa» [Rivera Yáñez]. «Для людей Африки» – таков лозунг и принцип взаимодействия Японии с Африкой в рамках программы *TICAD* [Ханенкова].

В отличие от Китая, Япония приветствует расширение частного предпринимательства в Африке, видя в нём залог самостоятельного развития континента и фактор привлечения инвестиций.

Однако Китай не был бы более успешен в развивающемся мире, чем Япония, если бы помимо огромных торговых и финансовых возможностей не обладал и иными преимуществами.

Серьёзным политическим «плюсом» Китая в РМ остаётся то, что широко пропагандируемый Пекином тезис о принадлежности КНР к числу развивающихся государств, стран «глобального Юга», находит отклик во многих африканских столицах, усматривающих в Китае антигегемонистскую силу (поведение США на мировой арене нравится в РМ далеко не всем). Китай – свой, вышедший из «толщи» развивающегося мира, и посему на властном уровне он находит в странах РМ больше общего, чем «западноориентированная» Япония³.

Сохранение китайским государством «командных высот» в национальном хозяйстве тоже способствует усилению внешнеэкономических позиций КНР. Так, если японский (да и индийский) бизнес в основном оперирует собственными средствами, особо не упоая на государственные финансы, то китайские фирмы (не только государственные, но и высоколояльные частные) имеют опору и даже гаранта в лице правительства КНР. Что касается *Азиатско-африканского коридора роста (ААКР)* – претендента на конкуренцию с ИПП – то две трети его финансирования поступит от частного сектора [Asia-Africa Report...]. Частное финансирование сопряжено с большими рисками, нежели государственное, несмотря на то, что экономическая политика японского государства в отношении частного бизнеса достаточно сильна. В Японии наблюдается высокая степень координации частных экономических начинаний с установками правительства через систему

---

³ Другое дело – уровень рядового населения. Как уже указывалось, поведение китайских фирм порой вызывает недовольство местных жителей в целом ряде стран РМ, что, впрочем, нивелируется благодаря усилиям китайского МИД, заботящегося об имидже и выгодах КНР, а также благодаря подчас силовому воздействию на население со стороны властей государств-реципиентов.

планирования, отражающую ключевые ориентиры развития страны [Ноздрёва]. Это дисциплинирует частный бизнес, но не гарантирует ему господдержку в случае неудач.

По сравнению с японским, китайское правительство имеет все права и возможности быстро мобилизовать ресурсы, не делая реверансов частному бизнесу через соблюдение системы сдержек и противовесов. Китайские инвестиции приветствуются в Африке и потому, что приходят в комплекте с уже выделенным государственным финансированием, что ускоряет реализацию решений [Jennings, Why this time Japan means business...].

Инициатива «Пояс и путь» – яркий пример выдвинутого и финансируемого государством проекта, выгодно отличающегося от *ААКР* тем, что ИПП свободна от рисков капризного частного финансирования.

Китай умеет работать с элитами государств развивающегося мира, хотя, в отличие от Японии, не участвует в программах «официальной помощи на цели развития» (ОПР) *Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР)*. Китай, не являясь членом КСР, оказывает безвозмездную или высокольготную помощь в «линейном» порядке. Данные по показателям китайской помощи развитию противоречивы в силу больших различий в расчётной базе и трактовке ПР между КСР и китайскими институциями, а также непрозрачности китайских процедур. Доступные данные могут отличаться в разы. Наиболее правдоподобным видится утверждение, что при сближении принципов расчёта ПР ведущих стран-доноров КСР и Китая, КНР в 2015 г. по объёму помощи занимала 9-е место наравне с Нидерландами [GSDRC]. Она предоставила РМ более 4 млрд долл. ПР, из которых 636 млн пришлось на Африку [OECD].

Япония через *КСР ОЭСР* выделяет весьма солидную ОПР африканским и иным развивающимся государствам. Страна входит в пятёрку крупнейших государств-доноров КСР (после США, Германии, Великобритании и Франции). В 2015 г. объём японской ОПР одной только Африке достиг 1,784 млрд долл., в 2016 г. – 1,295 млрд., а в 2017 г. он составил 1,674 млрд [OECD]. Однако была ли помощь эффективной? Видимо, вопрос лежит в умении отслеживать реальных адресатов ОПР, какой бы значительной сама помощь ни была. Китайцы же особо внимательно следят за судьбой выделяемых ими средств.

В идеале, китайский и японский капиталы могли бы найти почву для взаимовыгодного сосуществования в развивающихся регионах: КНР выделяла бы расширенное финансирование добывающему сектору, а Япония обеспечивала бы внедрение научно-технических инноваций, развитие сложных производств и качественной инфраструктуры в тех секторах РМ, которые могут себе это позволить. Например, в Латинской Америке Япония может сделать ставку на добычу и переработку «пограничных» и трудно извлекаемых ресурсов, требующую особо сложных технологий [Зайцев]. Различия и сходства инвестиционных интересов сторон в Африке и ЛА можно проследить по данным табл. 5 и 6.

Таблица 5. Структура инвестиций Китая и Японии в Африку (%)*

Структура инвестиций Китая в Африку		Структура инвестиций Японии в Африку	
Транспортная инфраструктура	35,0	Транспортная инфраструктура	45,0
Энергетика, включая нефте- и газодобычу	33,0	Энергетика, включая нефте- и газодобычу	37,0

Металлургическая промышленность, включая производство стальных и чугуновых заготовок	13,0	Ирригация	8,0
Недвижимость	6,5	Товарные кредиты	5,0
Услуги, включая финансовые	5,5	Услуги, включая посреднические	2,0
Технологии	2,5	Технологии	2,0
Сельское хозяйство и производство продовольствия	1,0		
Прочее	3,5	Прочее	1,0

* По состоянию на начало 2019 г. Оценка и расчёты автора на основе экстраполяции тренда по [Sow. Brookings assessments and analysis; Japan increases...].

Таблица 6. Структура инвестиций Китая и Японии в Латинскую Америку (%)*

Структура инвестиций Китая в ЛА		Структура инвестиций Японии в ЛА	
Горнодобывающая промышленность, включая нефте- и газодобычу	36,0	Обрабатывающая промышленность	32
Транспортная и энергетическая инфраструктура	22,8	Транспортная и энергетическая инфраструктура	18,5
Обрабатывающая промышленность, включая нефтехимию и автомобилестроение	19,0	Горнодобывающая промышленность, включая нефте- и газодобычу	19
Телекоммуникации и ИТ	8,0	Услуги, в том числе финансовые и посреднические	23
Финансовые услуги, страхование, недвижимость	7,0	Телекоммуникации и ИТ	5
Производство возобновляемой энергии	6,0		
Сельское хозяйство и производство продовольствия	1,0		
Прочее	0,2	Прочее	2,5

* По состоянию на начало 2019 г. Оценка и расчёты автора на основе экстраполяции тренда по [China-Latin America Economic Bulletin, 2019; Inter-American Development Bank]

Некоторые надежды на развитие китайско-японского сотрудничества в третьих странах внушают итоги визита С. Абэ в Пекин в октябре 2018 г. Логично, что второй и третьей экономикам мира и двум мощным геополитическим акторам более выгодно видеть друг друга в качестве партнёров, а не соперников, особенно перед лицом нарастающих протекционистских интенций США. Во время встречи с Си Цзиньпином С. Абэ заявил о стремлении Японии взаимодействовать с Китаем и на региональном, и на глобальном уровне по различным инициативам (включая ИПП), а также совместно развивать систему свободной мировой торговли [Общество «Россия–Япония»]. Намерение сторон взаимодействовать на внешних «полях» было подтверждено на Японо-китайском форуме по деловому сотрудничеству в третьих странах в Пекине (2018 г.) и на Японо-китайском семинаре, организованном JETRO и Советом по содействию международной торговле КНР (апрель 2019 г., Бангкок).

Понятно, что некоторые геополитические «красные линии» в двусторонних связях сдвинуты не будут. Ни С. Абэ, ни Си Цзиньпин не собираются смягчать притязания своих стран на острова Сэнкаку/Дяоюйдао. И Япония, вероятно, продолжит поддерживать страны Юго-Восточной Азии, имеющие собственные территориальные претензии к КНР в Южно-Китайском море [A China-Japan Summit With Global Reach]. Но оптимизация экономических связей, сотрудничество с третьими сторонами позволят снизить напряжённость в диалоге двух государств и умерить недружественные настроения по обе стороны Восточно-Китайского моря. К тому же совпадение экономических интересов Японии и Китая в РМ само по себе может создать предпосылку не только к соперничеству, но и сотрудничеству, но только если на то будет политическая воля.

Итак, энергичность международной деятельности Китая, масштабность его финансово-экономической активности в РМ, адресная работа с развивающимися странами как на «индивидуальном» уровне, так и в рамках интернациональных организаций, удачное апеллирование к принадлежности Китая «семье развивающихся государств» обеспечивают эффективность международного курса КНР в отношении многих стран РМ.

В целом, несмотря на наличие у Японии целого ряда сильных сторон, в обозримой перспективе вряд ли Токио может рассчитывать на реальный успех *торговой и финансовой* конкуренции с Пекином в Африке. А вот в более экономически подготовленной Латинской Америке у Японии больше возможностей для высококачественного хозяйственного диалога.

Однако *в политической сфере* дела обстоят несколько сложнее. Именно здесь Китай воспринимает Японию как влиятельнейшего регионального и глобального конкурента.

Япония, похоже, продумывает пути получения на двустороннем уровне или в рамках международных организаций поддержки РМ по вопросам территориальных притязаний к ней со стороны КНР. Пока же 39 африканских стран публично выступили против решения Гаагского суда 2016 г., объявившего незаконными территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море [Connars].

Политические интересы Японии в развивающемся мире обусловлены и стремлением получить голоса его многочисленных представителей в вопросе постоянного членства страны в Совете Безопасности ООН, чему Китай активно сопротивляется. Всё это может стать стимулом для Японии усилить работу с РМ, дабы не допустить новых «ранений» её дипломатического «лица».

Думается, что нарастание геополитического противостояния КНР и Японии в Азии и Индийском океане рано или поздно вынудит Токио предпринять решительный политико-экономический «прорыв» именно в развивающемся мире. По иным векторам Япония, по мнению ряда исследователей, уже находится в наступлении согласно внешнеполитическому курсу правительства С. Абэ [Добринская; Кистанов; Панов; Нелидов; Стрельцов; Yuichi Hosoya].

Возможно, Токио резко интенсифицирует свою активность в ООН, например, с помощью Индии, стран ТТП-11, АСЕАН, да и США. Придётся Японии продумать и новую модель общения с элитами государств РМ, в чём так преуспел Китай. И тогда Африка и ЛА, вероятно, станут «полномасштабным» ареалом противостояния Японии и Китая. А если нормализация китайско-японского диалога обретёт устойчивый характер, то, может, и РМ превратится в поле сотрудничества двух стран? Будущее покажет.

Пока же, при сохранении конфронтационности в японо-китайских отношениях, Китай, расширяя сферы своего влияния в развивающемся мире, тем самым продолжит сужать пространство японского политико-экономического маневра на десятилетия вперед. Можно сказать, что и здесь Китай проявляет стратегию своего внешнего курса, работающего на перспективу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Добринская О.А. О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии // Японские исследования. 2018. № 2. С. 23–37. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10009

Зайцев В. Экономические интересы Японии в Африке. URL: <https://iq.hse.ru/news/177675362.html> (дата обращения: 15.07.2019).

Кистанов В.О. Территориальная дипломатия как фокус внешней политики Японии. URL: <http://ru.apircenter.org/archives/2768> (дата обращения: 15.08.2019).

Ноздрева Р.М. Рыночная экономика и государственное планирование: зарубежный опыт // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 6 (45). С.216-223.

Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // Японские исследования. 2018. № 4. С. 78–91. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

Сафронова Е.И. Китай – развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М.: ИД «Форум», 2018. 336 с.

Сайт Общества «Россия–Япония». URL: <https://russijapansociety.ru/?p=7507> (accessed: 16.08.2019).

Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Восточная литература, 2015. 279 с.

Ханенкова Е. Япония делит Африку с Китаем. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1472619540> (дата обращения: 15.07.2019).

Шитов А.В. Вашингтон готовится победить Пекин на просторах двух океанов. Индо-Тихоокеанская стратегия США и связанные с ней угрозы для безопасности КНР // Независимая газета. 31.01.2019. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2019-01-31/1_1032_strategy.html (дата обращения: 15.08.2019).

A China-Japan Summit with Global Reach. Bloomberg Editorial. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-10-24/china-japan-summit-has-global-significance?srnd=opinion> (дата обращения: 16.08.2019).

Adesina Akinwumi. Africa and India – sharing the development journey. URL: <https://www.ghanabusinessnews.com/2017/05/11/africa-and-india-sharing-the-development-journey/> (дата обращения: 15.08.2019).

Africa–Japan Business Investment Forum attracts key business actors. URL: <https://africanbusinessmagazine.com/press/africa-japan-business-investment-forum-attracts-key-business-actors/> (дата обращения: 15.07.2019).

Al Jazeera news and agencies. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/08/japan-pledges-invest-30bn-africa-160827175912890.html> (дата обращения: 15.07.2019).

Asia-Africa Growth Corridor. Partnership for Sustainable and Innovative development. – A Vision Document. URL: <http://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Document.pdf> (дата обращения: 15.07.2019).

Asia-Africa Report: It's not only about China. URL: <https://africanbusinessmagazine.com/uncategorised/continental/asia-africa-not-china> (дата обращения: 15.07.2019).

Avendano Rolando, Melguizo Angel, Miner Sean. Chinese FDI in Latin America: New Trends with Global Implications. URL: https://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Chinese_FDI_in_Latin_America_web_0626.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Basu Titli. Thinking Africa: India, Japan, and the Asia-Africa Growth Corridor. URL: <https://thediplomat.com/2017/06/thinking-africa-india-japan-and-the-asia-africa-growth-corridor/> (дата обращения: 15.07.2019).

Beri Ruchita. India's New Initiative in Africa: The Asia–Africa Growth Corridor. URL: https://idsa.in/idsacomments/indias-new-initiative-in-africa-asia-africa-growth-corridor_rberi_130617#footnote6_5schlzt (дата обращения: 15.07.2019).

Bharati Mausam. Asia-Africa Growth Corridor (AAGC) – A Game Changer? URL: <https://www.clearias.com/asia-africa-growth-corridor/> (дата обращения: 15.07.2019).

Boguslavskiy Alexey. Japan–China: Fighting for Africa? URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/japan-china-fighting-for-africa/?sphrase_id=30385699 (дата обращения: 15.07.2019).

China invertirá US\$60.000 millones para el desarrollo de África// El Comercio (Lima).03.09.2018. URL: <https://elcomercio.pe/mundo/actualidad/china-xi-jinping-china-invertira-us-60-000-millones-desarrollo-africa-nndc-noticia-553336> (дата обращения: 15.07.2019).

China-Latin America Economic Bulletin 2019 Edition / Global Economic Governance Initiative. URL: <http://www.bu.edu/gdp/files/2019/05/GCI-Bulletin-Final-2019> (дата обращения: 15.08.2019).

Connars Jonathan. Can Japan Challenge China in Africa? URL: <https://thediplomat.com/2016/09/can-japan-challenge-china-in-africa> (дата обращения: 15.07.2019).

Darboe Mustapha. Japan backs African call for UN Security Council reform. URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/japan-backs-african-call-for-un-security-council-reform/591004> (дата обращения: 15.07.2019).

Davidson John D. How China's Expansionist Foreign Policy Threatens the Globe. URL: <https://thefederalist.com/2016/04/12/china-expansionist-foreign-policy> (дата обращения: 16.08.2019).

Dollar David. China's Investment in Latin America. Brookings assessment and analysis. URL: <https://www.brookings.edu/research/chinas-investment-in-latin-america/> (дата обращения: 15.07.2019).

Ferchen Matt, Perera Anarkalee. Why unsustainable Chinese infrastructure deals are two-way-street. URL: <https://carnegietsinghua.org/2019/07/23/why-unsustainable-chinese-infrastructure-deals-are-two-way-street-pub-79548> (дата обращения: 15.07.2019).

FOCAC official website. URL: http://www.focac.org/eng/ltada/dwjbzjjhys_1/t1322068.htm (дата обращения: 15.08.2019).

Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on August 29, 2016. URL:

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1392725.shtml

(дата обращения: 15.07.2019).

GSDRC. Governance, social development, conflict and humanitarian knowledge Center. China's aid to developing countries. URL: https://gsdrc.org/wp-content/uploads/2017/10/177_China_aid.pdf (дата обращения: 15.08.2019).

Inter-American Development Bank. Japan and Latin America and the Caribbean: building a sustainable trans-pacific relationship / Integration and Trade Sector. URL: <https://publications.iadb.org/en/bitstream/handle/11319/3678/Japan%20LAC%2011-6-13final.pdf?sequence=1> (дата обращения: 17.08.2019).

International Trade Center. Trade statistics for international business development. Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Bilateral> (дата обращения: 15.07.2019).

Japan-increases-its-investments-in Africa. Stratfor analysis. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/japan-increases-its-investments-africa> (дата обращения: 18.08.2019).

Jennings Ralph. Japan Slowly Challenges China's Dominance as an Investor in Africa. URL: <http://www.voiceofafrica.tv/en/japan-slowly-challenges-china-s-dominance-as-an-investor-in-africa-d5450> (дата обращения: 15.07.2019).

Kuo Lily. The diplomatic battle between China and Japan is taking a Latin American road trip. URL: <https://qz.com/241137/latin-america-is-china-and-japans-latest-battleground-for-public-opinion/> (дата обращения: 15.07.2019).

METI (Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan). White Paper on International Economy and Trade 2017. P.640. URL: <https://www.meti.go.jp/english/report/data/wp2017/pdf/3-3-1.pdf> (дата обращения: 17.08.2019).

METI (Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan). White Paper on International Economy and Trade 2018. P.604. URL: <https://www.meti.go.jp/english/report/data/wp2018/pdf/3-2-6.pdf> (дата обращения: 17.08.2019).

Mikio Sasaki. About Japan Association of Latin America and the Caribbean (JALAC). URL: <https://latin-america.jp/en/about> (дата обращения: 15.07.2019).

Ministry of Commerce of the People's Republic of China. Statistics on China-Africa Trade in 2018. URL:

<http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/lanmubb/AsiaAfrica/201901/20190102831255.shtml> (дата обращения: 15.08.2019).

Myers Margaret, Akio Hosono. Japanese Engagement with LAC: Advancing Relations in an Era of Uncertainty. URL: <https://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2019/04/Report-Japan-LAC.pdf> (дата обращения: 15.07.2019).

OECD. Organisation for Economic Co-operation and Development. Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries 2019. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/development/geographical-distribution-of-financial-flows-to-developing-countries-2019_fin_flows_dev-2019-en-fr#page52 (дата обращения: 16.08.2019).

O que Japão, Coreia do Sul e China estão à procura na América Latina? URL: <https://br.sputniknews.com/opiniao/2018110812627352-china-japao-coreia-sul-interesse-america-latina/> (дата обращения: 15.07.2019).

Proctor, K. China and Africa: What the U.S. doesn't understand. URL: <http://fortune.com/2013/07/02/china-and-africa-what-the-u-s-doesnt-understand> (дата обращения: 15.08.2019).

Ranjan Atul. JETRO to push Japan-India business collaboration in Africa. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/02/05/national/jetro-push-japan-india-business-collaboration-africa/#.xtmpdp65u1t> (дата обращения: 15.07.2019).

Rivera Yáñez Fausto. Japón se acerca a América Latina// El Telégrafo – noticias del Ecuador y del mundo. 20 de Febrero. URL: <https://www.eltelegrafo.com.ec/noticias/economia/4/japon-se-acerca-a-america-latina> (дата обращения: 15.07.2019).

Rodríguez Aranda Isabel, Leiva Van de Maele Diego. El soft power en la política exterior de China: consecuencias para América Latina. URL: <https://polis.revues.org/9179> (дата обращения: 15.07.2019).

Ryall Julian. Japan to expand Djibouti base despite decline in piracy. URL: <https://www.dw.com/en/japan-to-expand-djibouti-base-despite-decline-in-piracy/a-46356825> (дата обращения: 15.07.2019).

Saki Hayashi. Japan's one-stop shop for Africa projects aims to match China. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-s-one-stop-shop-for-Africa-projects-aims-to-match-China> (дата обращения: 15.07.2019).

Sall Ousmane. Chinese Soft Power in Africa: Case of Senegal // Open Journal of Social Sciences. 2016. № 4. P. 133–142.

Sow, Mariama. Figures of the week: Chinese investment in Africa. Brookings assessment and analysis. URL: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2018/09/06/figures-of-the-week-chinese-investment-in-africa> (дата обращения: 15.08.2019).

Takashi Shiraishi. Special to the Yomiuri Shimbun // The Yomiuri Shimbun. 08.05.2018.

Takashi Shiraishi. What the 'Indo-Pacific' means for Japan. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/what-the-indo-pacific-means-for-japan-the-yomiuri-shimbun> (дата обращения: 15.07.2019).

Taku Miyazaki. How Japan's Investment in Africa is on the Rise. URL: <http://africabusiness2020.com/2018/08/06/japans-investment-africa-rise> (дата обращения: 15.07.2019).

The Sixth TICAD and Chinese Reservations on Japanese Pledged Development Aid to Africa. URL: <http://www.thisdaylive.com/index.php/2016/09/04/the-sixth-ticad-and-chinese-reservations-on-japanese-pledged-development-aid-to-africa/> (дата обращения: 15.07.2019).

TICAD VI Nairobi Declaration. Advancing Africa's sustainable development agenda TICAD partnership for prosperity. URL: https://www.mofa.go.jp/af/af1/page3e_000543.html (дата обращения: 15.07.2019).

Tokyo International Conference on African Development (TICAD) Ministerial Meeting (Overview). October, 7. 2018. URL: https://www.mofa.go.jp/af/af1/page23e_000535.html (дата обращения: 15.07.2019).

UNCTAD. World Investment Report 2017. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

UNCTAD. World Investment Report 2018. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

UNCTAD. World Investment Report 2019. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

US Department of Defense. Indo-Pacific Strategy Report-2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (дата обращения: 15.07.2019).

Why this time Japan means business. URL: <https://africanbusinessmagazine.com/company-profile/ticad/time-japan-means-business/> (дата обращения: 15.07.2019).

World Bank. World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 15.07.2019).

Yokohama Declaration 2013. Hand in Hand with a More Dynamic Africa. URL: https://www.mofa.go.jp/region/page3e_000053.html (дата обращения: 15.07.2019).

Yuichi Hosoya. Why Abe's Global Strategy is important: Japan's Foreign and Security Policy under Prime Minister Shinzo Abe. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/why-abes-global-strategy-important-japans-foreign-and-security-policy-under-prime-minister-shinzo-abe-16181> (дата обращения: 14.08.2019).

Yun Sun. Inserting Africa into China's One Belt, One Road strategy. Brookings assessment and analysis. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/africa-in-focus/posts/2015/03/02-africa-china-jobs-infrastructure-sun> (дата обращения: 15.08.2019).

Yun Sun. Rising Sino-Japanese competition in Africa. Brookings assessment and analysis. URL: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2016/08/31/rising-sino-japanese-competition-in-africa/> (дата обращения: 15.07.2019).

Zhixing Zhang. China Takes an Expansionist View of Geopolitics. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/china-takes-expansionist-view-geopolitics> (дата обращения: 15.08.2019).

REFERENCES

A China-Japan Summit with Global Reach. Bloomberg Editorial, URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-10-24/china-japan-summit-has-global-significance?srnd=opinion> (accessed: 16 August 2019).

Adesina Akinwumi (2017). Africa and India – sharing the development journey, URL: <https://www.ghanabusinessnews.com/2017/05/11/africa-and-india-sharing-the-development-journey/> (accessed: 15 August 2019).

Africa-Japan Business Investment Forum attracts key business actors, URL: <https://africanbusinessmagazine.com/press/africa-japan-business-investment-forum-attracts-key-business-actors/> (accessed: 15 July 2019).

Al Jazeera news and agencies, URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/08/japan-pledges-invest-30bn-africa-160827175912890.html> (accessed: 15 July 2019).

Asia-Africa Growth Corridor. Partnership for Sustainable and Innovative development. – A Vision Document, URL: <http://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Documents.pdf> (accessed: 15 July 2019).

Asia-Africa Report: It's not only about China, URL: <https://africanbusinessmagazine.com/uncategorised/continental/asia-africa-not-china> (accessed: 15 July 2019).

Avendano, Rolando; Melguizo, Angel; Miner, Sean (2017). Chinese FDI in Latin America: New Trends with Global Implications, URL: https://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Chinese_FDI_in_Latin_America_web_0626.pdf (accessed: 15 July 2019).

Basu, Titli (2017). Thinking Africa: India, Japan, and the Asia-Africa Growth Corridor, URL: <https://thediplomat.com/2017/06/thinking-africa-india-japan-and-the-asia-africa-growth-corridor/> (accessed: 15 July 2019).

Beri, Ruchita (2017). India's New Initiative in Africa: The Asia-Africa Growth Corridor, URL: https://idsa.in/idsacomments/indias-new-initiative-in-africa-asia-africa-growth-corridor_rberi_130617#footnote6_5schlzt (accessed: 15 July 2019).

Bharati, Mausam (2017). Asia-Africa Growth Corridor (AAGC) – A Game Changer? URL: <https://www.clearias.com/asia-africa-growth-corridor/> (accessed: 15 July 2019).

Boguslavskiy, Alexey (2017). Japan-China: Fighting for Africa? URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/japan-china-fighting-for-africa/?sphrase_id=30385699 (accessed: 15 July 2019).

China invertirá US\$60.000 millones para el desarrollo de África, El Comercio (Lima), 3 de Septiembre, 2018, URL: <https://elcomercio.pe/mundo/actualidad/china-xi-jinping-china-invertira-us-60-000-millones-desarrollo-africa-nndc-noticia-553336> (accessed: 15 July 2019). (In Spanish).

China-Latin America Economic Bulletin 2019 Edition / Global Economic Governance Initiative, URL: <http://www.bu.edu/gdp/files/2019/05/GCI-Bulletin-Final-2019> (accessed: 15 August 2019).

Connars, Jonathan (2016). Can Japan Challenge China in Africa? URL: <https://thediplomat.com/2016/09/can-japan-challenge-china-in-africa> (accessed: 15 July 2019).

Darboe, Mustapha (2016). Japan backs African call for UN Security Council reform, URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/japan-backs-african-call-for-un-security-council-reform/591004> (accessed: 15 July 2019).

Davidson, John D. (2016). How China's Expansionist Foreign Policy Threatens the Globe, URL: <https://thefederalist.com/2016/04/12/china-expansionist-foreign-policy> (accessed: 16 August 2019).

Dobrinskaya O.A. (2018). O nekotorykh aspektakh evolyucii vneshney politiki Yaponii [On Some Aspects of Evolution of Japan's Foreign Policy], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2: 23-37. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10009

Dollar, David (2017). China's Investment in Latin America. Brookings assessment and analysis, URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/01/fp_201701_china_investment_lat_am.pdf (accessed: 15 July 2019).

Ferchen, Matt; Perera, Anarkalee (2019). Why unsustainable Chinese infrastructure deals are two-way-street, URL: <https://carnegietsinghua.org/2019/07/23/why-unsustainable-chinese-infrastructure-deals-are-two-way-street-pub-79548> (accessed: 15 July 2019).

FOCAC official website, URL: http://www.focac.org/eng/ltada/dwjbzbjzhys_1/t1322068.htm (accessed: 15 August 2019).

Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on August 29, 2016, URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1392725.shtml (accessed: 15 July 2019).

GSDRC. Governance, social development, conflict and humanitarian knowledge Center. China's aid to developing countries, URL: https://gsdrc.org/wp-content/uploads/2017/10/177_China_aid.pdf (accessed: 15 August 2019).

Hanenkova, E. (2016). Yaponiya delit Afriku s Kitaem [Japan shares Africa with China], URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1472619540> (accessed: 15 July 2019). (In Russian).

Hayashi, Saki (2019). Japan's one-stop shop for Africa projects aims to match China, URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-s-one-stop-shop-for-Africa-projects-aims-to-match-China> (accessed: 15 July 2019).

Hosoya, Yuichi (2017). Why Abe's Global Strategy is important: Japan's Foreign and Security Policy under Prime Minister Shinzo Abe, URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/why-abes-global-strategy-important-japans-foreign-and-security-policy-under-prime-minister-shinzo-abe-16181> (accessed: 14 August 2019).

Inter-American Development Bank. Japan and Latin America and the Caribbean: building a sustainable trans-pacific relationship / Integration and Trade Sector, URL: <https://publications.iadb.org/en/bitstream/handle/11319/3678/Japan%20LAC%2011-6-13final.pdf?sequence=1> (accessed: 17 August 2019).

International Trade Center. Trade statistics for international business development. Trade Map, URL: <https://www.trademap.org/Bilateral> (accessed: 15 July 2019).

Japan-increases-its-investments-in Africa. Stratfor analysis, URL: <https://worldview.stratfor.com/article/japan-increases-its-investments-africa> (accessed: 18 August 2019).

Jennings, Ralph (2018). Japan Slowly Challenges China's Dominance as an Investor in Africa, URL: <http://www.voiceofafrica.tv/en/japan-slowly-challenges-china-s-dominance-as-an-investor-in-africa-d5450> (accessed: 15 July 2019).

Kistanov V.O. (2013). Territorial'naya diplomatiya kak fokus vneshney politiki Yaponii [Territorial diplomacy as the focus of Japan's foreign policy], URL: <http://ru.apircenter.org/archives/2768> (accessed: 15 August 2019). (In Russian).

Kuo, Lily (2014). The diplomatic battle between China and Japan is taking a Latin American road trip, URL: <https://qz.com/241137/latin-america-is-china-and-japans-latest-battleground-for-public-opinion/> (accessed: 15 July 2019).

METI (Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan). White Paper on International Economy and Trade 2017: 640, URL: <https://www.meti.go.jp/english/report/data/wp2017/pdf/3-3-1.pdf> (accessed: 17 August 2019).

METI (Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan). White Paper on International Economy and Trade 2018: 604, URL: <https://www.meti.go.jp/english/report/data/wp2018/pdf/3-2-6.pdf> (accessed: 17 August 2019).

Ministry of Commerce of the People's Republic of China. Statistics on China-Africa Trade in 2018, URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/lanmubb/AsiaAfrica/201901/20190102831255.shtml> (accessed: 15 August 2019).

Miyazaki, Taku (2018). How Japan's Investment in Africa is on the Rise, URL: <http://africabusiness2020.com/2018/08/06/japans-investment-africa-rise> (accessed: 15 July 2019).

Myers, Margaret; Hosono, Akio (2019). Japanese Engagement with LAC: Advancing Relations in an Era of Uncertainty, URL: <https://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2019/04/Report-Japan-LAC.pdf> (accessed: 15 July 2019).

Nozdreva, R.M. (2015). Rynohnaya ekonomika i gosudarstvennoye planirovaniye: zarubezhnyy opyt [The Market economy and state planning: foreign experience], *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 6(45): 216-223. (In Russian).

OECD. Organisation for Economic Co-operation and Development. Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries 2019, URL: https://read.oecd-ilibrary.org/development/geographical-distribution-of-financial-flows-to-developing-countries-2019_fin_flows_dev-2019-en-fi#page52 (accessed: 16 August 2019).

O que Japão, Coreia do Sul e China estão à procura na América Latina? URL: <https://br.sputniknews.com/opinioao/2018110812627352-china-japao-coreia-sul-interesse-america-latina/> (accessed: 15 July 2019). (In Portuguese).

Panov, A.N., Nelidov, V.V. (2018). Vneshnyaya politika Yaponii v kontekste voyenno-politicheskoy obstanovki v Severo-Vostochnoy Azii [Japan's foreign policy in the context of military-political situation in North East Asia], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4: 78–91. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

Proctor, K. (2013). China and Africa: What the U.S. doesn't understand, URL: <http://fortune.com/2013/07/02/china-and-africa-what-the-u-s-doesnt-understand> (accessed: 15 August 2019).

Ranjan, Atul (2017). JETRO to push Japan-India business collaboration in Africa, URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/02/05/national/jetro-push-japan-india-business-collaboration-africa/#.xtmpdp65u1t> (accessed: 15 July 2019).

Rivera Yáñez, Fausto (2018). Japón se acerca a América Latina, El Telégrafo – noticias del Ecuador y del mundo, 20 de Febrero, URL: <https://www.eltelegrafo.com.ec/noticias/economia/4/japon-se-acerca-a-america-latina> (accessed: 15 July 2019). (In Spanish).

Rodríguez Aranda, Isabel; Leiva Van de Maele, Diego (2013). El soft power en la política exterior de China: consecuencias para América Latina, URL: <https://polis.revues.org/9179> (accessed: 15 July 2019). (In Spanish).

Ryall, Julian (2018). Japan to expand Djibouti base despite decline in piracy, URL: <https://www.dw.com/en/japan-to-expand-djibouti-base-despite-decline-in-piracy/a-46356825> (accessed: 15 July 2019).

Safronova, E.I. (2018). Kitay – razvivayushchiysya mir: kontseptsii i aktual'naya praktika otnosheniy (na primere Afriki i Latinskoy Ameriki) [China and the Developing World: concepts and modern practice of relations in the case of Africa and Latin America], Moscow: «Forum» PH. (In Russian).

Sall, Ousmane (2016). Chinese Soft Power in Africa: Case of Senegal, *Open Journal of Social Sciences*, 4: 133–142.

Sasaki, Mikio (2019). About Japan Association of Latin America and the Caribbean (JALAC), URL: <https://latin-america.jp/en/about> (accessed: 15 July 2019).

Sayt Obshchestva «Rossiya-Yaponiya» [The "Russia-Japan" Society Website], URL: <https://russijapansociety.ru/?p=7507> (accessed: 16 August 2019). (In Russian).

Shiraishi, Takashi (2018). Special to The Yomiuri Shimbun, The Yomiuri Shimbun, 8 May.

Shiraishi, Takashi (2018). What the 'Indo-Pacific' means for Japan, URL: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/what-the-indo-pacific-means-for-japan-the-yomiuri-shimbun> (accessed: 15 July 2019).

Shitov, A.V. (2019). Vashington gotovitsya pobedit' Pekin na prostorakh dvukh okeanov. Indo-Tikhookeanskaya strategiya SShA i svyazannyye s ney ugrozy dlya bezopasnosti KNR [Washington prepares to defeat Beijing on the waters of two oceans. Indo-Pacific strategy of the United States and related threats to the security of the PRC], *Nezavisimaya gazeta* [The Independent Gazette], 31 January 2019, URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2019-01-31/1_1032_strategy.html (accessed: 15 August 2019). (In Russian).

Sow, Mariama (2018). Figures of the week: Chinese investment in Africa. Brookings assessment and analysis, URL: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2018/09/06/figures-of-the-week-chinese-investment-in-africa> (accessed: 15 August 2019).

Streltsov D.V. (2015.) Vneshnepoliticheskiye prioritety Yaponii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Japan's foreign policy priorities in the Asia-Pacific region], Moscow: Vostochnaya literatura [Eastern literature].

The Sixth TICAD and Chinese Reservations on Japanese Pledged Development Aid to Africa, URL: <http://www.thisdaylive.com/index.php/2016/09/04/the-sixth-ticad-and-chinese-reservations-on-japanese-pledged-development-aid-to-africa/> (accessed: 15 July 2019).

TICAD VI Nairobi Declaration. Advancing Africa's sustainable development agenda TICAD partnership for prosperity, URL: https://www.mofa.go.jp/af/af1/page3e_000543.html (accessed: 15 July 2019).

Tokyo International Conference on African Development (TICAD) Ministerial Meeting (Overview), 7 October 2018, URL: https://www.mofa.go.jp/af/af1/page23e_000535.html (accessed: 15 July 2019).

UNCTAD. World Investment Report 2017, URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf (accessed: 15 July 2019).

UNCTAD. World Investment Report 2018, URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf (accessed: 15 July 2019).

UNCTAD. World Investment Report 2019, URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (accessed: 15 July 2019).

US Department of Defense. Indo-Pacific Strategy Report-2019, URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (accessed: 15 July 2019).

Why this time Japan means business, URL: <https://africanbusinessmagazine.com/company-profile/ticad/time-japan-means-business/> (accessed: 15 July 2019).

World Bank. World Integrated Trade Solution (WITS), URL: <https://wits.worldbank.org> (accessed: 15 July 2019).

Yokohama Declaration 2013. Hand in Hand with a More Dynamic Africa, URL: https://www.mofa.go.jp/region/page3e_000053.html (accessed: 15 July 2019).

Yun Sun (2015). Inserting Africa into China's One Belt, One Road strategy. Brookings assessment and analysis, URL: <http://www.brookings.edu/blogs/africa-in-focus/posts/2015/03/02-africa-china-jobs-infrastructure-sun> (accessed: 15 August 2019).

Yun Sun (2016). Rising Sino-Japanese competition in Africa. Brookings assessment and analysis. URL: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2016/08/31/rising-sino-japanese-competition-in-africa/> (accessed: 15 July 2019).

Zaycev, V. (2009). Ekonomicheskiye interesy Yaponii v Afrike [Japan's economic interests in Africa], URL: <https://iq.hse.ru/news/177675362.html> (accessed: 15 July 2019) (In Russian).

Zhang, Zhixing (2017). China Takes an Expansionist View of Geopolitics, URL: <https://worldview.stratfor.com/article/china-takes-expansionist-view-geopolitics> (accessed: 15 August 2019).

Поступила в редакцию 31.07.2019

Received 31 July 2019

Для цитирования: Сафронова Е.И. К вопросу о соперничестве Японии и Китая в Африке и Латинской Америке // Японские исследования. 2019. № 3. С. 84–111. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10022

For citation: Safronova E.I. (2019). K voprosu o sopernichestve Yaponii i Kitaya v Afrike i Latinskoy Amerike [On the Japan-China rivalry in Africa and Latin America], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 3: 84–111. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10022

Японские исследования. 2019. №3. С. 112–127.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 112–127.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10023

Взгляды Мисима Юкио на послевоенное устройство Японии в ранней эссеистике на примере эссе «Рассуждение о новом фашизме»

А.В. Маслова

Аннотация. В статье рассматриваются политические воззрения Мисима Юкио (1925–1970), широко известного японского писателя послевоенного периода, высказанные им в ранний период творчества. Несмотря на разнообразие работ, посвящённых художественному творчеству Мисима, в настоящий момент исследований, касающихся особенностей политических взглядов писателя, относительно мало в зарубежной и отечественной историографии. В основном исследователи анализируют произведения 1960-х годов, когда писатель обращается к ультраправой версии патриотизма и пишет на эту тему ряд эссе. В данный период Мисима начинает активнее проявлять себя в политической жизни Японии: встречается с представителями студенческих движений, которые устраивают масштабные демонстрации в Токио, создаёт и тренирует собственную военно-политическую организацию «Общество щита» в 1968 г.

Для комплексного изучения ранних политических взглядов писателя в качестве основного источника было выбрано эссе «Рассуждение о новом фашизме» (1954), написанное через два года после окончания оккупации Японии. Данная работа Мисима положила начало политическим размышлениям писателя, в частности над феноменом японского фашизма. Творческая интеллигенция в этот период активно участвовала в обсуждении политической повестки. Особенно ярко выступали представители левых идей, которые быстро приобрели популярность в среде интеллигенции и общественности. Им удалось возобновить политическую дискуссию, которая стала постепенно угасать из-за введения новых цензурных запретов в период американской оккупации, в том числе на тему фашизма. Данная работа Мисима представляет собой довольно смелое высказывание в адрес не только набравших популярность коммунистов, но и в адрес американского штаба, провозгласившего новые порядки на всей территории Японии. «Рассуждение о новом фашизме» носит теоретический характер и не содержит политических побудительных призывов, которые позже будут характерны для деятельности и творчества Мисима. В эссе он пытается теоретически опровергнуть мнение коммунистов относительно возможности возрождения идей японского фашизма. Перевод эссе «Рассуждение о новом фашизме» на русский язык выполнен автором данной статьи.

Ключевые слова: история Японии XX века, послевоенный период, американская оккупация, Мисима Юкио, цензура, японская интеллигенция, японские писатели, японский фашизм.

Автор: Маслова Анастасия Васильевна, студентка 1 курса магистратуры Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, сотрудник отдела поддержки исследований Научной библиотеки РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: maslova-av@ranepa.ru

Mishima Yukio's perception of the post-war state structure of Japan on the example of the essay “The Reasoning on the New Fascism”

A.V. Maslova

Abstract. The article is devoted to Mishima Yukio's perception of the transformations of the Japanese state in the early postwar period. There are relatively few studies concerning the peculiarities of the writer's political views in historiography. Basically, the researchers turn to the analysis of the works created by him in the 1960s, when the writer turns to the far-right version of patriotism. In this period, Mishima begins to manifest himself in the political life of Japan. He meets with representatives of student movements who organize large-scale demonstrations in Tokyo, establishes and trains his own military-political organization “Shield Society” in 1968.

For a comprehensive study of Mishima's early political views, the author chooses the essay “The Reasoning on the New Fascism” (1954). Mishima wrote the essay two years after the end of the occupation of Japan. The essay marked the beginning of political reflections of the writer. In the essay, the writer reflected on the phenomenon of Japanese fascism. Creative intelligentsia of this period actively participated in political discussions. Exponents of leftist ideas quickly gained popularity among the intelligentsia and the public. They resumed the political debate that had faded due to new censorship restrictions introduced under the American occupation, including that on the theme of fascism. In his essay, Mishima Yukio tries to refute the opinion of the Japanese Communists about the possibility of revival of fascist ideas in Japan. The essay “The Reasoning on the New Fascism” is a theoretical work and does not contain the political motives characteristic of the later activities of Mishima. Translation of the essay “The Reasoning on the New Fascism” into Russian language has been made by the author of this article.

Keywords: post-war period in Japan, American occupation, Mishima Yukio, censorship, Japanese intelligentsia, Japanese writers, Japanese fascism.

Author: Maslova Anastasia V., student of the Institute for Social Science and librarian of the Research Support Department of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: maslova-av@ranepa.ru

Мисима Юкио – широко известный японский писатель, который прославился благодаря таланту описывать человеческие судьбы и взаимоотношения особым образом, проявляя в героях своих произведений тайные, порой пугающие черты и мотивы. Творчество Мисима не раз становилось предметом литературоведческих исследований, посвящённых особенностям авторского стиля и эстетики произведений писателя. Исследователи обычно различают два основных периода его творчества: ранний и поздний [Flanagan, 2014]. На раннем этапе Мисима развивает свою основную концепцию Прекрасного. Понятие Прекрасного является важнейшим символом всего творчества Мисима, но на раннем этапе оно имеет некоторое абстрактное выражение. Герой ранних произведений Мисима, столкнувшись с Прекрасным, под его довлеющим влиянием разрушает себя и свой привычный мир. В конечном итоге герой, встретив Прекрасное, вынужден отказаться от всего человеческого и пожертвовать собой во имя красоты [Чанцев, 2009, с. 39]. В поздний период творчества Мисима облекает абстрактное Прекрасное в более конкретные формы,

писатель видит Прекрасное в патриотизме, который возможен только при безоговорочной вере и любви к императору [Flanagan, 2014, p. 139].

Несмотря на то, что творчество Мисима Юкио в целом ценится благодаря своей уникальной художественной эстетике, для того чтобы иметь возможность изучить политические воззрения писателя через призму литературного творчества, в данной статье анализу стилистических особенностей отводится вспомогательная роль. Помимо художественных произведений, Мисима писал эссе, в которых высказывался на политические темы. Эссе были написаны с целью донести до читателя его мнение по актуальным вопросам своего времени, они соответствовали обстановке, сложившейся в политической и культурной сферах японского общества в послевоенный период. Исследования, в которых рассматривается эссеистика Мисима и его политические взгляды, посвящены позднему периоду писательской карьеры, когда Мисима развивает своё понимание патриотизма и японского государственного устройства, основанного на традиционных учениях [Фесюн, вступ. ст., Голоса духов героев, 2002, с. 5–9]. Попытки рассмотреть комплексные истоки политических воззрений писателя в ранней эссеистике на данный момент не осуществлялись в российском научном сообществе. Политические воззрения писателя позднего периода в целом интерпретируются по материалам следующих эссе.

Рассказ-эссе «Голоса духов героев» (1966) – первое произведение, в котором прослеживаются особые патриотические искания Мисима. В рассказе описан спиритический сеанс, на котором духи молодых офицеров февральского восстания 1936 г., известного как *Нинироку дзикэн*, и пилотов-камикадзе Второй мировой войны упрекают императора, который отрёкся от своей божественной сути [Мисима Юкио. Голоса духов героев, 2002, с. 76]. «Голоса духов героев» – первое художественное произведение с явным политическим подтекстом, которое вызвало реакцию со стороны политических кругов. Японская коммунистическая газета «Красное знамя» осудила рассказ за правую риторику. Но с ещё бóльшим недовольством выступили правые радикалы, которых не устраивала критика императора, описанная в рассказе.

В сентябре 1967 г. Мисима Юкио дал комментарий к трактату «Хагакурэ» в работе «Хагакурэ нюмон». Трактат Ямамото Дзётё (1659–1719), по мнению Мисима, не потерял своей актуальности в послевоенный период, напротив, в нём изложены идеи, которые способны спасти постепенно угасающую японскую национальную идею [Книга самурая, с. 193]. Главная формула трактата «Хагакурэ» заключается в словах: «Путь самурая – это смерть». В комментарии Мисима проводит параллели между временами Дзётё и современными политическими событиями. Он писал, что в послевоенный период, лишившись возможности иметь собственную армию, возможности героически умереть за свою родину, японцы утратили идентичность: «Среднестатистическая продолжительность жизни стала самой большой в истории, и поэтому неудивительно, что многие столкнулись с её монотонностью и скукой. Мы забываем, что присутствие смерти на уровне подсознания является важным условием душевного здоровья» [Книга самурая, с. 184]. Последствия нереализованного стремления молодых японцев к смерти Мисима видит в студенческих демонстрациях, связанных с продлением Договора о безопасности. Демонстрации в свою очередь разрушают и так нестабильное единство людей в послевоенный период.

Для Мисима важным фактором политической стабильности и национального благополучия является армия, в которой в человеке воспитывается чувство долга перед родиной. В эссе «Солнце и сталь» (1968) Мисима описывает истоки своих патриотических убеждений, которыми стали посмертные записки пилотов-камикадзе. Для Мисима эти люди – подлинные герои, физически подготовленные, чтобы принять смерть как реальность [Mishima Yukio, *Sun and Steel*, 2003, p. 75]. Подытожив свои размышления, Мисима приходит к выводу о том, что настоящим патриотом можно стать, лишь отказавшись от своей индивидуальности, примкнув к какой-либо военной группе. В том же году Мисима создал собственную военизированную организацию «Общество щита», формальной целью которой было охранять императорскую семью и помогать Силам самообороны Японии в борьбе с политической угрозой левых движений. Для Мисима основной целью создания данной организации являлась защита императора, но не только как личности, но и как культурной категории.

В 1968 г. вышло очередное политическое эссе «В защиту культуры», наброски которого Мисима сделал во время первого пребывания в военном лагере вместе с членами «Общества щита». В нём утверждалось, что японцы являются таковыми, благодаря японской культуре, а император является единственным гарантом и источником этой культуры. В связи с этим защита императора является защитой самой японской культуры и даже самозащитой от западного влияния и разрушения национальных интересов [Мисима Юкио, *В защиту культуры*, 2002, с. 145]. Писатель полагал, что изначально традиционно японские национальные идеалы были разрушены политикой оккупационного штаба. Истинная японская традиционная культура была заменена на «культурничество», принципы которого в постоккупационный период подхватили социалисты и перенесли в свою политическую программу Социалистической партии [Мисима Юкио, *В защиту культуры*, 2002, с. 133]. Главные признаки культурничества Мисима видит в том, что свобода общественного мнения и демократизация, которая наступила в послевоенный период, «...привносит в культуру процесс гниения, лишает культуру иерархичности, нивелируя её творческий и традиционный характер, не давая взамен ничего лучшего» [Мисима Юкио, *В защиту культуры*, 2002, с. 166]. Мисима считал, что новая конституция Японии превратила императора из культурной категории в обычного политического монарха по западному образцу. Для того, чтобы вернуть японской культуре прежнее национальное чувство, необходимо вернуть императору право верховного командования, которым он владел по прежней конституции Мэйдзи, и возродить военную службу в армии [Мисима Юкио, *В защиту культуры*, 2002, с. 168–186].

Обозначенные эссе, которые используются в рамках исследований политических взглядов Мисима, обычно приводятся в качестве иллюстрации для описания событий 25 ноября 1970 г., когда вместе с членами «Общества щита» Мисима захватил военную базу в районе Итигая, чтобы обратиться с политическим призывом к солдатам Сил самообороны Японии. Как известно, акция закончилась ритуальным самоубийством писателя, что получило большой резонанс не только в СМИ, но и в политических кругах, особенно среди тех, кто поощрял и поддерживал инициативу создания его личной армии. Большинство исследователей считают, что эссеистика писателя играет второстепенную роль в репрезентации его взглядов, поскольку Мисима задумывал последнее выступление в большей степени по личным мотивам, чем по политическим [Stokes, 2000, p. 89].

Эта точка зрения представляется дискуссионной, поскольку Мисима был не просто знаком с политической повесткой послевоенных лет, но также являлся важным участником политических процессов. Для того чтобы проследить развитие политических взглядов Мисима, необходимо обратиться к раннему периоду, когда писатель закладывал ключевые понятия для интерпретации политической повестки послевоенной Японии. В связи с этим эссе «Рассуждение о новом фашизме» можно рассматривать в качестве первой явной попытки Мисима сформулировать мнение относительно политической ситуации в стране. Эссе было написано через два года после окончания оккупации, в 1954 г. За семь лет работы оккупационного штаба, с 1945 по 1952 г., в Японии были проведены масштабные демократические преобразования: освобождены политические заключенные, разрешена деятельность оппозиционных партий и профсоюзов, вступила в силу новая Конституция. Помимо реформ, американский штаб выдвинул японской стороне ряд требований, первыми из которых стали отказ императора от своей божественной сущности и отказ Японии от возможности когда-либо иметь собственную армию.

Были и другие меры в отношении японских граждан, которые отразились на судьбе пишущей интеллигенции послевоенного периода. В их числе был запрет на выезд за границу и цензурные требования, которые существенно отличались от запретов военного и довоенного периода. В эпоху Мэйдзи цензура регламентировалась законами, поэтому нарушение цензурных требований, например, публикация текстов, оскорбляющих личность императора, влекло юридическую ответственность. В оккупационный период существование цензуры не признавалось американскими властями официально. Цензура осуществлялась с помощью тщательно выстроенного аппарата с сентября 1945 по сентябрь 1949 г. и распространялась на СМИ и литературу – газеты, журналы, книги и учебники, радиопередачи, кинофильмы и пьесы, включая классический репертуар. Несмотря на официальную отмену в 1949 г., цензура продолжала существовать до 1952 г. [Dower, 1999, p. 408]. От цензуры в оккупационный период пострадали выдающиеся литераторы, например, Танидзаки Дзюнъитиро (1886–1965). Его произведение «Письма госпожи А.» подверглось цензуре со стороны оккупационного штаба за поощрение милитаризма. Сюжет произведения раскрывается через письма, которые женщина отправляет своему возлюбленному офицеру-пилоту на фронт. Автор использует особенный стиль, который включает в себя также и традиционный японский жанр – *моногатари*. Романтизация истории об офицере-пилоте и миссии, которую он выполнял в военное время, показалась цензорам недопустимой для печати [Abel, 2012, p. 121–124].

Среди других выдающихся литераторов, пострадавших от цензуры, и будущий лауреат Нобелевской премии Кавабата Ясунари (1899–1972), наставник Мисима Юкио, произведения которого были выдержаны в особой традиционной стилистике и посвящены событиям японской истории [Мещеряков, 2009, с. 374–375]. Мисима также вспоминал о цензуре в эссе «Фусэдзи» (1950). В нём он описывал момент гордости, когда редактор школьной газеты не пропустил его стихотворение из-за «недопустимых выражений» [Abel, 2012, p. 196]. Помимо этого, среди тем, которые подвергались цензуре, были следующие: критика победителей, критика США и оккупационной власти, критика военного трибунала, пропаганда милитаризма, фашизма и идеи божественного возникновения японской нации, упоминание о цензуре, подстрекательства к насилию, упоминание о голоде и «чёрном рынке» [Gordon, 1993, p. 398].

Интеллигенция слабо противостояла американским цензурным запретам. Одним из методов, который предотвращал публикацию подобных текстов, было прекращение поставки бумаги для печати, тогда наказание распространялось не только на самого автора, но и на издательство [Dower, 1999, p. 407–408]. Вместо открытой реакции на цензуру в Японии стал популярен формат извинений. Из уст представителей власти и интеллигенции звучали следующие фразы: «коллективная ответственность», «глубокое раскаяние» и «истинное сожаление» [Yoshida, 1961, с. 143]. Представители интеллигенции раскаивались, поскольку чувствовали свою ответственность за то, что они не смогли противостоять войне. Более того, многие из них ощущали вину за сотрудничество с фашистскими организациями. Самыми сокрушающимися среди интеллектуалов были те, кто предал коммунистическое движение в 1930-е годы, зачастую из-за полицейского давления. Это стало одной из причин небывалого авторитета марксизма в послевоенный период. Социалистические лозунги набирали популярность среди интеллектуалов и студентов. Многие представители творческой элиты присоединились к социалистическому движению и вступили в коммунистическую партию. Среди них были писатели Абэ Кобо (1924–1993), Нома Хироси (1915–1991), Акита Удзюку (1883–1962), Иноуэ Мицухару (1926–1992). Многими из них марксизм воспринимался в качестве гуманистического учения, способного устранить угрозу возрождения фашизма и милитаризма в послевоенный период.

Мисима Юкио, в противовес всеобщему раскаянию, опубликовал эссе, в котором попытался объяснить причины возникновения фашизма в Японии и описать его особенности. В рассуждениях Мисима впервые подчеркивает своё отношение к дискуссии об истоках фашизма в Японии, которую возродили коммунисты в послевоенный период. В первые годы после оккупации между японскими марксистами-историками возник спор о характере реставрации Мэйдзи и последующем развитии японского капитализма. Среди них были те, кто считал, что реставрация Мэйдзи является буржуазной революцией, которая утвердила основы классового неравенства. Они полагали, что возникновение в Японии фашистских организаций являлось следствием этого неравенства и способом защиты японского капитализма от угрозы социально-экономической революции. Переход к фашизму был вызван кризисом монополистической стадии капитализма. Подобную модель перехода к фашистскому режиму британский коммунист Палм Датт (1896–1974) в работе «Фашизм и социальная революция» обосновал для Италии и Германии [Wilson, 1968, p. 402].

Мисима спорит с марксистами, используя их основной теоретический аргумент – работу Датта, для обоснования тезиса о том, что фашизм – западноевропейское явление, не имеющее ничего общего с ситуацией в Японии в начале XX века. Датт писал, что фашизм может существовать только в противопоставлении социализму и капитализму, он не является самостоятельной идеологией [Датт, 1935, с. 18–20]. Текст Датта хоть и является классическим, но, по мнению писателя, он лишь закрепляет устаревшие формы рассуждения материалистической диалектики. Мисима считал, что пренебрежительное отношение к фашизму со стороны коммунистов не имеет под собой оснований. В подтверждение этого Мисима приводит слова Джованни Джентиле о том, что фашизм является выражением «воли немногих – поэтов, мыслителей, политических теоретиков», которая «управляет историей» (см. «Рассуждение о новом фашизме»). Мисима считал, что коммунизм и фашизм – по сути одинаковые явления, которые относятся к форме «идеологической политики». Под этим термином Мисима понимает следующее: «...главная особенность идеологической политики

заключается в том, что идеи и воззрения отдельной личности получают реализацию в действительности, а власть становится не технической, а систематичной» (см. «Рассуждение о новом фашизме»).

Мисима считал, что фашизм как феномен западноевропейской цивилизации возник и распространился из философии Ницше и растущего нигилизма в обществе. Нигилизм опасен своей деструктивной силой, но отрицающего всё и замкнутого в себе нигилиста может спасти идеология или чувство прекрасного. Европа выбрала путь идеологии, тогда как японцы, напротив, выбрали идеалы прекрасного. Объясняющая сила идеологии строится на основании идей определённого человека, будь то Маркс или Гитлер, неважно. Эта сила не вечна, по мнению писателя, и имеет ряд неразрешимых противоречий. В отличие от силы любви к прекрасному, которая исходит из японского единства и выражается в национальных традициях, учениях, в трактатах воинов-самураев, фашизм является искусственным продуктом своей эпохи, в основании которого лежат теоретические рассуждения людей. Тогда как в Японии государственная философия базируется на традиционных учениях о естественном происхождении императорской власти (см. «Рассуждение о новом фашизме»).

Японские социалисты, которые поддерживали позицию Палма Датта, считали, что роль интеллигенции в процессе установления фашистского режима в Японии была одной из основных. Интеллигенция, которая позволила задавить социалистическую мысль в Японии, была слишком озабочена сохранением позиций финансового капитала, в связи с чем не смогла повлиять на ход событий и пропустила фашистскую угрозу. Мисима, напротив, считал, что интеллигенция не поддерживала фашизм в Японии: «...так называемые японские фашисты не имели союзников среди интеллигенции. Японская франтоватая интеллигенция не пошла за ними, распевая китайские стихи в хаори и хакама с фамильным гербом, нацепив на голову повязку с солнечным кругом» (см. «Рассуждение о новом фашизме»). Интеллигенция, по мнению Мисима, подчинялась национальным традициям, а не лозунгам фашистской пропаганды, становясь в одни ряды с солдатами, она отстаивала императорский режим и национальные интересы каждого японца. Идеи Мисима в дальнейшем станут более радикальными, и роль интеллигенции в вопросе сохранения японских традиций и императорского режима будет передана армии.

Отметим, что уже в раннем эссе Мисима обосновывает теоретическую рамку своих политических взглядов. В эссе «Рассуждение о новом фашизме» в меньшей степени прослеживаются «личные обоснования» политических суждений писателя. Мисима цитирует и свободно интерпретирует классические западные работы, посвящённые теме фашизма. Он пытался оспорить идеи коммунистов, которые стали набирать популярность в послевоенный период, и опровергнуть их позицию по поводу возрождения «фашистской угрозы» в послевоенной Японии, попытался теоретически обосновать единство коммунизма и фашизма, доказав, что они имеют одинаковое происхождение. Тема фашизма, над которой Мисима размышляет в эссе, была близка дискуссии первых лет окончания оккупации. Идею о том, что Япония, наравне с Германией и Италией, являлась фашистским государством, в послевоенный период наиболее активно развивали марксисты. В оккупационный период цензура, которая была введена американским штабом, ограничивала свободу высказываний японских интеллектуалов на тему фашизма. В связи с этим эссе «Рассуждение о новом фашизме» Мисима, которое было опубликовано после окончания оккупации, представляет собой смелое высказывание и в адрес набравших популярность коммунистов, и в адрес

американского штаба, провозгласившего новые порядки на всей территории Японии. Ироничная тональность эссе и характерно правая позиция Мисима существенно отличается от интеллектуального мейнстрима того времени. «Рассуждение о новом фашизме» положило начало политическим размышлениям писателя. Работа носит теоретический характер и не содержит политических побудительных призывов, которые впоследствии будут характерны для деятельности и творчества Мисима. Политические взгляды, которые отражены в поздней эссеистике 1960-х годов, когда писатель обращается к ультраправой версии патриотизма, сопряжены с действиями. Мисима участвует в реальной политической жизни Японии, создаёт и тренирует собственную армию, встречается с представителями студенческих движений, которые устраивают масштабные демонстрации в Токио, и в меньшей степени обращается к теории для обоснования своей деятельности.

Мисима Юкио

Рассуждение о новом фашизме

Успех безумия – в литературе, философии и политике, – это одна из особенностей нашего времени, и наиболее успешная форма безумия проистекает практически целиком из стремления к власти.

Бертран Рассел. Власть: новый социальный анализ

Моё сочинение на заданную тему

Я начал проявлять интерес к фашизму после того, как всякие леваки стали вопить о том, что я – фашист. Но поскольку для них слово «фашист» является в высшей степени оскорбительным ругательством, то, если провести аналогию с бытовой речью, его смысл будет очень близок к смыслу слов «дурак» или «тупица». Пусть так, но сам факт того, что меня впервые прозвали каким-либо «истом», слегка потешил моё тщеславие. Один мой приятель – ещё больший сквернослов, чем коммунисты – как-то сказал: «Раньше ты был всего лишь педерастом, но теперь, когда тебя стали называть фашистом, ты впервые поднялся до уровня “иста” и сделался куда более важным». Мне пришлось озаботиться данным вопросом, но переводов источников по фашизму на японский язык очень немного, а в оригинале я их не читаю. Поэтому я решил написать это сочинение на заданную тему, основываясь на тех нескольких работах, с которыми я знаком.

Я считаю, что фашизм в чистом виде – это, по большей части, западноевропейский феномен, главным образом представленный в Италии, где он зародился, и включающий в себя немецкий нацизм. По мнению английского коммуниста Палма Датта ¹, западноевропейский фашизм имеет определённый свод правил относительно захвата государственной власти, который не выходит за рамки общепринятых представлений.

---

¹ Раджани Палм Датт являлся видным британским коммунистическим деятелем индийско-шведского происхождения, историком, публицистом и членом Коммунистической партии Великобритании с года её основания, был одним из ведущих её теоретиков (1898–1974).

Поскольку работа Палма Датта «Фашизм и социалистическая революция»² написана с позиций Коммунистической партии, в ней прослеживается тенденция к изображению фашистов в качестве пустоголовых членов бандитской шайки, полностью игнорируются такие вопросы, как неизбежность появления фашизма и обретение им идеологических сторонников среди интеллигенции. В целом, в этой работе закрепляются все закостенелые суждения материалистической диалектики. Первое издание этой книги было опубликовано в 1934 г. Судьба фашизма сложилась именно так, как в ней говорилось, поэтому теперь её можно назвать классической работой. Распространённым поведением среди коммунистов является обвинение в мистицизме всех врагов без исключения, и в этой книге постоянно подчёркивается подобный характер фашизма. Я, однако, не смог сдержать усмешку, когда прочёл, что Гитлер в книге «Моя борьба» обвиняет в том же мистицизме самих коммунистов³.

Итак, по мнению Палма Датта, фашизм – это последняя возможность для загнанного в угол капитализма спасти себя. В таком случае типичный захват политической власти протекает следующим образом. Вначале коммунисты получают большинство мест в парламенте, руководят всеобщими забастовками, а когда до вспышки революции остаётся один шаг, всё рушится из-за предательства социал-демократов. Выждав удобный момент, фашисты, опираясь на поддержку капиталистов, приступают к действиям, разворачивая антикоммунистический террор, одновременно с этим завоёвывают народную поддержку, рядясь в одежды социализма. Стоит им обрести власть, как от социализма остаётся одно лишь название, и при покровительстве монополистического капитала на основаниях мистической философии фашизма начинают совершаться до этого не являвшиеся частью идеологии акты насилия, которые постфактум подвергаются теоретизации. Затем, как только удаётся захватить политическую власть, и начинается монополизация политики, социалистические принципы, по факту, остаются только в названиях⁴. О том, как данную схему попытались адаптировать в Японии, я расскажу далее. Перед этим следует подробнее изучить эту неистовую форму правления, этот феномен, прочно укоренившийся в XX веке, в том числе и в Японии, до того периода, когда фашизм был во всеуслышание объявлен «мировоззрением».

Фашизм в феодальной Японии

Все современные формы правления, как мне кажется, можно разделить на два типа: относящиеся к технической политике (институты власти, выработка инструментов управления) и относящиеся к идеологической политике (формирование общего для объектов

---

² Книга Палма Датта, опубликованная в 1934 г., которая затрагивала вопросы социальных изменений, возникших в начале XX века, а также анализ обстоятельств, которые привели к появлению феномена фашизма.

³ Выражение, которое использовал Мисима Юкио в своём эссе, звучит не совсем корректно, поскольку Гитлер в автобиографической книге «Моя борьба» обвинял коммунистов в том, что народ, состоящий из неграмотных людей, был вовлечён в коммунистическую революцию совсем не чтением теоретических сочинений Карла Маркса, а лишь идеями о прекрасном будущем, которые проповедовали им агитаторы коммунистической партии.

⁴ Здесь Мисима Юкио кратко изложил основные выводы и рассуждения, касающиеся популяризации фашистских идей и захвата политической власти фашистской партией на примере Германии, которые высказал Палм Датт в работе «Фашизм и социалистическая революция».

политики понятийного аппарата)⁵. Характерной моделью первой является парламентская демократия, имеющая давнюю традицию, и в настоящее время мыслящаяся как нечто, возникшее естественным образом. Задолго до Французской революции, в глубокой древности существовала так называемая афинская демократия. Она являлась порождением эпохи, когда политика мыслилась как техника управления, и, начиная с нового времени (периода Мэйдзи для Японии), в релятивистском представлении – появление такой профессии, как «политик», было обусловлено идеей общественного разделения труда. Политика не являлась мировоззрением: после отделения государства от церкви мораль была вверена в руки последней. Также политика не стала точной наукой, ведь этим словом нельзя назвать то искусство управления, которое практиковали правители городов-государств в бурный период Ренессанса. Политика была своего рода мастерством бытия высшего уровня. Таким образом, и демократию, и социализм можно представить в качестве разновидностей технической политики.

Второй тип – это идеологическая политика, которая занялась решением проблем, с которыми к XX веку не смогла справиться политика техническая. Это коммунизм и фашизм. То, что первый полагается на науку, а второй – на миф, указывает на непреодолимый контраст между ними. Я считаю, что, когда речь заходит о науке, мы вспоминаем о трансцендентальных когнитивных возможностях, а когда говорим про миф, подразумеваем подсознательную память. Искусственные политические концепты пытаются скрыть свою «искусственность», водружая собственные истоки на парчовом знамени. И «Капитал», и «Моя борьба» – лишь произведения, написанные конкретными людьми, но даже произведения Вольтера не достигли такого уровня обожествления. Главная особенность идеологической политики заключается в том, что идеи и воззрения отдельной личности получают реализацию в действительности, а власть становится не технической, а систематичной. Политические концепции затрагивают всё, что только возможно: религию, мораль, науку, искусство, – из-за чего такая форма политики скорее напоминает культурализм⁶. Таким образом, идеологическая политика в своей генеративной форме считается вершиной индивидуализма. Если коммунизм пытается научно обосновать политику или политизировать науку, говоря о том, что художественное творчество есть нечто уникальное, то фашизм – это попытка политизации искусства.

В этой работе нет возможности подробно затронуть тему коммунизма, поэтому мы сузим объектив и осветим только тему фашизма, а именно – рассмотрим вопрос, по какой причине так называемые фашисты в Японии не имеют ничего общего с тем фашизмом, который является феноменом XX века. Ведь все до единого правые в довоенное время были ярыми сторонниками императора. Их идеям крайне не хватало искусственно созданной системы. Другими словами, поскольку парламентская демократия – это форма технической политики, она могла бы быть установлена даже при наличии некоторых противоречий в соответствии с Конституцией Мэйдзи. Однако, поскольку фашизм является искусственной формой идеологической политики, то, честно говоря, это был самый неподходящий вариант

---

⁵ Определение форм правления, которые использовал Мисима Юкио в своём эссе (техническая политика и идеологическая политика), являются его собственной типологией.

⁶ Идея, которая была раскрыта в трудах таких исследователей, как Лео Фробениус и Лесли Уайт, относительно того, что культура имеет независимое от человека существование и то, что культура производит человека, а не человек культуру.

для императорской власти, которая имеет своё естественное происхождение. Я не думаю, что то, что называют японским фашизмом военного времени, включая нацификацию отдельных сфер жизни и контроль над выражением общественного мнения, является чем-то бóльшим, нежели теоретической путаницей, с которой столкнулась техническая форма политики. Военная диктатура – явление, известное истории, в ней нет ничего нового. Регулируемая экономика и контроль над общественным мнением – это всего лишь копирование идеологической политикой политики технической. Совершенные ими преступления и злодеяния – это скорее выражение человеческого зла, пороков власти, нежели зло фашизма. Человеческое зло огромно, и значительно превосходит фашизм. (Когда я пишу эти строки, перед моими глазами предстают лица насмехающихся надо мной коммунистов.)

Кроме того, так называемые японские фашисты не имели союзников среди интеллигенции. Японская франтоватая интеллигенция не пошла за ними, распевая китайские стихи в *хаори* и *хакама* с фамильным гербом, нацепив на голову повязку с солнечным кругом. Западный фашизм, в свою очередь, представляют в качестве мелкобуржуазной революции. Палм Датт считает заблуждением трактовку либералами фашизма как самостоятельного движения среднего класса. По его мнению, основой этой политической формы является диктатура буржуазии. Фашисты зывали ко множеству свободных рабочих и специалистов, а также завоёвывали сердца интеллигенции.

Почему? И это очень важно. Всё потому, что фашизм заискивал перед нигилизмом.

Спасение для нигилистов

Муссолини возражал против позитивизма XIX века, утверждая, что «фашизм есть религиозная идея». Согласно Джованни Джентиле, главному итальянскому теоретику фашизма, истоки итальянского фашизма следует искать в движении *рисорджименто* XIX века, опиравшемся на представление, согласно которому «воля немногих – поэтов, мыслителей, политических теоретиков – управляет историей». Он описывает особенности фашизма и фашистского государства в качестве всецело духовной конструкции. В то же время это антиинтеллектуализм, это не какая-то умозрительная система, не то, что можно представить в качестве реализации определённых тезисов. Мысль и действие пребывают в неразделимом единстве, а фашизм относится без уважения к мысли, которая не может быть реализована в действии.

В Западной Европе начала XX века стремительное распространение антиинтеллектуализма было спровоцировано нигилизмом. Заискивая перед этими настроениями, свою популярность обрели Фрейд и фашизм. Предтечей этого был Ницше.

Согласно Хельмуту Тилеке⁷ (Helmut Thielicke), абсолютизация Ничто ставит нигилиста перед лицом саморазрушения и крушения мира, вынуждая его принижать самого себя до уровня лишь исполнителя определённой функции, одной из шестерёнок механизма. Это и привело к утверждению фашизма. Однако для фашизма, безусловно, было удобнее использовать в своих целях последователей Ницше, нежели таких подобных баранам наркозависимых. Одной из тенденций так называемого активного нигилизма было стремление к фашизму.

---

⁷ Немецкий протестантский богослов (1908–1989).

Нигилист стоит перед лицом крушения мира. Мир утрачивает всяческий смысл. Здесь срабатывает психология отчаяния, и если отчаявшийся однажды сам пришёл к отсутствию смысла, для него лучшим выходом будет надежда сохранить это ощущение. Нигилист становится отъявленным лицемером. Поскольку главной посылкой является бессмысленность, нигилист обладает наивысшей свободой действовать так, будто это имеет смысл, одним словом, он становится всемогущим человеком. Это основания для действий нигилиста.

Коммунисты указывают на абсурдное ребячество фашистских мифов, но именно по этой причине фашизм смог поглотить интеллигенцию.

Также нигилист ни в коем случае не впадает в релятивизм. Поскольку абсолютизация Ничто является главной предпосылкой, независимо от конкретных идей, как раз абсолютизм является лучшей моделью Ничто.

Если принять, что «мысль, которая не может быть реализована в действии, не достойна уважения»⁸, то люди, которые не могут перестать мыслить, должны беспрерывно действовать каким угодно образом. В этом смысле фашизм был спасением для нигилистов, подобно лекарству от душевной болезни.

Возникновение фашизма неразделимо связано с духовной обстановкой в Европе второй половины XIX – начала XX века. Движущей силой фашизма, безусловно, были нигилисты. Не существует ничего более далекого от оптимизма правых в Японии, чем фашизм.

Зло идеализма, которое окружает мир

Поскольку страниц остаётся всё меньше, придётся перейти к беглому изложению. Национализм, по существу, является вторичной производной по отношению к фашизму, а его основные положения – лишь развитие идей философии солипсизма. Как пишет Бертран Рассел, «вера в расу и национализм являются естественным результатом психологии солипсизма»⁹. Японские правые восприняли эти второстепенные основания фашизма в качестве основных. Было правильным со стороны не то Джованни Джентиле, не то другого мыслителя описать существенную разницу между национализмом и тоталитаризмом, не рассматривая фашизм в категориях социального национализма. Национализм – это самое лёгкое в использовании оружие.

Так называемый дикий эмоциональный национализм в настоящее время стал психологической основой революций в Азии. В сегодняшней Азии революция вспыхивает не в среде городских рабочих, она скорее принимает форму организованных крестьянских восстаний. Тезисы коммунистов национального фронта в Азии после Второй мировой войны, воспользовавшись очарованием национализма, полностью лишили японских правых важной сферы влияния.

Если ограничиться только обозначенным вопросом, то получается, что провозглашённая сегодня фашистская угроза на самом деле является псевдофашистской, или же то, о чём мы поговорим далее, угроза «фашизма как отражения».

---

⁸ Цитата, которая была взята Мисима Юкио, является основной идеей, высказанной в философском учении Ван Янмина о необходимости действия.

⁹ Бертран Рассел высказал данную мысль в произведении «История западной философии», опубликованной в 1945 г.

Нынешняя опасность состоит не в фашизме и коммунизме как таковых, а в концепции «антикоммунизма», поскольку техническая форма политики впоследствии отказалась от релятивизма, что и привело к появлению идеологической политики.

Несмотря на то, что противостояние двух миров рассматривают в духе противоречий между государствами капиталистическими и коммунистическими, а также демократическими и коммунистическими, между политическими формами, изначально принадлежащими к разным категориям, строго говоря, не существует антагонизма. Если что-то есть, то это столкновение сил, а не конфликт понятий. Поэтому истинная опасность заключается в том, что конфликт власти облачается в одежды противостояния идей.

Каждый раз, когда я слышу слова «свободный мир», я не могу не рассмеяться. Забавно, что изначально относительная идея свободы претендует на то, чтобы быть абсолютной. Зло, которое несёт идеализм, окружает мир сегодня именно из-за бездумного подражания абсолютизму.

Великобритания остаётся верна традициям технической политики, не забывая о релятивизме и реализме. Так же, как и Советы, с тех пор как при Маленкове философия технической политики была воспринята исключительно в качестве формы. (На самом деле, если совершится «коммунизация» мира, техническая форма политики снова возродится, тогда как идеи абсолютизма распадутся, впад в релятивизм. В азиатских странах эти две формы уже шагают в ногу.) Складывается впечатление, что только США твёрдо придерживаются взгляда «мировоззрение в отражении». Даже если факт того, что демократия стремится осуществлять контроль над общественным мнением и регулировать мораль и культуру, кажется кому-то странным, в действительности в этом нет ничего особенного.

Западный фашизм стал болезненным историческим инцидентом первой половины XX века. Мне кажется невероятным, чтобы он возродился без каких-либо изменений.

Фашизм также универсален

Теперь вернёмся к разговору обо мне. Товарищи коммунисты, пожалуйста, перестаньте обзывать людей фашистами без разбора! Обозвать человека фашистом – всё равно что сделать его таковым. Члены коммунистической партии на любого своего врага готовы наклеить ярлык фашиста. Люди же, которые не способны отличить одного от другого, тут же начинают представлять себе картины легендарных концентрационных лагерей. Глупо становиться как коммунистом, так и фашистом, из-за страха. Ваши настойчивые выкрикивания могут стать причиной возрождения не псевдо-, а самого настоящего фашизма.

Насилие и жестокость – явления, универсальные для всего человечества. Они буквально живут среди людей. Стоит лишь взглянуть на прилавки сегодняшних магазинов, заполненные журналами с фотографиями связанных верёвками истязаемых женщин, станет понятно, сколько садистов среди обычных людей, с безразличным лицом пьющих кофе или играющих в *патинко*. Точно так же и фашизм универсален. Не будет преувеличением сказать, что, особенно в XX веке, ростки фашизма непременно таятся там, где существует отчаяние.

Итак, если я теперь внезапно подниму вопрос «смысла существования художника», люди, наверное, скажут: «Что, опять?». Если заговорю о том, что же такое красота, то меня

поднимут на смех, подобно тому, как поступил Усуи Ёсими¹⁰, сказавший: «Да, Мисима в 30 лет с такой рожей точно нужно поговорить о красоте». Но поскольку нигилисты не склоняются к политике абсолютизма, позвольте мне напоследок высказать свои убеждения: красота всегда существует как символ релятивистской веры. Красота обращает взор нигилистов, абсолютизирующих ничто, в сторону относительности явлений и заставляет заглянуть в её бездну. В этом и заключается основная задача искусства сегодня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Датт Р.* Фашизм и социалистическая революция. М., 1935.
- Книга самурая: *Юдзан Дайдодзи*. Будосёсинсю; *Ямамото Цунэтомо*. Хагакурэ; *Юкио Мисима*. Хагакурэ Нюмон / пер. на русский: Котенко Р.В., Мищенко А.А. СПб.: Евразия, 2000.
- Мещеряков А.Н.* Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009.
- Мисима Юкио*. В защиту культуры // Голоса духов героев / вступ. ст., сост., пер. с яп. А.Г. Фесюна. М.; СПб.: Летний сад, 2002.
- Мисима Юкио*. Голоса духов героев / вступ. ст., сост., пер., с яп. А. Г. Фесюна. М.; СПб.: Летний сад, 2002.
- Мисима Юкио*. Син фассидзуму рон [«Рассуждение о новом фашизме»] // Мисима Юкио. Сёсэцука-но кюка. Токио: Синтёся, 2011. С. 207–220.
- Мисима Юкио*. Учение Ван Янмина как революционная философия / Голоса духов героев / вступ. ст., сост., пер. с яп. А. Г. Фесюна. М.; СПб.: Летний сад, 2002.
- Натан Дж.* Мисима: Биография / пер. с англ. М. Абушика. СПб.: Азбука-классика, 2006.
- Чанцев А. В.* Бунт красоты. Эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова. М.: Аграф, 2009.
- Abel Jonathan*. Redacted: The Archives of Censorship in Transwar Japan, University of California Press, 2012.
- Dower John*. Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II. Norton Comp., 1999.
- Flanagan Damian*. Yukio Mishima. London: Reaction Books, 2014.
- Frank Richard*. MacArthur. NY.: Palgrave MacMillan, 2007.
- Gordon Andrew*. Postwar Japan as History: University of California Press, 1993.
- Inose Naoki*. Persona: a Biography of Yukio Mishima / Naoki Inose; with Hiroaki Sato, 2012.
- Jansen Marius*. The Making of Modern Japan. London: Harvard University Press, 2000.
- Mishima Yukio*. Sun and Steel / transl. by John Bester. Kodansha USA, 2003.
- Stokes Henry Scott*. The Life and Death of Yukio Mishima. Cooper Square Press, 2000.
- Tanaka Yuki*. Japan's Comfort Women. Sexual Slavery and Prostitution during World War II and American Occupation. London, NY.: Routledge, 2002.
- Wilson George*. A New Look at the Problem of «Japanese Fascism». Cambridge University Press. 1968.

---

¹⁰ Японский критик, романист и член Национальной академии наук (1905–1987). Имел напряжённые отношения с Мисима Юкио, часто негативно высказывался относительно его видения сочетания красоты и смерти.

Yamazaki J.W. Japanese Apologies for World War II. London, NY.: Routledge, 2006.

Yoshida Shigeru. The Yoshida Memoirs. The Story of Japan in Crisis. London: Heinemann, 1961.

REFERENCES

Abel, Jonathan (2012). Redacted: The Archives of Censorship in Transwar Japan, University of California Press.

Chantsev, A.V. (2009) Bunt krasoty. Estetika Yukio Misimy i Eduarda Limonova [Beauty revolt. Aesthetics of Yukio Mishima and Eduard Limonov], Moscow: Agraf. (In Russian).

Datt, R. (1935). Fashizm i sotsialisticheskaya revolyutsiya [Fascism and the socialist revolution], Moscow. (In Russian).

Dower, John (1999). Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II, Norton Camp.

Flanagan, Damian (2014). Yukio Mishima, London: Reaction Books.

Frank, Richard (2007). MacArthur, New York: Palgrave MacMillan.

Gordon, Andrew (1993). Postwar Japan as History, University of California Press.

Inose, Naoki (2012). Persona: a Biography of Yukio Mishima, Naoki Inose; with Hiroaki Sato.

Jansen, Marius (2000). The Making of Modern Japan, London: Harvard University Press.

Kotenko, R.V. and Mishchenko, A.A. (transl.) (2000). Yuzan Daydodzi. Budososinsyu. Yamamoto Tsunetomo. Khagakure. Yukio Misima. Khagakure Nyumon [Yuzan Daidoji. Budoshoshinshu. Yamamoto Tsunetomo. Hagakure. Yukio Mishima. Hagakure Nyumon], Saint Petersburg: Yevraziya. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2009). Byt' yaponsem: istoriya, poetika i stsenografiya yaponskogo totalitarizma [Being Japanese: History, Poetics, and Scenography of Japanese Totalitarianism], Moscow: Natalis. (In Russian).

Mishima, Yukio (2002). Golosa dukhov geroyev [Voices of the Spirits of Heroes], Moscow: Letniy sad. (In Russian).

Mishima, Yukio (2002). Ucheniye Van Yanmina kak revolyutsionnaya filosofiya [The doctrine of Wang Yangming as revolutionary philosophy], in *Golosa dukhov geroyev* [Voices of the spirits of heroes], Moscow: Letniy sad. (In Russian).

Mishima, Yukio (2002). V zashchitu kul'tury [In Defense of Culture], in *Golosa dukhov geroyev* [Voices of the Spirits of Heroes], Moscow: Letniy sad. (In Russian).

Mishima, Yukio (2003). Sun and Steel, transl. by John Bester, Kodansha USA.

Mishima, Yukio (2011). Shin fasshizumu ron [The Reasoning on the New Fascism], in *Shosetsuka-no kyuka*, Tokyo: Shinchosha: 207-220. (In Japanese).

Nathan, J. (2006). Misima: Biografiya [Mishima: Biography], Saint Petersburg: ABC Classic. (In Russian).

Stokes, Henry Scott (2000). The Life and Death of Yukio Mishima, Cooper Square Press.

Tanaka, Yuki (2002). Japan's Comfort Women. Sexual Slavery and Prostitution during World War II and American Occupation, London, New York: Routledge.

Wilson, George (1968). A New Look at the Problem of «Japanese Fascism», Cambridge University Press.

Yamazaki, J.W. (2006). Japanese Apologies for World War II, London, New York: Routledge.

Yoshida, Shigeru (1961). The Yoshida Memoirs. The Story of Japan in Crisis, London: Heinemann.

Поступила в редакцию 05.08.2019

Received 5 August 2019

Для цитирования: Маслова А.В. Взгляды Мисима Юкио на послевоенное устройство Японии в ранней эссеистике на примере эссе «Рассуждение о новом фашизме» // Японские исследования. 2019. № 3. С. 112–127. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10023

For citation: Maslova A.V. (2019). Vzglyady Misima Yukio na poslevoyennoye ustroystvo Yaponii v ranney esseistike na primere esse “Rassuzhdeniye o novom fashizme” [Mishima Yukio's perception of the post-war state structure of Japan on the example of the essay “The Reasoning on the New Fascism”], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2019, 3: 112–127. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10023

Книжная полка**Book Reviews**

Японские исследования. 2019. № 3. С. 128–133.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 128–133.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10024

Как трудятся люди в Стране восходящего солнца

Рецензия на монографию Лебедевой И.П. «Японский рынок труда в XXI веке. Экономические и социальные проблемы»

Д.А. Марьясис

Аннотация. Статья представляет собой критический анализ монографии И.П. Лебедевой «Японский рынок труда в XXI веке. Экономические и социальные проблемы» (М.: Институт востоковедения РАН, 2019, 314 с. ISBN: 978-5-89282-887-1). Отмечается вклад автора в изучение вопросов развития японской экономики и общества российскими японоведами, а также полезность монографии для специалистов, занимающихся вопросами развития рынка труда на современном этапе. В статье даётся подробный анализ основных проблем, рассматриваемых в работе, отмечаются профессионализм автора и одновременно легкость изложения материала, что облегчает восприятие читателем довольно сложных вопросов и делает книгу интересной не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

Ключевые слова: Япония, рынок труда, структура и формы занятости, молодёжь, женщины, пожилые работники, социальное расслоение и социальная политика.

Автор: Марьясис Дмитрий Александрович, кандидат экономических наук, руководитель отдела изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, заместитель декана экономического факультета Института экономики, математики и информационных технологий РАНХиГС. E-mail: dmaryasis@ivran.ru

How people work in the Land of the Rising Sun

Review of the monograph by I.P. Lebedeva “The Japanese labor market in the 21st century. Economic and social problems”

D.A. Maryasis

Abstract. The article presents a critical analysis of I.P. Lebedeva’s monograph “The Japanese labor market in the 21st century. Economic and social problems” (Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2019, 314 p. ISBN: 978-5-89282-887-1). The reviewer notes the author's contribution to the study of the development of the Japanese economy and society by Russian specialists in Japanese Studies, as well as the usefulness of the monograph for specialists studying the development of the labor market at the present stage. The article provides a detailed analysis of the main problems considered in the work and notes the

author's professionalism and ease of presentation, which facilitate the reader's perception of rather complex issues and make the book interesting not only for specialists, but also for a wide range of readers.

Keywords: Japan, labor market, structure and forms of employment, youth, women, older workers, social stratification and social policy.

Author: *Maryasis Dmitry A.*, PhD (Economics), Head, Israel and Jewish Communities' Studies Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Deputy Dean, Faculty of Economics, Institute of Economics, Mathematics and Information Technologies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: dmaryasis@ivran.ru

Когда бы и с кем ни зашёл разговор о Японии, то и дело возникают эпитеты «удивительная», «уникальная», «загадочная». Кого-то эта особенность страшит, кого-то привлекает, для кого-то «открытие» Страны восходящего солнца стало профессией. В России Японию изучают уже три столетия. Во второй половине XX века, когда Япония совершила мощнейший экономический рывок, экономические аспекты развития этой страны стали привлекать всё больше внимания учёных из разных стран мира. Советский Союз, а затем и Россия, исключениями не стали.

Вышедшая в 2019 г. в Институте востоковедения РАН монография известного российского япониста Ирины Павловны Лебедевой «Японский рынок труда в XXI веке. Экономические и социальные проблемы» является, как кажется, важным вкладом в копилку отечественного экономического страноведения в целом. Ведь посредством исследования

того, как на современном этапе функционирует в Японии такой важный элемент национальной экономической системы, как рынок труда, автор не только улучшает наши представления о современной Японии, но и увеличивает располагаемую отечественными экономистами базу знаний об особенностях рынка труда в принципе. Пример Японии – одной из наиболее развитых экономик мира – при всей его специфичности, без сомнения, является необходимым для изучения экспертами в любой стране (включая нашу) в контексте формирования государственной политики в сфере занятости, социального обеспечения и других аспектов рассматриваемой в данной монографии тематики.

В книге (помимо обязательных введения и заключения) три главы, разделённых на разделы. Структура монографии такова, что в итоге у читателя создаётся объёмная картина современного состояния японского рынка труда. Обилие иллюстративного материала – таблиц, графиков, диаграмм – с обстоятельными пояснениями способствует лучшему пониманию изложенных в работе концепций, подчёркивает основные мысли автора. Повествование построено условно по спирали. То есть некоторые аспекты исследуемой тематики показываются сначала с одной стороны, а потом они же появляются как бы уже на другом «витке» спирали, рассматриваются в другом контексте. Это позволяет читателю получить более чёткое представление о показанных в работе структурных элементах рынка труда Японии. Если к этому прибавить чёткий, профессиональный и вместе с тем достаточно лёгкий для понимания язык книги, то следует констатировать, что автор приложил максимум усилий, чтобы донести свои мысли до тех, кто решит прочитать эту монографию.

И вот здесь возникает вопрос, а для кого, собственно, книга написана? Ни во введении, ни в заключении И.П. Лебедева сама не определяет целевую аудиторию монографии. По прочтении данной работы у автора рецензии сложилось собственное понимание, кому она может быть интересна. Во-первых, книга безусловно будет полезна экономистам, специализирующимся на исследованиях вопросов занятости, рабочей силы, развития рынков труда в целом. Во-вторых, она является ценным источником знаний и важной статистической информации для студентов-японистов. В-третьих, как кажется, небезынтересна она будет тем, кто в принципе интересуется Японией. Монография на самом деле получилась несколько шире названия – автор, строго придерживаясь им самим заданной логики работы, смогла нарисовать более общую картину современного японского общества, его отношения к труду в принципе, а на самом деле и к семье, образованию и другим, связанным с этим, элементам общественной жизни. В-четвёртых, наконец, данная монография представляет определённый интерес для экспертов-японистов. Поскольку автор данной рецензии к этой группе не относится, то ему сложно оценить, что из описанного в монографии входит в базовый набор знаний эксперта в этой области. Но при чтении работы создавалось ощущение, что в ней изложен ряд базовых принципов функционирования японского рынка труда, которые должны быть известны экспертному сообществу японистов. Однако, в монографии вместе с тем приведено много новых данных и описаны процессы, происходящие на рынке труда Японии непосредственно в последние годы. И в этой части монография И.П. Лебедевой должна быть, безусловно, интересна и полезна экспертам-японистам.

В первой главе книги рассмотрены основные структурные характеристики рынка труда Японии. В этой главе три раздела. Первый посвящён анализу сдвигов в структуре занятости. Основное, что отмечает автор работы в связи с этим – это рост значения сектора услуг

в национальной экономике, расширение участия женщин в экономической жизни страны, внедрение новых технологий и новой техники. Всё это привело к существенным изменениям в структуре занятости.

Отдельно хотелось бы отметить один момент. И.П. Лебедева обращает внимание на такое специфическое явление, как рост спроса в Японии на неквалифицированный труд. В качестве одного из объяснений этого явления автор приводит «провал страны в плане использования возможностей IT революции» (с. 32) и там же сразу оговаривается, что оставляет это без комментариев ввиду необходимости для корректного анализа иметь специальные знания. С одной стороны, такая позиция вызывает уважение, так как Ирина Павловна, будучи специалистом высочайшей квалификации, не хочет писать о том, что находится вне рамок её компетенции, чтобы не снижать уровень исследования. С другой стороны, отмеченный ею процесс – это не единичный случай, а общемировая тенденция. Она будет оказывать на рынок труда Японии и других стран мира всё большее влияние. И, на взгляд автора данной рецензии, это явление и его влияние на происходящие процессы в структуре занятости необходимо объяснять. Вполне возможно, что это потребует комментариев специалистов в данной области, совместного обсуждения указанной проблематики. Было бы очень интересно увидеть итог такого процесса, может быть, в качестве отдельной статьи за авторством Ирины Павловны Лебедевой.

Во втором разделе первой главы рассматривается диверсификация форм занятости. То есть автором описывается важнейшее изменение на японском рынке труда – реформирование системы пожизненного найма, которая определяла (и определяет) развитие экономики страны в её послевоенной истории. В работе показан процесс усиления роли различных других форм занятости (как постоянных, так и не постоянных) в Японии. В этом разделе и далее в монографии И.П. Лебедева с разных сторон показывает конфликт, возникший в японском обществе в процессе адаптации экономической модели японской экономики к требованиям времени. А именно, конфликт между всё ещё ведущей ролью системы пожизненного найма и её высоким престижем и активным развитием других форм занятости на рынке труда страны.

Третий раздел первой главы посвящён анализу того, что автор назвал структурными несоответствиями на рынке труда. Другими словами, в этой части монографии рассмотрены вопросы спроса на рабочую силу и её предложения. В целом, как показывает автор, если оценивать общую картину, то положение на рынке труда Японии достаточно благополучное. Однако при более пристальном рассмотрении проявляются разного рода структурные несоответствия. Так, в монографии показано несоответствие между требованиями компаний к качеству нанимаемых работников и их уровнем квалификации при одновременном несоответствии между ожиданиями работников от места приложения их усилий и реальными условиями, в которых они оказываются.

Рассматриваются и некоторые другие аспекты данной проблематики, в частности вопросы трудовой миграции. Автора данной рецензии как специалиста по экономике Израиля, в достаточной мере закрытой для иностранных высококвалифицированных работников (вплоть до самого последнего времени) страны, заинтересовал опыт (точнее, факт его практического отсутствия) Японии по открытию границ для притока иностранной рабочей силы (с. 74–75). В дальнейшем было бы очень интересно узнать, смогли ли произошедшие в конце 2018 г. изменения в законодательном обеспечении данной сферы

произвести существенные изменения на японском рынке труда в части привлечения иностранных работников.

Во второй главе монографии рассматриваются вопросы занятости молодёжи, женщин и пожилых работников. Она также состоит из трёх разделов, каждый из которых посвящён исследованию одного из трёх указанных выше аспектов анализируемой в книге проблематики.

Итак, в первом разделе второй главы рассматривается важнейшая составляющая рынка труда любой страны, а именно ситуация с молодёжью. Специфика занятости этой когорты, изменения в образовательном уровне, наличие перспектив будущего развития – всё это определяет то, какой будет страна в средне- и долгосрочной перспективе. Основное, на чём делается акцент в данном разделе, это анализ усложнения социальной среды для молодёжи. В послевоенной Японии, как показывает автор, для молодых людей всё было достаточно предсказуемо и просто. Сейчас же новые глобальные вызовы в виде научно-технического прогресса, распространение альтернативных пожизненному найму форм занятости, появление множественности систем ценностей – эти и другие факторы создают для современной японской молодёжи бóльшую вариативность при выборе жизненного пути. Таким образом, в настоящий момент мы наблюдаем столкновение современности со сложившимся до этого образом жизни. Возникает конфликтная ситуация. Как эта конфликтность будет преодолена, пока остаётся не до конца ясным.

Второй раздел второй главы посвящён рассмотрению проблем участия женщин на рынке труда Японии. В книге показано, что, несмотря на происходящие изменения, японский рынок труда по-прежнему остаётся более благожелательным для мужчин. Несмотря на ряд существенных изменений в соответствующем законодательстве, уравнивающим женщин с мужчинами на рынке труда, в реальности восприятие в общественном сознании женщин в качестве воспитывающих детей домохозяек (в той или иной степени) по-прежнему доминирует, что, особенно в условиях достаточно жёстко сегментированной японской системы занятости, создаёт своеобразный «стеклянный потолок» в развитии трудовой карьеры женщин.

Отдельно хотелось бы отметить, как на примере проблематики гендерного неравенства автор показывает то, как надо осторожно соотноситься с международными индексами (с. 146–147). Этот, безусловно, важный инструмент при сравнительном анализе стран и регионов мира, является максимально усреднённым по самой своей сути. Выводы о реально происходящих в той или иной стране процессах только на основе индексов могут быть слишком поверхностны или совсем неточны. Только понимание контекста, знание специфики национальной экономической системы позволяет адекватно оценить место страны относительно других по рассматриваемой проблеме, что и показано в книге.

Японцы известны как одна из самых долгоживущих наций на Земле. Этот, безусловно, позитивный факт, оказывает существенное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране. Пожилые граждане, с одной стороны, находятся в достаточно хорошей физической и ментальной форме, чтобы продолжать работать, а с другой – являются активными потребителями, стимулирующими рост японской экономики. Несмотря на наличие определённых проблем в сфере занятости пожилых людей, всё же осознание в обществе того факта, что их активное задействование в экономической жизни страны – это необходимость ввиду старения населения и наличия у этой когорты большого жизненного опыта наряду

с часто высоким уровнем квалификации. Если к этому добавить наличие развитой системы медицинского обслуживания и соответствующей инфраструктуры, то можно сделать вывод о в целом достаточно благополучном положении этой категории населения на рынке труда Японии.

Третья, заключительная, глава монографии посвящена рассмотрению проблем социального расслоения и государственной политики в этой сфере. Исследуемая в данной главе проблематика интересна тем, что в ней вскрыты проблемы, которые для мало осведомлённого читателя никак с Японией не ассоциируются. Про Японию известно, что это одна из наиболее экономически развитых стран мира, представляющая собой более или менее однородное общество среднего класса. Несмотря на то, что по большому счёту это на самом деле так и есть, И.П. Лебедева показывает возникновение проблемы существенного расслоения по уровню текущих доходов и социальному статусу в современном японском обществе.

Активную роль в решении проблемы социального расслоения играет государство. Оно предпринимает ряд усилий по выравниванию доходов населения, в частности через реформу системы пенсионного и медицинского страхования. Реализуется также программа адресной материальной помощи наиболее уязвимым слоям населения Японии. Существенную роль государство играет и в поддержке малого бизнеса, а также некоторых отдельно взятых секторов экономики, в частности сельского хозяйства. Но если поддержка национального сельского хозяйства – это более или менее стандартная ситуация для многих стран мира, то ряд направлений поддержки малого бизнеса во многом являются специфически японскими, не всегда ожидаемыми от страны, которая является развитой рыночной экономикой.

Несмотря на ряд проблем, с которыми сталкивается социально ориентированная политика японских властей, автор монографии полагает, что страна в целом с достоинством с ними справится. И предыдущие разделы книги, показывающие удивительную приверженность жителей Страны восходящего солнца труду, их ответственность не только за себя, но и за страну в целом, позволяют согласиться с мнением Ирины Павловны Лебедевой, которая написала интересную, полезную, современную работу, раскрывающую важные аспекты бытования японского общества в первые десятилетия XXI века.

Поступила в редакцию 28.08.2019

Received 28 August 2019

Для цитирования: Марьясис Д.А. Как трудятся люди в Стране восходящего солнца // Японские исследования. 2019. № 3. С. 128–133. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10024

For citation: Maryasis D.A. (2019). Kak trudyatsya lyudi v Strane voskhodyashchego solntsa [How people work in the Land of the Rising Sun], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 128–133. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10024

Научное издание

Японские исследования
№ 3, 2019

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Выпускающий редактор:	Е.В. Белилина
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков
Дата публикации:	25.09.2019

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 3, 2019

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Publishing editor:	E.V. Belilina
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov
Date of issue:	25 September 2019

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russia.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 499 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.japanjournal.ru

日
本
研
究